

Эрих фон МАНШТЕЙН

УТЕРЯННЫЕ ПОБЕДЫ

*«Я стремился передать то, что я сам пережил,
передумал и решил».*

ИСТОРИЯ ВОЙН
И
ВОЕННОГО ИСКУССТВА

Эрих Манштейн
Утерянные победы

«АСТ»

1955

УДК 94(430)(092)
ББК 63.3(4Гем) 8

Манштейн Э. ф.

Утерянные победы / Э. ф. Манштейн — «АСТ», 1955

ISBN 978-5-17-079134-7

Мемуары Эриха фон Манштейна являются одной из важнейших работ, вышедших в Германии, по истории Второй мировой войны, а их автор — едва ли не самым знаменитым из военачальников Гитлера. Воспоминания генерал-фельдмаршала написаны ярким, образным языком и содержат не только перечисление фактов, но и анализ событий, объясняющий смысл происходящего. Текст настоящего издания дополнен и исправлен, снабжен комментариями и приложениями. Кроме того, в книгу включены фрагменты, опущенные в предыдущих публикациях. Предназначается для читателей, интересующихся военной историей. Комментарии В. Гончарова, С. Переслегина, Б. Переслегина.

УДК 94(430)(092)

ББК 63.3(4Гем) 8

ISBN 978-5-17-079134-7

© Манштейн Э. ф., 1955

© АСТ, 1955

Содержание

Каска из папье-маше	6
Краткая биография	8
От западногерманского издательства	10
Эрих Манштейн	11
Предисловие автора	11
Часть первая	13
Глава 1. Перед наступлением	13
Генеральный штаб и польский вопрос	15
Война или блеф?	17
Глава 2. Оперативная обстановка	21
Силы германской армии и оперативный план	22
Силы польской армии и ее оперативный план	23
Замечания к развертыванию сил польской армии	24
Глава 3. Операции группы армий «Юг»	29
В штабе группы армии	30
Обстановка, предшествовавшая началу боевых действий	31
Наступление 14-й армии через Галицию	32
Прорыв 10-й армии к Висле и сражение с попавшим в окружение противником у Радома	33
Гости в штабе группы армий	35
Сражение на Бзуре	36
Воспоминания	38
Занятие Варшавы	40
Наступление к востоку от Сана и Вислы	41
Памяти павших	42
Командующий Восточным округом	45
Наш начальник гражданской администрации	45
Заключение	46
Часть вторая	47
Глава 4	50
Гитлер – фон Браухич – Гальдер	52
Глава 5. Борьба вокруг плана операций	65
Оперативный план ОКХ (Гитлера)	67
Возражения	69
План штаба группы армий «А»	72
Борьба за план группы армий «А»	74
Глава 6. Командир 38-го армейского корпуса	88
Осужден на наблюдение со стороны	88
Стремительный марш к Луаре	93
Глава 7. Между двумя кампаниями	101
Операция «Морской лев»	104
Часть третья	117
Глава 8. Танковый рейд	117
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Эрих фон Манштейн

Утерянные победы

Erich von Manstein
VERLORENE SIEGE

© Bernard & Graefe Verlag, Bonn, 2004
© Комментарии. В. Гончаров, 2013
© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Каска из папье-маше (вместо предисловия)

Мемуары Эриха фон Манштейна являются одной из важнейших немецких работ по истории Второй мировой войны, а их автор – едва ли не самым знаменитым из военачальников нацистской Германии.

Манштейн приобрел славу лучшего оперативного ума германского вермахта, и даже знаменитый Роммель не может с ним сравниться – не тот масштаб, да и театр военных действий, на котором Роммель покрыл себя славой, для Германии был глубоко вторичным. Манштейн же, начав поход на Восток с должности командира моторизованного корпуса, уже через пару месяцев получил под командование армию, а еще через год с небольшим стал командиром группы армий. Мало кто из немецких генералов мог бы похвастаться такой карьерой.

Удивительно, но никто из писавших о Манштейне, ни один автор комментариев, предисловий или послесловий к его книгам не отметил главной и бросающейся в глаза черты характера генерал-фельдмаршала – его ярко выраженного честолюбия и активного, упорного стремления к саморекламе в любой ситуации и любой ценой.

Безусловно, плох тот солдат, который не носит в своем ранце маршальский жезл, а уж офицеру-то этот жезл положено носить обязательно. Но Эриху фон Манштейну было мало, чтобы его просто ценили и выдвигали на важные военные посты – ему требовалось, чтобы о нем знали и им восхищались все, от рядового до фюрера. И такого восхищения он умело добивался еще со времен службы в рейхсвере. Вот как описывает Манштейна Бруно Винцер, служивший под его началом еще в 1920-х годах:

Нашего командира батальона звали Эрих фон Манштейн. Он участвовал в Первой Мировой войне и был в чине обер-лейтенанта. Мы его уважали.

Когда он обходил строй или после смотра говорил с кем-нибудь из нас, глаза его светились почти отцовской добротой; а может, он умел придавать им такое выражение? Но иногда от него веяло каким-то странным холодком, который я не в состоянии объяснить. Манштейн был безупречно сложен и прекрасно сидел в седле. Нам импонировало, что в каждом походе он носил точно такую же каску, как и мы, солдаты. Это было непривычно, и мы были довольны, что он подвергает себя таким же испытаниям, какие выпадают на долю воинской части, ему подчиненной. Мы бы не упрекнули его, если бы он в качестве старого фронтовика носил и легкую фуражку.

Но что за этим скрывалось! Я вскоре случайно об этом узнал. Деничик Манштейна был по профессии портной. Поэтому у господина обер-лейтенанта одежда всегда была в порядке, а нам деничик за двадцать пфеннигов гладил брюки.

Придя по такому делу к этому деничику, я заметил каску обожжаемого нами командира батальона. Шутки ради или из озорства я вздумал надеть эту каску, но чуть не выронил ее в испуге из рук. Она была сделана из папье-маше, легка, как перышко, но выкрашена под цвет настоящей каски.

Я был глубоко разочарован. Когда у нас на солнцепеке прямо-таки плавилась мозги под касками, головной убор господина фон Манштейна служил ему защитой от зноя, подобно тропическому шлему.

Теперь я, впрочем, отдаю себе отчет, что впоследствии еще не раз наблюдал такое обращение с людьми, когда ласковая отеческая усмешка

сочеталась с неопишуемой холодностью. Эта черта была присуща иным генералам, когда они посылали на задание, из которого, безусловно, никто не возвратится или вернутся только немногие.

А в тот день я положил каску обратно на стул и тихо ушел, унося свои выглаженные брюки. В душе у меня возникла какая-то трещина, но, к сожалению, небольшая.¹

Предлагаемая вниманию читателя книга – тоже один из элементов образа Манштейна, который он себе столь тщательно создавал. Воспоминания генерал-фельдмаршала заметно отличаются от мемуаров других германских высших военачальников Второй мировой, и отличаются в лучшую сторону. Они написаны ярким, образным языком и содержат не только сухое перечисление фактов, подобно воспоминаниям Гота или Гудериана, но и анализ событий, объясняющий смысл и цель происходящего. Главное же – в них изложен ход мысли полководца, его личная реакция, которая в большинстве военно-исторических сочинений обычно оказывается «за кадром».

Достаточно много места Манштейн посвящает своим отношениям с другими людьми – от адъютантов и штабных офицеров до высших деятелей Рейха и самого фюрера. Само собой, он пытается представить эти отношения в наиболее выгодном для себя свете, но в то же время старается избежать прямых выпадов и резких обвинений, всячески демонстрируя то, что высказал Гитлеру во время одного из последних разговоров: «Я – джентльмен». Джентльмен же никогда не скажет про кого-нибудь гадость прямо и открыто: нет, он сделает это намеками, обиняками...

Никакие воспоминания (за исключением самых сказочных) не пишутся по памяти; мемуарист всегда опирается на имеющиеся у него дневники, записи, документы. В данном случае можно предположить, что в качестве одного из источников для описания событий автором использовались доклады командования группы армий «Юг» в Генеральный штаб сухопутных сил и лично Гитлеру. Представленные в них сведения зачастую отличались изрядной фантастичностью – боевые возможности своих войск постоянно занижались, а численность противника завышалась, причем многократно. Следует учитывать, что эти доклады имели целью привлечь внимание руководства и добиться скорейшего получения подкреплений, поэтому они ни в малейшей степени не отражают *реальных* представлений о противнике. Увы, войсковая оперативная разведка у немцев всю войну работала весьма неплохо и имела достаточно подробную информацию о силах и возможностях противостоящей стороны.

Для настоящего издания текст воспоминаний Э. фон Манштейна сверен с оригиналом, в нем переведено несколько пропущенных в публикации 1957 года фраз (таких пропусков было на удивление немного), а также восстановлен весь авторский курсив, отмечающий как пункты перечисления, так и смысловые ударения. Книгу невозможно было оставить без достаточно объемистых комментариев; наиболее крупные из них вынесены в отдельное Приложение.

¹ Бруно Винцер. Солдат трех армий. М.: Прогресс, 1973. Стр. 75–76.

Краткая биография

Эрих фон Манштейн (Manstein), по рождению фон Левински (Lewinski) [24.11.1887, Берлин – 10.6.1973, Мюнхен], немецкий генерал-фельдмаршал (1942). Родился в семье будущего генерала артиллерии и командира 6-го армейского корпуса Эдуарда фон Левински. Двойную фамилию получил вследствие усыновления генералом Георгом фон Манштейном. Родная мать и приемная мать – сестры, урожденные фон Шперлинг. По происхождению по линии отца и матери – из старых прусских офицерских семей.

По окончании школы в Страсбурге (Эльзас) воспитывался в кадетском корпусе с 1900 по 1906 год. После сдачи экзаменов на аттестат зрелости поступил в 3-й гвардейский полк в Берлине. В 1913–1914 годах обучался в Военной академии.

Первую Мировую войну начал адъютантом 2-го гвардейского резервного полка: Бельгия, Восточная Пруссия, южная Польша. После тяжелого ранения в ноябре 1914 года с мая 1915 года сначала офицер для поручений, затем штабной офицер в армиях генералов фон Гальвица и фон Бюлова. Послужной список Манштейна впечатляет: наступление в северной Польше летом 1915 года, кампания в Сербии осенью 1915 года – весной 1916 года, Верден (летняя фаза), весеннее сражение 1917 года на реке Эн. С осени 1917 года – 1-й генералштаб-офицер (начальник штаба) 4-й кавалерийской дивизии в Курляндии. В мае 1918 года – 1-й генералштаб-офицер 213-й пехотной дивизии на Западе. Участвует в наступлении в районе Реймса в мае и в июле 1918 года. Затем – и до окончания войны – оборонительные бои.

В начале 1919 года – офицер штаба пограничного командования «Юг» в Бреслау².

Позднее зачислен в рейхсвер, где служит попеременно в Генеральном штабе³ и в войсках: командиром роты в 5-м пехотном полку, командиром егерского батальона 4-го пехотного полка. С февраля 1934 года – начальник штаба 3-го военного округа, Берлин. С июля 1935 года – начальник 1-го управления Генерального штаба сухопутных сил (оперативный отдел). В октябре 1936 года произведен в генерал-майоры и назначен первым обер-квартирмейстером Генерального штаба. Одновременно служит первым помощником и заместителем начальника Генерального штаба генерала Л. Бека.

В феврале 1938 года – в связи с отставкой генерал-полковника барона фон Фрича – снят с должности в ОКХ (Главное командование сухопутных сил) и переведен в Лигниц на должность командира 18-й дивизии. В том же году участвует в оккупации Судетской области в качестве начальника штаба одной из армий.

После мобилизации 1939 года Э. Манштейн – начальник штаба группы армий «Юг» (командующий – фон Рундштедт). В этой должности участвует в Польской кампании.

С осени 1939 года группа армий переброшена на Запад, Рундштедт и Манштейн занимают те же должности. Составляет собственный план наступления на Западе, что приводит к конфликту с руководством ОКХ. Э. Манштейна снимают с должности (формально – с повышением) и назначают командиром формирующегося армейского корпуса. Будучи представлен Гитлеру по случаю нового назначения, убеждает его властью Верховного главнокомандующего изменить план кампании на Западе. В результате план Манштейна принят – ценой заметного возрастания влияния фюрера на военные дела.

В должности командира корпуса участвует в завершающей фазе «Битвы за Францию» (операция «Рот»). Награжден Рыцарским крестом.

Далее занимается подготовительными мероприятиями к вторжению в Англию.

² Современный польский Вроцлав. (Прим. ред.)

³ Так в оригинале. На самом деле существование Генерального штаба было запрещено Германией условиями Версальского договора, поэтому его заменило так называемое «Войсковое управление» (Truppenamt). (Прим. ред.)

С марта 1941 года – командир 56-го танкового корпуса, которым руководит в первой и второй фазе русской кампании. Танковый рейд из Восточной Пруссии через Двинск до озера Ильмень. В сентябре 1941 года назначен командующим 11-й армией, направленной на изолированный театр военных действий – Крым. Весной 1942 года уничтожил советские армии, высадившиеся в районе Керчи, затем штурмом овладел Севастополем. За эти успехи Э. Манштейну присвоено звание фельдмаршала.

В августе 1942 года 11-я армия перебрасывается под Ленинград. Захватить этот город не удастся, однако Манштейн уничтожает одну советскую армию у Ладожского озера.

В ноябре 1942 года, после окружения 6-й армии Паулюса под Сталинградом, возглавил группу армий «Дон» (позднее – «Юг»). Безуспешная попытка освободить 6-ю армию, затем тяжелые бои по спасению немецкого южного крыла, которые завершаются в марте 1943 года победой под Харьковом. За этот успех получил Дубовые листья к Рыцарскому кресту.

Летом 1943 года участвует в последнем крупном немецком наступлении на Востоке – операции «Цитадель». После неудачи руководил тяжелыми оборонительными боями группы армий «Юг»; отступление за Днепр. Продолжение оборонительных боев до польской границы. В конце марта 1944 года отстранен от командования группой армий вследствие систематических расхождений с Гитлером по вопросам ведения войны на Востоке (с одновременным награждением мечами к Рыцарскому кресту).

Далее по службе использован не был.

* * *

Взят в плен англичанами в мае 1945 года. Находился в лагере для военнопленных, сначала в Германии, с 1946 года – в Англии, с 16 августа 1948 года – опять в Германии. В 1949 году как военный преступник приговорен британским судом к восемнадцати годам тюремного заключения, однако 7 мая 1953 года освобожден. Летом 1956 года являлся экспертом комиссии западногерманского бундестага и бундесрата по обороне. С ноября 1958 года жил в Иршенгаузене под Мюнхеном. Автор мемуаров «Утраченные победы» (1955) и «Из жизни солдата» (1958), развернутый вариант – «Солдат XX века» (1997).

От западногерманского издательства

4

Имя фельдмаршала фон Манштейна связано с названным Черчиллем «ударом серпа» наступлением танков через Арденны, проведенным германской армией в 1940 году и обеспечившим быстрый и полный разгром западных держав на континенте. Во время русской кампании Манштейн завоевал Крым и взял крепость Севастополь. После Сталинградской трагедии, в результате ударов, нанесенных на Донце и под Харьковом, ему удалось сорвать попытки русских отрезать все южное крыло германской армии и еще раз вырвать из их рук инициативу. Когда последнее крупное наступление, проводившееся на Восточном фронте, операция «Цитадель», в связи с обстановкой, сложившейся на других фронтах, было прервано, на долю Манштейна выпала неблагоприятная задача руководить оборонительными боями с противником, имевшим многократное превосходство в силах. Хотя указания, дававшиеся Гитлером по политическим и экономическим соображениям, сильно связывали Манштейна в его действиях, он сумел все же отвести свою группу армий за Днепр и через Украину, устояв перед натиском врага.

В своем труде Манштейн публикует неизвестные до настоящего времени документы, связанные с планом наступления германской армии в 1940 году, за который он вел борьбу с командованием сухопутных сил (ОКХ) до тех пор, пока Гитлер не принял решения в его пользу. Исходя из стратегических соображений, автор рассматривает вопрос о том, как следовало бы вести военные действия после поражения Франции, а также чем объясняется то, что Гитлер не начал, как ожидалось всеми, наступления на Англию, а выступил против Советского Союза, не нанеся окончательного поражения Великобритании. Автор дает живую и захватывающую картину боевых действий на Востоке. Неоднократно автор показывает, каких высоких достижений добились немецкие войска. Одновременно подчеркивается, что командование группы армий (фронта) все время было вынуждено, преодолевая упорное сопротивление Гитлера, добиваться проведения необходимых в оперативном отношении мероприятий. Эта борьба достигла своего кульминационного пункта, когда в конце концов 1-я танковая армия оказалась под угрозой окружения. В этот момент Манштейну еще раз удается отстоять свою точку зрения перед Гитлером и предотвратить окружение армии. Через несколько дней после этого его смещают с должности.

«Так окончилась военная карьера самого опасного противника союзников, человека, сочетавшего современные взгляды на маневренный характер боевых действий с классическими представлениями об искусстве маневрирования, детальное знание военной техники с большим искусством полководца» (Лиддел Гарт).

Книга Манштейна является одним из важнейших трудов по истории Второй мировой войны.

Издательство «Атензум», Бонн

⁴ Взято из издания 1955 года, в последнем немецком издании 2004 года это редакционное предисловие отсутствует. (Прим. ред.)

Эрих Манштейн

Утерянные победы

*Памяти моего погибшего сына Геро фон Манштейна и всех моих
погибших немецких товарищей*

Предисловие автора

Эта книга представляет собой записки солдата. Я сознательно отказался от рассмотрения в ней политических проблем или событий, не находящихся в непосредственной связи с военными действиями. Следует напомнить слова английского военного писателя Лиддел Гарта:

Немецкие генералы, участники этой войны, были по сравнению со всеми предыдущими периодами наиболее удачным продуктом своей профессии. Они могли бы только выиграть, если бы у них был более широкий горизонт и если бы они более глубоко понимали ход событий. Но если бы они стали философами, они бы уже не могли быть солдатами.

Я стремился передать то, что я сам пережил, передумал и решил, не после дополнительного рассмотрения, а так, как я это видел в то время. Слово берет не историк-исследователь, а непосредственный участник событий. Хотя я и стремился объективно видеть происходившие события, людей и принимаемые ими решения, суждение участника самих событий всегда остается субъективным. Несмотря на это, я надеюсь, что мои записи не будут лишены интереса и для историка. Ведь и он не в состоянии будет установить истину лишь на основании протоколов и документов. Самое главное – действующие лица, с их поступками, мыслями и суждениями – редко и, конечно, не полностью находят свое отражение в документах или журналах боевых действий.

При описании возникновения плана немецкого наступления на Западе в 1940 году я не последовал указанию генерал-полковника фон Секта: «Офицеры Генерального штаба не имеют имени».

Я считал, что вправе сделать это, поскольку этот вопрос – без моего участия – уже давно стал предметом обсуждения. Не кто иной, как мой бывший командующий, генерал-фельдмаршал фон Рундштедт, а также наш начальник оперативного отдела, генерал Блюментритт, рассказали историю этого плана Лиддел Гарту (я сам, к сожалению, не был знаком с Лиддел Гартом).

Если я включил в изложение военных проблем и событий личные переживания, то только потому, что судьба человека занимает свое место и на войне. В последних частях книги личные воспоминания отсутствуют; это объясняется тем, что в тот период забота и тяжесть ответственности заслонили собой все.

В связи с моей деятельностью во время Второй мировой войны события в основном рассматриваются с точки зрения высшего командования. Однако я надеюсь, что описание событий всегда даст возможность сделать вывод, что решающее значение имели самопожертвование, храбрость, верность, чувство долга немецкого солдата и сознание ответственности, а также мастерство командиров всех степеней. Именно им мы обязаны всеми нашими победами. Только они позволили нам противостоять врагам, обладавшим подавляющим численным превосходством.

Одновременно я хотел бы своей книгой выразить благодарность моему командующему в первый период войны, генерал-фельдмаршалу фон Рундштедту, за постоянно проявлявше-

еся им ко мне доверие, командирам и солдатам всех рангов, которыми я командовал, моим помощникам, в особенности начальникам штабов и офицерам штабов, – моей опоре и моим советникам.

В заключение я хочу поблагодарить также и тех, кто помогал мне при записи моих воспоминаний: моего бывшего начальника штаба генерала Буссе и наших офицеров штаба: фон Блюмредера, Айсмана и Аннуса, далее г-на Гергардта Гюнтера, по совету которого я принялся за записи моих воспоминаний, г-на Фреда Гильдебрандта, оказавшего мне ценную помощь при составлении записей, и г-на инженера Матерне, с большим знанием дела составившего схемы.

A handwritten signature in black ink, likely belonging to Erwin von Manstein. The signature is written in a cursive, flowing style with several loops and a long, sweeping tail.

Часть первая Польская кампания

Глава 1. Перед наступлением

Далеко от центра. Гитлер отдает приказ о разработке плана развертывания для наступления на Польшу. Штаб группы армий «Юг» генерал-полковник фон Рундштедт. Генеральный штаб и польский вопрос. Польша – буфер между Рейхом и Советским Союзом. Война или блеф? Речь Гитлера перед командующими объединениями в Оберзальцберге. Пакт с Советским Союзом. Несмотря на «бесповоротное» решение Гитлера, мы сомневаемся, действительно ли начнется война. Первый приказ о наступлении отменяется! Сомнения до конца! Кости брошены!

Развитие политических событий после присоединения Австрии к Рейху я наблюдал, находясь далеко от Генерального штаба.

В феврале 1938 года моя карьера в Генеральном штабе, которая привела меня на пост первого обер-квартирмейстера, заместителя начальника Генерального штаба, то есть вторую по значению должность в Генеральном штабе, неожиданно оборвалась. Когда генерал-полковник барон фон Фрич в результате дьявольских интриг партии был отстранен от должности командующего сухопутными силами, одновременно ряд его ближайших сотрудников, в числе которых был и я, был удален из ОКХ (командования сухопутных сил). Будучи назначен на пост командира 18-й дивизии в Лигнице, я, естественно, не занимался более вопросами, которые входили в компетенцию Генерального штаба.

С начала апреля 1938 года я имел возможность полностью посвятить себя службе на посту командира дивизии. Выполнение этих обязанностей приносило как раз в те годы особое удовлетворение, однако требовало полного напряжения всех сил. Ведь задача увеличения численности армии еще далеко не была выполнена. Более того, непрерывное формирование новых частей постоянно требовало изменения состава уже существовавших соединений. Темпы осуществления перевооружения, связанный с ним быстрый рост в первую очередь офицерского и унтер-офицерского корпуса предъявляли к командирам всех степеней высокие требования, если мы хотели достичь нашей цели: создать хорошо обученные, внутренне спаянные войска, способные обеспечить безопасность империи. Тем большее удовлетворение принесли итоги этой работы, особенно для меня, после долгих лет работы в Берлине получившего счастливую возможность установить непосредственный контакт с войсками. С большой благодарностью я вспоминаю поэтому об этих последних полутора мирных годах и в особенности о силезцах, которые составляли ядро 18-й дивизии. Силезия с давних пор поставляла хороших солдат, таким образом, военное воспитание и обучение новых частей было благодарной задачей.

Во время непродолжительной интермедии «цветочной войны»⁵, – я имею в виду оккупацию перешедшей в состав империи Судетской области, – я занимал уже место начальника штаба армии, которой командовал генерал-полковник фон Лееб. Находясь на этом посту, я узнал о конфликте, начавшемся между начальником Генерального штаба сухопутных сил, генералом Беком, и Гитлером по чешскому вопросу, приведшем, к моему глубокому сожалению, к отставке начальника Генерального штаба, к которому я питал глубокое уважение. С этой отставкой оборвалась последняя нить, связывавшая меня, благодаря доверию Бека, с Генеральным штабом.

⁵ Игра слов. Имеется в виду «мнимая война». (Прим. ред.)

Поэтому я только летом 1939 года узнал о директиве по развертыванию «Вайс» – первом плане наступления на Польшу, разработанном по приказу Гитлера. До весны 1939 года такого плана не существовало. Наоборот, все военные мероприятия на нашей восточной границе были нацелены на оборону, а также обеспечение безопасности в случае конфликта с другими державами.

По директиве «Вайс» я должен был занять пост начальника штаба группы армий «Юг», командующим которой должен был стать уже ушедший к тому времени в отставку генерал-полковник фон Рундштедт. Развертывание этой группы армий должно было по директиве происходить в Силезии, восточной Моравии и частично в Словакии; детали его необходимо было теперь разработать.

Так как штаба этой группы армий в мирное время не существовало, его формирование должно было произойти только при объявлении мобилизации. Для разработки плана развертывания был создан небольшой рабочий штаб. Он собрался 12 августа 1939 года на полигоне Нойхаммер в Силезии. Рабочий штаб возглавлял полковник Генерального штаба Блюментритт. При объявлении мобилизации он должен был занять пост начальника оперативного отдела штаба группы армий. Я считал это большой удачей, ибо меня связывали с этим чрезвычайно энергичным человеком узы взаимного доверия. Они возникли во время нашей совместной работы в штабе армии фон Лееба в период Судетского кризиса⁶, и мне казалось особенно ценным работать в такие времена вместе с человеком, которому я мог доверять. Подобно тому, как иногда небольшие черточки в характере человека вызывают у нас любовь к нему, так особенно привлекала меня в полковнике Блюментритте его воистину неистощимая энергия при ведении телефонных переговоров. Он и без того работал с невероятной быстротой, но с телефонной трубкой в руке он разрешал лавины мелких вопросов, оставаясь всегда бодрым и любезным.

В середине августа в Нойхаммер прибыл будущий командующий группой армий «Юг», генерал-полковник фон Рундштедт. Все мы знали его. Он был блестяще одаренным военачальником, умел сразу схватывать самое важное и занимался только важными вопросами. Все, что являлось второстепенным, его абсолютно не интересовало. Что касается его личности, то это был, как принято выражаться, человек старой школы. Этот стиль, к сожалению, исчезает, хотя он раньше обогащал жизнь нюансом любезности. Генерал-полковник обладал обаянием, которому не мог противостоять даже Гитлер. Он питал к генерал-полковнику, по-видимому, подлинную привязанность и, как это ни странно, сохранил ее и после того, как дважды подвергал его опале. Возможно, Гитлера привлекало в Рундштедте то, что он производил впечатление человека минувших, непонятных ему времен, к внутренней и внешней атмосфере которых он никогда не мог приобщиться.

Кстати, и моя 18-я дивизия в то время, когда штаб собрался в Нойхаммере, находилась на ежегодных полковых и дивизионных учениях на полигоне.

Мне не нужно говорить, что каждый из нас задумывался над тем, какие огромные события пережила наша родина с 1933 года, и задавал себе вопрос, куда этот путь приведет. Наши мысли и многие интимные беседы были прикованы к вспыхивавшим вдоль всего горизонта зарницам. Нам было ясно, что Гитлер преисполнен непоколебимой фанатической решимостью разрешить все оставшиеся еще территориальные проблемы, которые возникли перед Германией в результате заключения Версальского договора. Мы знали, что он уже осенью 1938 года начал переговоры с Польшей, чтобы раз и навсегда разрешить польско-германский пограничный вопрос. Как проходили эти переговоры и продолжались ли они вообще, нам не было известно. Однако нам было известно о гарантиях, которые Великобритания дала Польше. И я, пожалуй, могу сказать, что никто из нас, солдат, не был настолько самоуверенным, легко-

⁶ Автор имеет в виду оккупацию Чехословакии немецкими войсками. (Прим. ред.)

мысленным или близоруким, чтобы не видеть в этой гарантии исключительно серьезное предупреждение.

Уже по этой причине – наряду с другими – мы в Нойхаммере были убеждены в том, что в конце концов дело все же не дойдет до войны. Даже если бы план стратегического развертывания «Вайс», над которым мы как раз тогда работали, был бы осуществлен, по нашему мнению, это еще не означало начала войны. До сих пор мы внимательно следили за тревожными событиями, исход которых все время висел на волоске. Мы были с каждым разом все больше поражены тем, какое невероятное политическое везение до сих пор сопровождает Гитлера при достижении им его скрытых целей без применения оружия. Казалось, что этот человек действует по почти безошибочному инстинкту. Один успех следовал за другим, и число их было необозримо, если вообще можно именовать успехом тот ряд немеркнущих событий, которые должны были привести нас к гибели.

Все эти успехи были достигнуты без войны. Почему, спрашивали мы себя, на этот раз дело должно обстоять иначе? Мы вспоминали о событиях в Чехословакии. Гитлер в 1938 году развернул свои силы вдоль границ этой страны, угрожая ей, и все же войны не было. Правда, старая немецкая поговорка, гласящая, что кувшин носят к колодезю до тех пор, пока он не разобьется, уже приглушенно звучала в наших ушах. На этот раз, кроме того, дело обстояло рискованнее, и игра, которую Гитлер, по всей видимости, хотел повторить, выглядела опаснее. Гарантия Великобритании теперь лежала на нашем пути. Затем мы также вспоминали о заявлении Гитлера, что он никогда не будет таким недалеким, как некоторые государственные деятели 1914 года, развязавшие войну на два фронта. Он это заявил, и, по крайней мере, эти слова говорили о холодном рассудке, хотя его человеческие чувства казались окаменевшими или омертвевшими. Он в резкой форме, но торжественно заявил своим военным советникам, что он не идиот, чтобы из-за города Данцига или Польского коридора влезть в войну.

Генеральный штаб и польский вопрос

Польша была для нас источником горьких чувств, так как по Версальскому договору она приобрела немецкие земли, на которые не могла претендовать ни с точки зрения исторической справедливости, ни на основе права народов на самоопределение.⁷ Кроме того, этот факт для нас, солдат, в период слабости Германии был постоянным источником озабоченности. Любой взгляд на географическую карту показывал всю неприглядность создавшегося положения. Какое неразумное начертание границ! Как искалена наша родина! Этот коридор, разрывающий империю и Восточную Пруссию! Когда мы, солдаты, смотрели на отделенную от страны Восточную Пруссию, у нас были все основания беспокоиться о судьбе этой прекрасной провинции.

Несмотря на это, командование вооруженных сил Германии никогда даже не обсуждало вопроса об агрессивной войне против Польши, чтобы положить конец этому положению силой. Отказ от такого намерения исходил из весьма простого соображения военного характера, если отвлечься от всех прочих соображений: агрессивная война против Польши немедленно и неизбежно втянула бы Рейх в войну на двух или нескольких фронтах, которую она не в состоянии была бы вести. В этот период слабости, явившийся следствием Версальского диктата, мы все время страдали от «*cauchemar des coalitions*»⁸. И этот кошмар причинял нам еще большие страдания, когда мы думали о том вожделении, с которым широкие круги польской нации все еще взирали, плохо скрывая свои аппетиты, на немецкие земли.

⁷ См. комментарий № 1. (Прим. ред.)

⁸ Кошмар коалиций (франц.)

Агрессивная война? Нет! Но когда мы без всякой предвзятости, принимая во внимание национальный дух польского народа, рассматривали возможность путем мирных переговоров за одним столом пересмотреть вопрос о неразумном начертании границ, у нас не оставалось почти никаких надежд. Однако, казалось, совсем не было исключено, что Польша когда-нибудь сама сможет поставить вопрос о границах, угрожая силой оружия. В этом отношении у нас после 1918 года уже имелся некоторый опыт. Поэтому в тот период слабости Германии не было ошибочным считаться с этой возможностью. Если маршал Пилсудский потерял свое влияние, и оно перешло к националистическим польским кругам, то и нападение на Восточную Пруссию, как в свое время удар на Вильно,⁹ было вполне вероятным. Но в таком случае наши рассуждения приводили к определенным политическим выводам. Если бы Польша оказалась агрессором, и нам бы удалось отразить наступление, то для Германии, очевидно, создалась бы возможность путем политического контрудара добиться пересмотра неблагоприятного начертания границы. Во всяком случае, руководящие деятели армии не тешили себя несбыточными надеждами.

Когда генерал фон Рабенау в книге «Сект. Из моей жизни»¹⁰ цитировал слова генерал-полковника: *«Существование Польши недопустимо; оно несовместимо с жизненными интересами Германии. Она должна исчезнуть в результате собственной внутренней слабости и усилий России... с нашей помощью»*, то было ясно, что эта точка зрения в результате развития политических и военных событий, по-видимому, устарела. Мы довольно хорошо знали о растущей военной силе и мощи Советского Союза; Франция, страна, обаянию которой так легко поддаться, к сожалению, по причинам, которые трудно понять, по-прежнему относилась к нам враждебно. Она, очевидно, всегда искала бы союзников в нашем тылу.

Однако в случае исчезновения польского государства могучий Советский Союз мог стать для Рейха гораздо более опасным соседом, чем Польша, которая в то время была буферным государством. Устранение буфера, который образовывала Польша (и Литва) между Германией и Советским Союзом, очень легко могло бы привести к конфликту между этими двумя великими державами. Пересмотр польской границы, возможно, находился в интересах обоих государств — однако полная ликвидация польского государства в условиях, которые по сравнению с предыдущим периодом совершенно изменились, вряд ли соответствовала интересам Германии.

Итак, лучше было, чтобы Польша, относились ли мы к ней с уважением или нет, находилась между Советским Союзом и нами. Как ни тягостным было для нас, солдат, бессмысленное, содержащее в себе заряд динамита начертание границы, все же Польша как сосед представляла собой меньшую опасность, чем Советский Союз.¹¹ Естественно, мы вместе со всеми немцами надеялись, что когда-нибудь восточная граница будет пересмотрена с тем, чтобы области с преимущественно немецким населением по естественному праву населяющих их жителей были возвращены Рейху. Но рост польского населения в них с военной точки зрения был совершенно нежелательным. Требование об установлении связи между Восточной Пруссией и Рейхом вполне можно было бы сочетать с заинтересованностью Польши в собственном морском порту.

Примерно так выглядели суждения о польской проблеме, которые преобладали у солдат во времена рейхсвера¹² конца двадцатых годов, когда речь заходила о военных конфликтах.

⁹ Имеется в виду оккупация польской армией Виленской области в 1919–1920 годах с последующим присоединением ее в 1925 году к Польше. (Прим. ред.)

¹⁰ Friedrich von Rabenau. Seekt. Aus seinem Leben. 1918–1936. Leipzig 1940. Выход такой книги, безусловно, отражал улучшение советско-германских отношений. (Прим. ред.)

¹¹ См. комментарий № 2. (Прим. ред.)

¹² Так именовалась германская армия после заключения Версальского договора и до прихода Гитлера к власти. (Прим. ред.)

Затем колесо судьбы снова повернулось. На сцене появился Адольф Гитлер. Все изменилось. Коренным образом изменились и наши отношения с Польшей. Империя заключила пакт о ненападении и договор о дружбе с нашим восточным соседом.¹³ Мы были освобождены от кошмара возможного нападения со стороны Польши. Но одновременно охладели и политические чувства между Германией и Советским Союзом, ибо фюрер, с тех пор как он начал выступать перед массами, достаточно ясно выражал свою ненависть по отношению к большевистскому режиму. В этой новой ситуации Польша должна была чувствовать себя свободнее. Но эта большая свобода не была теперь опасна для нас. Перевооружение Германии и серия внешнеполитических успехов Гитлера делали нереальной возможность использования Польшей своей свободы для наступления против Рейха. Когда она изъявила свою (даже несколько чрезмерную) готовность принять участие в разделе Чехословакии, возможность ведения переговоров по пограничному вопросу казалась не исключенной.

Во всяком случае, ОКХ до весны 1939 года никогда не имело в своем портфеле плана стратегического развертывания с целью наступления на Польшу.¹⁴ Все военные приготовления на Востоке носили до этого момента чисто оборонительный характер.

Война или блеф?

Неужели осенью 1939 года дело должно было пойти так далеко? Хотел ли Гитлер войны или он, как осенью 1938 года в отношении Чехословакии, собирался применить крайние меры, используя угрозу военной силы для разрешения данцигского вопроса и вопроса о коридоре, подобно тому, как он в свое время поступил в судетском вопросе?

Война или блеф – вот в чем заключался вопрос, по крайней мере, для того, кто не был знаком с подлинным развитием политических событий и прежде всего с намерениями Гитлера. А кого вообще Гитлер знакомил со своими действительными намерениями?

Во всяком случае, те военные меры, которые были приняты в августе 1939 года, вполне могли, несмотря на существование плана развертывания «Вайс», иметь своей целью усиление политического давления на Польшу, чтобы заставить ее пойти на уступки. Начиная с лета по приказу Гитлера велись лихорадочные работы по созданию «Восточного вала». Целые дивизии, в том числе и 18-я, постоянно сменяя друг друга, перебрасывались на несколько недель к польской границе для участия в строительстве «Восточного вала». Какой же смысл имело такое расходование сил и средств, если Гитлер хотел напасть на Польшу? Даже в том случае, если он, вопреки всем заверениям, рассматривал возможность ведения войны на два фронта, этот «Восточный вал» воздвигался не там, где это было необходимо. Ибо в таком случае для Германии всегда было бы единственно правильным в первую очередь совершить нападение на Польшу и повергнуть ее, на Западе же ограничиваться оборонительными боями. О противоположном решении – наступление на Западе, оборона на Востоке – при существовавшем тогда соотношении сил не могло быть и речи. Для наступления на Западе тогда не существовало также никаких планов, да и не велось никакой подготовки. Итак, если строительство «Восточного вала» в создавшейся в то время обстановке и имело какой-либо смысл, то он, очевидно, заключался только в том, чтобы оказать на Польшу давление путем сосредоточения крупных масс войск на польской границе. Начавшееся в третьей декаде августа развертывание пехотных дивизий на восточном берегу Одера и выдвижение танковых и моторизованных дивизий

¹³ Заключенный в 1934 году пакт о ненападении с Германией противоречил обязательствам Польши перед союзной Францией и стал причиной затяжного политического кризиса в Париже. (Прим. ред.)

¹⁴ В это просто невозможно поверить. Создание такого плана было прямой служебной обязанностью ОКХ. Нет необходимости даже ссылаться на стратегический императив (разгром Польши есть неременное условие удержания фронта на Западе, который в случае любого германо-польского конфликта возникает с неизбежностью – об этом Манштейн сам говорит страницей ниже). Просто проработка – более или менее детальная – всех мыслимых оперативных возможностей входит в круг непосредственных задач Генерального штаба. (Прим. ред.)

в районы сосредоточения, вначале западнее Одера, не должны были обязательно рассматриваться как действительная подготовка к наступлению, а могли являться средством политического нажима.

Как бы то ни было, программа обучения войск в мирных условиях продолжала спокойно осуществляться. 13–14 августа 1939 года в Нойхаммере я проводил последние учения моей дивизии, которые завершились прохождением войск перед генерал-полковником фон Рундштедтом. 15 августа 1939 года проводились большие артиллерийские учения во взаимодействии с авиацией. При этом произошел трагический инцидент: целая эскадрилья пикирующих бомбардировщиков – очевидно, неверно была указана высота слоя облаков – во время пикирования врезалась в лес. 16 августа 1939 года проводилось еще одно полковое учение. Затем подразделения дивизии возвратились к местам своего расквартирования, которые им, правда, через несколько дней пришлось оставить, чтобы двинуться к границам Нижней Силезии.

19 августа генерал-полковник фон Рундштедт и я получили приказ 21 августа прибыть на совещание в Оберзальцберг. 20 августа мы выехали из Лигница автомашиной до района Линца, где мы переночевали у моего зятя, имевшего там имение. 21 августа утром мы прибыли в Берхтесгаден. К Гитлеру были вызваны все командующие группами армий, а также командующие армиями со своими начальниками штабов и соответствующие им по должности, командующие авиационными и военно-морскими соединениями.

Совещание или, скорее, речь, с которой Гитлер обратился к военачальникам, – он не допускал больше никакого обсуждения после событий, которые имели место в прошлом году перед чешским кризисом во время совещания с начальниками штабов, – была произнесена в большом зале замка Бергхоф, из которого открывался вид на Зальцбург. Незадолго перед приходом Гитлера появился Геринг. Мы были поражены его видом. Я считал, что мы приглашены на серьезное совещание, Геринг же, казалось, явился на маскарад. На нем была белая рубашка с отложным воротником и зеленый кожаный жилет с большими желтыми пуговицами, обтянутыми кожей. Картину дополняли брюки до колен и длинные шелковые носки серого цвета, которые подчеркивали огромные размеры его икр. На фоне этих тонких носков выделялись массивные ботинки. Но все, безусловно, затмевал украшавший его живот кинжал, болтавшийся на поясе из красной кожи, щедро отделанном золотом, в ножнах из кожи такого же цвета, с золотыми украшениями. Я мог только шепнуть моему соседу, генералу фон Зальмуту: «Толстяку, видно, поручена охрана зала»?

Обвинением на Нюрнбергском процессе по делу германского Генерального штаба были представлены различные так называемые «документы» о речи Гитлера на этом совещании. В одном из них утверждалось, что Гитлер в своей речи употреблял самые агрессивные выражения, и что Геринг от радости в связи с предстоящей войной якобы вскочил на стол и воскликнул «Хайль». В этом нет ни грана истины. Гитлер вовсе не произносил тогда таких слов, как «я боюсь, что в последний момент какой-нибудь стервец придет ко мне с предложением о посредничестве». Речь Гитлера, правда, была выдержана в духе ясной решимости – но он был слишком хорошим психологом для того, чтобы не знать, что ругательствами или тирадами нельзя воздействовать на людей, которые присутствовали на этом совещании.

Содержание его речи в основном правильно изложено в книге Гренера «Руководство вооруженными силами Германии в 1939–1943 годах».¹⁵ Гренер основывается на устной передаче содержания этой речи полковником Варлимонтом для журнала боевых действий и на стенографической записи адмирала Канариса. Заслуживают внимания также некоторые записи из дневника генерал-полковника Гальдера, хотя мне представляется возможным, что в дневнике, как и в передаче содержания полковником Варлимонтом и Канарисом, есть и высказывания, которые они слышали от Гитлера при других обстоятельствах.

¹⁵ H. Greiner. Die Oberste Wehrmachtsfuhrung 1939–1943. Wiesbaden, 1951. (Прим. ред.)

На нас, генералов, не входивших в состав верховного руководства, речь Гитлера произвела следующее впечатление: Гитлер принял категорическое решение немедленно разрешить германо-польский вопрос, даже ценой войны. Если Польша перед лицом уже начавшегося, хотя еще и замаскированного развертывания германской армии подчинится немецкому нажиму, достигшему своего кульминационного пункта, мирное решение отнюдь не исключено.

Гитлер был убежден, что западные державы в решительный момент опять не возьмутся за оружие. Он особенно подробно обосновал это мнение. Его аргументы сводились в основном к следующему: отставание Великобритании и Франции в области вооружения, в особенности авиации и противовоздушной обороны; практическая невозможность для западных держав оказать эффективную помощь Польше, помимо наступления через «Западный вал», на которое оба народа, в связи с необходимостью принести большие человеческие жертвы, вряд ли пойдут; внешнеполитическая обстановка, в особенности напряженное положение в районе Средиземного моря, значительно ограничивающее свободу действий, в первую очередь Великобритании; внутрисполитическая обстановка во Франции; наконец, но не в последнюю очередь, личности руководящих государственных деятелей: ни Чемберлен, ни Даладье не взяли бы на себя принятие решения об объявлении войны.

Хотя оценка положения, в котором находились западные державы, казалась нам логичной и во многих пунктах была верной, я все же не думаю, что слова Гитлера окончательно убедили собравшихся. Британские гарантии, правда, были почти единственным аргументом, который можно было противопоставить высказываниям Гитлера.¹⁶ Но все же и он был весьма веским!

То, что Гитлер говорил о возможной войне против Польши, по моему мнению, не могло быть понято как политика уничтожения, как это утверждало обвинение в Нюрнберге. Если Гитлер требовал быстрого и решительного уничтожения польской армии, то это, если перевести данное требование на военный язык, как раз и являлось целью, которую, в конце концов, преследует всякая крупная наступательная операция. Никто из нас, во всяком случае, не мог понять его высказываний в том направлении, в котором он позже действовал против поляков.

Наибольшей неожиданностью и одновременно самым глубоким впечатлением, естественно, было сообщение о предстоящем заключении пакта с Советским Союзом. На пути в Берхтесгаден мы уже узнали из газет о заключении в Москве торгового соглашения, которое в тогдашней обстановке само по себе являлось сенсацией. Теперь Гитлер сообщил, что присутствовавший на совещании министр иностранных дел фон Риббентроп, с которым он в нашем присутствии попрощался, вылетает в Москву для заключения со Сталиным пакта о ненападении. Тем самым, говорил он, у западных держав выбиты из рук главные козыри. Блокада Германии также теперь не достигнет результата. Гитлер намекнул, что для создания возможности для заключения пакта он пошел на серьезные уступки Советскому Союзу в Прибалтике, а также в отношении восточной границы Польши. Из его слов, однако, нельзя было сделать вывод о полном разделе Польши. В действительности Гитлер, как это сегодня известно, еще во время польской кампании рассматривал вопрос о сохранении оставшейся части Польши.

Прослушав речь Гитлера, ни генерал-полковник фон Рундштедт, ни я, ни, очевидно, кто-нибудь из остальных генералов не пришли к выводу о том, что теперь при любых обстоятельствах дело дойдет до войны. Два соображения особенно, казалось, заставляли сделать вывод, что в последнюю минуту все же, как и в Мюнхене, компромисс будет достигнут мирным путем.

Первое соображение заключалось в том, что в результате заключения пакта с Советским Союзом положение Польши стало безнадежным. Если учесть, что следствием этого было лишение Англии орудия блокады, и для оказания помощи Польше она действительно могла пойти только по кровавому пути наступления на Западе, то казалось вероятным, что Англия под нажимом Франции посоветует Польше пойти на уступки. С другой стороны, Польше должно

¹⁶ См. комментарий № 3. (Прим. ред.)

было теперь стать ясно, что британские гарантии практически потеряли силу.¹⁷ Более того, она должна была считаться с тем, что в случае войны с Германией в ее тылу выступят Советы, чтобы добиться осуществления своих старых требований в отношении Восточной Польши. Как же в такой обстановке Варшава могла не пойти на уступки?

Другое соображение было связано с фактом проведения совещания, в котором мы только что приняли участие. Какова была его цель? До сих пор в военном отношении намерение напасть на Польшу тщательно скрывалось. Сосредоточение дивизий в пограничной полосе мотивировалось строительством «Восточного вала». Для маскировки подлинной цели переброски войск в Восточную Пруссию подготавливалось грандиозное празднование годовщины сражения под Танненбергом. Подготовка к крупным маневрам механизированных соединений продолжалась до последнего момента. Развертывание проводилось без официального объявления мобилизации. Было очевидно, что все эти мероприятия не могут остаться неизвестными полякам, что они, следовательно, носят характер политического нажима, однако они были окружены большой тайной, и применялись все средства маскировки. Теперь же, в кульминационной точке кризиса, Гитлер вызвал всех высших офицеров вооруженных сил в Оберзальцберг – факт, который ни при каких обстоятельствах не мог оставаться в тайне. Нам он казался вершиной сознательно проводящейся политики блефа. Итак, Гитлер, несмотря на воинственный дух своей речи, все же стремился к компромиссу? Не должно ли было именно это совещание преследовать цель последнего нажима на Польшу?

Во всяком случае, с такими мыслями генерал-полковник фон Рундштедт и я выехали из Берхтесгадена. В то время как генерал-полковник направился прямо в наш штаб в Нейссе, я на один день остановился в Лигнице, где жила моя семья, – еще один признак того, насколько мало я внутренне верил в то, что скоро начнется война.

24 августа 1939 года в 12 часов дня генерал-полковник фон Рундштедт принял командование группой армий. 25 августа в 15:25 из ОКХ прибыл зашифрованный приказ:

Операция „Вейс”, 1. У [первый день операции] = 26.08, время 4:30.

Следовательно, решение о начале войны, в которую мы до той поры не хотели верить, было принято.

Я сидел с генерал-полковником фон Рундштедтом в нашем штабе в монастыре Гейлигес-Кройц в Нейссе за ужином, когда в 20:30 из ОКХ был передан по телефону следующий приказ:

Открывать военные действия запрещено. Немедленно остановить войска. Мобилизация продолжается. Развертывание по плану «Вайс» и «Вест»¹⁸ продолжать, как намечено.

Каждый солдат может понять, что означает это изменение приказа о наступлении в последний момент. Три армии, находившиеся на марше к границе в районе, простирающемся от Нижней Силезии до восточной Словакии, необходимо было остановить в течение нескольких часов; при этом надо учесть, что все штабы, по крайней мере, до штабов дивизий включительно, также находились на марше и что по соображениям маскировки радиосвязь еще не была разрешена. Несмотря на все трудности, все же удалось всюду своевременно передать приказ. Прекрасное достижение органов управления и связи! Один моторизованный полк в восточной Словакии удалось, правда, задержать только благодаря тому, что посланный на самолете «Физелер-Шторх» офицер ночью совершил посадку у самой головы колонны полка.

¹⁷ Почему? Напротив, 26 августа был подписан договор о взаимопомощи между Польшей и Великобританией. (Прим. ред.)

¹⁸ На Западном фронте. (Прим. ред.)

О причинах, которые побудили Гитлера, по-видимому, в последний момент изменить свое решение начать войну, мы ничего не узнали. Говорили только, что еще ведутся переговоры.

Можно легко понять, что мы, солдаты, были неприятно поражены подобными методами главного командования. Ведь решение о начале войны, в конце концов, является самым ответственным решением главы государства.

Как можно было принять такое решение, чтобы затем через несколько часов снова отменить его? Следовало прежде всего учесть, что подобная отмена с военной точки зрения должна была привести к тяжелым последствиям. Как я уже говорил при описании совещания в Оберзальцберге, все было рассчитано на внезапное нападение на противника. Не было официально объявленной мобилизации. Первым днем мобилизации было 26 августа, то есть день только что приостановленного наступления. Вследствие этого наступление должно было осуществляться не только силами всех танковых и моторизованных соединений, но ограниченным количеством пехотных дивизий, которые частично уже находились в пограничном районе, частично были в спешном порядке приведены в мобилизационную готовность. Теперь о внезапном нападении на противника не могло быть и речи. Ибо если выдвижение в районы сосредоточения в пограничной полосе и проводилось ночью, о нем все же не могло не быть известно противнику, прежде всего потому, что моторизованные части должны были уже днем выступить из районов сосредоточения западнее Одера, чтобы форсировать его. В результате этого теперь – если дело вообще дойдет до войны – должен был вступить в силу второй вариант: наступление всеми силами, приведенными в мобилизационную готовность. Момент внезапности, во всяком случае, был потерян.

Так как нельзя было предположить, что Гитлер принял свое первое решение о начале военных действий непродуманно и легкомысленно, для нас оставался только один вывод – все это по-прежнему было дипломатической тактикой постоянного усиления нажима на противника. Поэтому когда 31 августа в 17 часов снова прибыл приказ: «Y = 01.09, 04:45», генерал-полковник Рундштедт и я были весьма скептически настроены. К тому же не поступило никаких сообщений относительно прекращения переговоров. В соединениях группы армий на всякий случай с учетом опыта 25 августа все было подготовлено для того, чтобы обеспечить прекращение продвижения войск даже в самый последний момент, если события повторятся. Генерал-полковник фон Рундштедт и я до полуночи не ложились спать, ожидая все еще казавшегося нам вполне возможным приказа остановить продвижение.

Только когда миновала полночь и исчезла всякая возможность задержать продвижение, уже не могло быть никакого сомнения, что теперь дело будет решать оружие.

Глава 2. Оперативная обстановка

Решающие факторы: превосходство германских вооруженных сил и географическое положение Польши. Риск на Западе. Силы германской армии и оперативный план. Силы польской армии и ее оперативный план. Замечания к развёртыванию польской армии. Польша хочет «прикрыть все». Мечты Польши о наступлении. Как Польша могла развернуть военные действия? Борьба за выигрыш времени, жесткая оборона только за Наревом, Вислой и Саном. Прикрытие глубоких флангов. Западные державы бросают Польшу на произвол судьбы. Извинения главнокомандующего союзников.

Оперативная обстановка в польской кампании решающим образом определялась следующими факторами:

во-первых, превосходством германских вооруженных сил в том случае, если командование германской армии пойдет на большой риск на Западе, бросив большую часть своих сил против Польши;

во-вторых, географическим положением, которое позволяло немцам взять польскую армию в клещи – ударом из Восточной Пруссии, Померании, Силезии и Словакии;

в-третьих, скрытой угрозой Польше с тыла со стороны Советского Союза.

Силы германской армии и оперативный план

Немецкое командование полностью пошло на упоминавшийся выше риск на Западе.

ОКХ выставило против Польши 42 кадровые дивизии, в том числе вновь сформированную танковую дивизию (10-я танковая дивизия), а также вновь сформированную пехотную дивизию (50-я пехотная дивизия), в состав которой вошли части, возводившие укрепления в дуге Одер – Варта. Итого – 24 пехотные дивизии, 3 горнострелковые дивизии, 6 танковых дивизий, 4 легкие дивизии, 4 моторизованные пехотные дивизии и 1 кавалерийская бригада. К этому следует добавить еще 16 дивизий, укомплектованных только после мобилизации (2–4 эшелоны)¹⁹, которые, однако, пока еще не могли считаться полноценными. Кроме того, восточной армии были подчинены лейбштандарт²⁰ и еще один или два усиленных полка СС.²¹

На Западе же осталось лишь 11 кадровых пехотных дивизий, крепостные части силой до дивизии (будущая 72-я пехотная дивизия) и 35 дивизий, которые были заново сформированы (2–4 эшелоны). Танковых или моторизованных соединений на Западе не имелось. Итого – 46 дивизий, из которых, однако, три четверти могли быть признаны лишь условно годными для участия в боевых действиях.

Обученная и оснащенная как воздушно-десантная, 22-я пехотная дивизия оставалась в резерве ОКХ на территории Германии. Большая часть военно-воздушных сил в составе двух воздушных флотов использовалась на польском фронте, в то время как 3-й воздушный флот, более слабого состава, остался на Западе.

Риск, на который пошло немецкое командование подобным распределением сил, безусловно, был очень большим. Вследствие неожиданно быстрого окончания польской кампании, причиной которого отчасти были и ошибки побежденной стороны, и прежде всего полное бездействие западных союзников, спокойно следивших за поражением Польши, этот риск никогда не был оценен по заслугам.

Необходимо, однако, принять во внимание, что немецкое командование должно было считаться с французской армией, насчитывавшей около 90 дивизий. И действительно, Франция осенью 1939 года (по фон Типпельскирху)²² в течение трех недель отмобилизовала 108 дивизий. В их числе было 57 пехотных, 5 кавалерийских, 1 танковая и 45 резервных и территориальных дивизий и, кроме того, крупные части РГК, в том числе танки и артиллерия.²³ Последние имели преимущество перед аналогичными немецкими формированиями, заключавшееся в том, что они состояли из солдат, прошедших действительную службу, в то время как вновь сформированные немецкие части в значительной степени состояли из солдат, прошедших неполный курс обучения, и резервистов – ветеранов Первой мировой войны.

¹⁹ Вновь сформированные дивизии 2-го и 4-го эшелонов имели в своем составе лишь небольшое число кадровых подразделений, а дивизии 3 эшелона совсем не имели их и были слабее кадровых дивизий. Этим дивизиям требовалось больше времени для приведения в мобилизационную готовность. (Прим. авт.)

²⁰ Полк личной охраны Гитлера «Адольф Гитлер», преобразованный впоследствии в моторизованную дивизию СС. (Прим. ред.)

²¹ См. комментарий № 4. (Прим. ред.)

²² Имеется в виду его книга «История второй мировой войны». (Прим. ред.)

²³ Часть сил французской армии оставалась пока еще в Северной Африке и на альпийской границе. (Прим. авт.)

Таким образом, не подлежит сомнению, что французская армия с первого же дня войны во много раз превосходила немецкие силы, действовавшие на Западном фронте.

Участие британской армии в операциях сухопутных сил было, правда, весьма незначительным. Великобритания выставила для этой цели только 4 дивизии, но и они прибыли на театр военных действий только в первой половине октября.

Немецкий оперативный план в войне против Польши основывался на полном использовании возможностей, вытекавших из начертания границ, для охвата противника с обоих флангов.

Немецкая армия наступала двумя далеко отстоявшимися друг от друга фланговыми группами, почти полностью отказавшись от действий в центре (дуга Одер – Варта).

Группа армий «Север» (командующий – генерал-полковник фон Бок, начальник штаба – генерал фон Зальмут) имела в своем составе две армии, насчитывавшие: 5 пехотных корпусов и 1 танковый корпус, объединявшие 9 кадровых дивизий (в том числе 50-ю пехотную дивизию, сформированную из крепостных частей неполного состава); 8 пехотных дивизий, сформированных во время мобилизации; 2 танковые дивизии (а также вновь сформированное танковое соединение Кемпфа); 2 мотопехотные дивизии и 1 кавалерийскую бригаду – всего, следовательно, 21 дивизию. К ним следует прибавить находившиеся в Восточной Пруссии крепостные части Кенигсберга и Лётцена²⁴ и в Померании – бригаду Нетце.

Группа армий произвела развертывание 3-й армии (генерала фон Кюхлера) в Восточной Пруссии и 1-й армии (генерал-полковника фон Клюге) в Восточной Померании.

Задача группы армий состояла в том, чтобы первоначально нанести удар через коридор, затем большей частью сил быстро продвинуться восточнее Вислы на юго-восток и юг и после форсирования Нарева нанести удар в тыл польским частям, которые, очевидно, будут оборонять рубеж Вислы.

Группа армий «Юг» (командующий – генерал-полковник фон Рундштедт, начальник штаба – генерал фон Манштейн) обладала значительно большими силами. В ее состав входили три армии (14-я армия генерал-полковника Листа, 10-я армия генерал-полковника фон Рейхенау, 8-я армия генерал-полковника Бласковица). Всего группа армий располагала 8 пехотными корпусами и 4 танковыми корпусами, имевшими в своем составе 15 кадровых пехотных дивизий, 3 горнострелковые дивизии, 8 вновь сформированных дивизий, а также большую часть механизированных соединений: 4 танковые дивизии, 4 подвижные дивизии и 2 мотопехотные дивизии. Итого – 36 дивизий.

Группа армий осуществляла развертывание: силами 14-й армии – в промышленной области Верхняя Силезия, в восточной части Моравии и в западной Словакии; силами 10-й армии – в районе Кройцбурга и южнее его (Верхняя Силезия) и 8-й армии – в центральной Силезии восточнее Эльса²⁵. Ее задача состояла в том, чтобы разбить противника в большой дуге Вислы и в Галиции, быстро продвинуться механизированными соединениями к Варшаве и как можно быстрее на широком фронте захватить переправы через Вислу с целью разгрома остатков польской армии во взаимодействии с группой армий «Север».

Силы польской армии и ее оперативный план

Польша располагала в мирное время 30 пехотными дивизиями, 11 кавалерийскими бригадами, 1 горной бригадой и 2 механизированными (танковыми) бригадами. Кроме того, имелись несколько полков пограничной охраны, большое количество батальонов национальной

²⁴ Современный Гижицко. (Прим. ред.)

²⁵ Олешница. (Прим. ред.)

обороны и части морской пехоты, расположенные в районе Гдинген – Хела²⁶ (данные по книге Германа Шнейдера «Записки об оперативной обстановке в Польше» и из журнала «Милитер-виссеншафтliche Рундшау» за 1942 год).

В общей сложности польские вооруженные силы, таким образом, представляли собой сравнительно большую силу. Однако вооружение польской армии относилось в основном к периоду Первой мировой войны. Авиация, насчитывавшая около 1000 самолетов, также не отвечала современным требованиям. Противовоздушная оборона была недостаточной (по книге фон Типпельскирха «История Второй мировой войны»).

Немецкая сторона считала, что Польша в случае войны удвоит количество своих дивизий, хотя казалось сомнительным, имеется ли полностью необходимое для этого вооружение. По фон Типпельскирху, Польша в 1939 году перед началом войны сформировала только полки и другие подразделения для 10 резервных дивизий. Однако, по-видимому, не удалось объединить все эти подразделения и части в дивизии, в состав которых они должны были войти. Тем не менее во время этой кампании в сведениях, которые имела немецкая сторона о противнике, упоминался ряд резервных дивизий.

Указанные выше силы командование польской армии (по фон Типпельскирху и Шнейдеру) распределило следующим образом:

Вдоль границы Восточной Пруссии перед рубежом Бобр – Нарев – Висла должна была действовать оперативная группа в составе 2 дивизий и 2 кавалерийских бригад между Сувалками и Ломжей.

По обе стороны от Млавы – Модлинская армия в составе 4 дивизий и 2 кавалерийских бригад.

В коридоре была сосредоточена Померанская армия в составе 5 дивизий и 1 кавалерийской бригады.

Перед германской границей от Варты до словацкой границы должны были действовать 3 армии: Познанская армия в западной части провинции Познань – в составе 4 дивизий и 2 кавалерийских бригад; Лодзинская армия в районе Велюнь – в составе 4 дивизий и 2 кавалерийских бригад; Краковская армия между Ченстоховом и Ноймарктом²⁷ – в составе 6 дивизий, 1 кавалерийской бригады и 1 мотобригады.

За последними двумя армиями в районе Томашув – Кельце была сосредоточена Прусская армия в составе 6 дивизий и 1 кавалерийской бригады.

Наконец, Карпатская армия, состоявшая главным образом из резервных частей и батальонов национальной обороны, имела задачей глубоко эшелонированным построением прикрывать глубокий фланг вдоль Карпат от Тарнува до Лемберга²⁸.

Резервная группа (Пискорская армия) в составе 3 дивизий и 1 мотобригады оставалась на Висле в районе Модлина, Варшавы, Люблина.

Кроме того, уже в ходе самой кампании восточнее Буга была образована особая Полеская группа – по-видимому, для обеспечения от нападения России.

Но когда началось немецкое наступление, развертывание сил польской армии еще не было окончено. Очевидно, изложенный выше план удалось осуществить лишь частично.²⁹

Замечания к развертыванию сил польской армии

Пожалуй, трудно установить, в чем состоял оперативный замысел, положенный в основу плана развертывания польской армии, если только это не было желанием «прикрыть все», или,

²⁶ Гдыня и Хель. (Прим. ред.)

²⁷ Новы-Тарг. (Прим. ред.)

²⁸ Львов. (Прим. ред.)

²⁹ См. комментарий № 5. (Прим. ред.)

может быть, правильнее будет сказать, ничего не отдавать без боя. Это желание в случае его осуществления, как правило, приводит слабейшую сторону к поражению. Этот вывод – на несколько лет позже – должен был бы сделать и Гитлер, хотя он и никогда не отдавал себе в этом отчета.

Сложность оперативной обстановки для Польши, вызванная возможностью немецкого наступления с двух, а позже даже с трех направлений и относительной слабостью польских вооруженных сил, была сама по себе достаточно ясной. Если командование польской армии тем не менее решилось на попытку «прикрыть все», то это свидетельствует только о том, как трудно, по-видимому, учитывать военные факторы, когда на первый план выступают психологические и политические соображения.

В Польше – за исключением маршала Пилсудского и еще немногих трезво мыслящих политических деятелей – очевидно, никто никогда ясно не представлял себе всю опасность положения, в котором оказалась страна в результате удовлетворения несправедливых территориальных претензий по отношению к своим соседям – России и Германии. Польша насчитывала только 35 миллионов жителей, из которых опять-таки было только 22 миллиона поляков, в то время как остальная часть принадлежала к немецкому, украинскому, белорусскому и еврейскому меньшинствам, без всякого исключения подвергавшимся угнетению в той или иной степени.

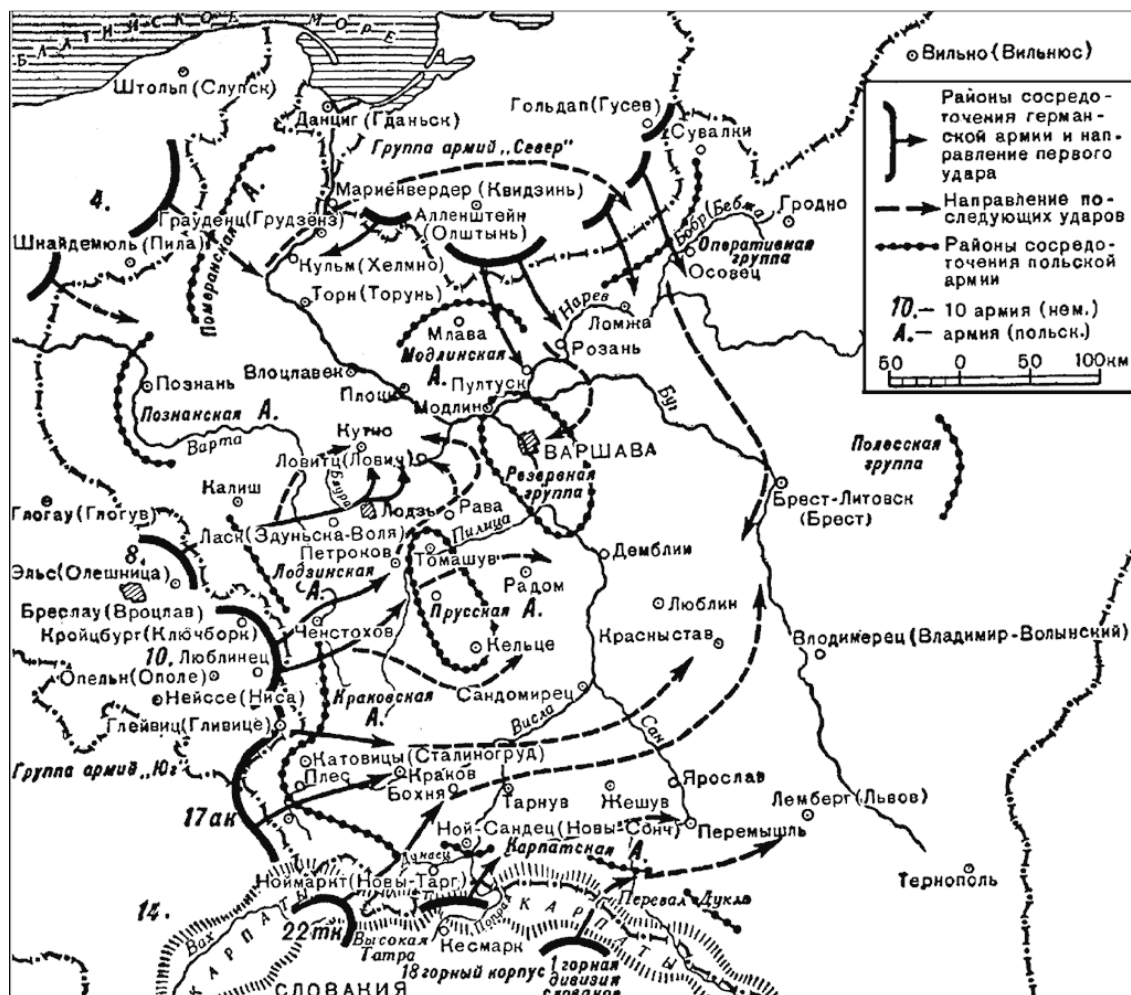
Наряду с этим Польша, полагавшаяся на союз с Францией в годы военной слабости Германии (и Советского Союза), видно, слишком долго предавалась мечтам о возможности наступления на Германию. Одни собирались внезапно напасть на изолированную Восточную Пруссию или, как это пропагандировал польский «Союз инсургентов», на немецкую Верхнюю Силезию, другие – даже предпринять марш на Берлин, будь то по кратчайшему пути через Познань и Франкфурт-на-Одере или, после захвата Верхней Силезии, путем нанесения удара западнее Одера на столицу Рейха.

Правда, подобные мечтания стали беспочвенными уже в результате строительства немецких укреплений на дуге Одер – Варта, а позже – в результате вооружения Германии. Однако агрессивные планы такого рода еще не совсем исчезли из голов польских политических и военных деятелей, так как они надеялись на одновременное французское наступление на Западе. Во всяком случае, описанный выше план развертывания польской армии, хотя он вначале и был рассчитан в общих чертах на оборону, допускал предположение о том, что он оставляет одновременно открытой возможность начать наступление на более поздней стадии – как только придет на помощь Франция.

Польский Генеральный штаб еще не имел своей подкрепленной многолетним опытом военной доктрины. Вообще говоря, польскому темпераменту больше соответствовала идея наступления, чем обороны. Романтические представления минувших времен, по крайней мере, подсознательно, еще сохраняли свою силу в головах польских солдат. Я вспоминаю картину, на которой был изображен маршал Рыдз-Смиглы на фоне атакующих польских кавалерийских эскадронов. С другой стороны, вновь созданная польская армия училась у французов. От них она вряд ли могла получить импульс для быстрого, гибкого управления операциями; скорее она могла позаимствовать опыт ведения позиционной войны, который со времен Первой мировой приобрел господствующее положение в умах французских военачальников.

Таким образом возможно, что в основе плана развертывания польской армии, кроме желания «ничего не отдавать», вообще не было никакой ясной оперативной идеи; существовал лишь компромисс между необходимостью обороняться от превосходящих сил противника и прежними заносчивыми планами наступления. При этом одновременно впадали в заблуждение, считая, что немцы будут вести наступление по французскому образцу и что оно скоро примет застывшие формы позиционной войны. Интересным в этой связи является секретное сообщение, которое мы получили незадолго до начала войны – о том, что поляки якобы

собираются предпринять наступление. Оно поступило из источника, который считался до тех пор весьма надежным – от лица, находившегося в непосредственном окружении президента Польши и главнокомандующего польской армией маршала Рыдз-Смиглы. В сообщении говорилось, что поляки собираются начать наступление, развернув крупные силы в Познанской провинции. Самым примечательным, однако, было то, что эти планы, как сообщалось, якобы были разработаны по предложению или по требованию Великобритании!

Развёртывание сил немецкой и польской армий. Наступление германской армии

В сложившейся тогда обстановке это известие показалось нам весьма неправдоподобным. Правда, позднее мы получили подтверждение, что поляки действительно сосредоточили сравнительно крупные силы в Познанской провинции, хотя удар немецкой армии на Познань был бы для них наименее опасным. Познанской армии суждено было закончить свое существование в сражении на берегах Бзуры.

С другой стороны, у Польши не было недостатка в трезво мыслящих советниках. Как пишет полковник Герман Шнейдер в журнале «Милитервиссеншафтliche Рундschau» от 1942 года, французский генерал Вейган предложил перенести оборону за линию Неман – Бобр – Нарев – Висла – Сан. Это предложение с оперативной точки зрения было единственно правильным, так как оно исключало возможность охвата со стороны Германии и одновременно обеспечивало значительно лучшие возможности для обороны на речных рубежах от немецких танковых соединений. К тому же эта линия простиралась только на 600 км – в противоположность большой дуге в 1800 км, которую образовывала польская граница от Сувалок до перевалов через Карпаты. Но принятие этого предложения означало бы отказ от всей западной

Польша с наиболее ценными промышленными и сельскохозяйственными районами страны. Вряд ли можно предположить, что какое-либо польское правительство устояло бы после принятия такого решения. Кроме того, отход на такое большое расстояние, очевидно, не мог бы способствовать принятию французами решения о наступлении на Западе, и неясно, не вызвала ли бы сдача всей Западной Польши немцам желание у Советов немедленно закрепить за собой свою долю в Восточной Польше.

Вследствие этого, как сообщает полковник Шнейдер, директор польской военной академии генерал Кутшеба в меморандуме, который он направил в начале 1938 года маршалу Рыдз-Смиглы, нашел другое решение. Он настаивал на том, что нельзя отдавать «основной стратегический костяк Польши», к которому он относил как промышленные районы – Лодзь и Верхнюю Силезию, так и важные сельскохозяйственные районы – Познань, Кутно и Кельце. Поэтому он предложил план развертывания, который в основных чертах совпадал с планом, осуществленным в 1939 году, хотя он и предусматривал отказ от защиты коридора и Познанской провинции западнее Варшавы. Для укрепления обороны Польши предусматривалось построить большое количество укреплений, причем как южнее границы с Восточной Пруссией, так и на большой дуге от Грауденца до Познани, а также на силезской границе от Острово через Ченстохов до района Тешина. Но одновременно имелось в виду оставить «ворота для наступления», через которые в дальнейшем намечалось нанести удар по Восточной и Западной Пруссии, а также Силезии. То, что строительство достаточно мощных укреплений в таком большом масштабе выходило бы за рамки возможностей, которыми располагала Польша, совершенно очевидно. Впрочем, генерал Кутшеба признавал, что Польша уступает Германии в отношении военной мощи. Что касается французской помощи, то он относился к ней трезво, считая, что Польша в течение первых 6–8 недель, даже при оказании Францией активной военной помощи в полном объеме, будет предоставлена сама себе. Поэтому он предусмотрел «стратегическую оборону» по переднему краю упомянутого выше «костяка», внутри которого должны быть сосредоточены резервы для последующих решающих операций.

Как уже было сказано, развертывание, проводившееся Польшей в 1939 году, во многом совпадало с предложением генерала. Правда, последний предлагал сосредоточить главные усилия в районе Торн – Бромберг – Гнезено³⁰, в то время как в 1939 году скорее можно было говорить о двух таких районах: одном – вдоль границ Восточной Пруссии и другом – против Силезии.

Развертывание польской армии в 1939 году, которое имело целью прикрыть все, включая район коридора и выдающуюся вперед Познанскую провинцию, при учете описанных выше возможностей охвата со стороны Германии и ее превосходства в военной мощи могло лишь привести к поражению. Как, однако, Польша вообще должна была действовать, чтобы избежать его?

В первую очередь необходимо было принять решение: отдавать ли *только* упомянутый генералом Кутшебой «стратегический костяк» или же вследствие охвата со стороны Восточной Пруссии, Силезии и Словакии – вместе с ним и *всю польскую армию*? Это был тот же вопрос, который я в 1943–1944 годах неоднократно задавал Гитлеру, когда он требовал от меня удерживать район Донца, Днепровскую дугу и т. д.

Ответ, который должна дать Польша, по моему мнению, был ясным. Польское командование должно было в первую очередь стремиться к тому, чтобы при всех обстоятельствах польская армия могла выстоять до тех пор, пока наступление западных держав не вынудило бы Германию оттянуть свои главные силы с польского театра военных действий. Даже если казалось, что вначале с потерей промышленных районов исключается возможность ведения длительной войны, следовало учесть, что сохранение польской полевой армии создавало возможность их

³⁰ Торунь, Быдгощ и Гнезно. (Прим. ред.)

возвращения в дальнейшем. Но ни при каких обстоятельствах нельзя было допускать, чтобы польская армия была окружена западнее Вислы или по обе стороны от нее.

Для Польши единственный выход заключался в том, чтобы *выиграть время*. Однако *надежная оборона* могла быть организована, безусловно, только за линией Бобр – Нарев – Висла – Сан, причем на южном фланге возможно было выдвинуть оборонительные позиции до Дунайца, чтобы сохранить центральный промышленный район Польши между Вислой и Саном.

Прежде всего было необходимо предотвратить охват со стороны Восточной Пруссии и Западной Словакии. Для этого следовало занять на севере линию Бобр – Нарев – Висла до крепости Модлин или Вышеграда. Она представляла собой сильную естественную преграду. Кроме того, бывшие русские укрепления, хотя они и устарели, представляли собой хорошие опорные пункты. К тому же из Восточной Пруссии, если и можно было ожидать отсюда удара, могли наступать только сравнительно небольшие по своему составу немецкие танковые соединения.

На юге важно было предотвратить глубокий охват путем обороны перевалов через Карпаты. Обе эти задачи тем не менее можно было решить небольшими силами. Развертывание польской армии перед линией Бобр – Нарев было такой же ошибкой, как и то, что крупные силы были выдвинуты в коридор и выдающуюся вперед Познанскую провинцию.

Если бы согласно описанному выше плану северный и южный фланги были полностью обеспечены от глубокого охвата со стороны немцев, то в западной Польше можно было бы в основном вести маневренную войну. При этом надо отдавать себе отчет в том, что главный удар германской армии следовало ожидать со стороны Силезии. К этой мысли можно было прийти, во-первых, потому, что железнодорожная и дорожная сеть позволяла сосредоточить здесь крупные силы быстрее, чем в Померании или тем более в Восточной Пруссии, во-вторых, потому, что направление удара на Варшаву было с оперативной точки зрения наименее выгодным, так как здесь необходимо было наносить фронтальный удар, и поэтому оно было наименее реальным.

Главные силы польской армии не должны были, как это произошло в 1939 году, сосредотачиваться вблизи границы; их сосредоточение должно было происходить на таком удалении от нее, чтобы можно было своевременно установить направление главного удара германской армии. При этом было бы важно обойтись в районе коридора и в Познанской провинции по возможности меньшими силами, чтобы главные силы сосредоточить на силезском направлении, откуда ожидался главный удар, и чтобы иметь прежде всего достаточные оперативные резервы. Если бы в Польше слишком долго не лелеяли планы наступления на Германию, то усиленные бывшие немецкие укрепления вдоль Вислы, на рубеже Грауденц – Торн, по крайней мере, задержали бы соединение немецких сил, наступающих из Померании и Восточной Пруссии; в результате укрепления Познанского района также была бы ограничена свобода маневра немецких сил в этой провинции.

Необходимо еще отметить, что план нанесения контрударов на севере или юге западной Польши в зависимости от создавшейся обстановки, с использованием внутренних коммуникаций, практически был неосуществим. Для таких операций имевшееся в распоряжении пространство было слишком небольшим, а польская железнодорожная сеть не обладала достаточной пропускной способностью. К тому же необходимо было считаться с тем, что передвижение больших масс войск очень скоро могло быть сорвано германской авиацией и немецкими танковыми соединениями. Таким образом, не оставалось ничего иного, как с самого начала перенести оборонительные позиции за линию Бобр – Нарев – Висла – Сан, а возможно, и Дунаец, и вести бои впереди нее лишь с целью выигрыша времени, причем главные силы должны были сосредоточиваться с самого начала против Силезии, а северный и южный фланги одновременно должны были быть обеспечены от охвата, о котором шла речь выше.

Никто не возьмется утверждать, что таким путем Польша в конце концов могла бы избежать поражения, если – как это имело место – западные державы оставили бы ее в полном одиночестве. Но во всяком случае описанный выше план не дал бы опрокинуть польскую армию в пограничной полосе, а это привело к тому, что польское командование не смогло обеспечить ни организованного сопротивления на Висленской дуге, ни отхода армии за рубеж упомянутых выше рек для организации стабильной обороны.

Польша могла, как мы уже говорили, с самого начала вести бои только за выигрыш времени. Противостоять немецкому наступлению – лучше всего за указанным рубежом рек – до тех пор, пока наступление на Западе не вынудит немцев вывести свои войска из Польши, – вот единственная цель, которую необходимо было преследовать. Отсюда, однако, также вытекает, что польское военное командование должно было совершенно ясно заявить руководителям государства, что без твердого обещания западных держав немедленно после начала войны начать всеми силами наступление на Западе нельзя было вступать в войну с Германией.

При том решающем влиянии, которое оказывал тогда польский главнокомандующий маршал Рыдз-Смиглы на деятельность правительства, оно не могло пройти мимо такого предостережения. Оно должно было своевременно вмешаться в ход решения вопроса о Данциге и коридоре, хотя бы для того, чтобы оттянуть начало войны с Германией.

Наши войска в 1940 году захватили во Франции письмо, с которым генерал Гамелен, главнокомандующий войсками союзников на Западе, 10 сентября 1939 года обратился к польскому военному атташе в Париже. Очевидно, письмо представляет собой ответ на польский запрос, когда же будет оказана эффективная помощь Польше. Генерал Гамелен пишет по этому поводу для передачи маршалу Рыдз-Смиглы:

Более половины наших кадровых дивизий на северо-востоке принимают участие в боях. С момента перехода границы немцы оказывают нам упорное сопротивление. Тем не менее мы продвинулись вперед. Однако мы ведем позиционную войну с противником, подготовившимся к обороне, а я не имею еще всей необходимой артиллерии... С начала кампании начались действия авиации во взаимодействии с операциями наземных сил. У нас сложилось впечатление, что против нас действует значительная часть немецкой авиации.

*Поэтому я считаю, что досрочно выполнил мое **обещание** начать главными силами наступление на 15-й день после первого дня объявления мобилизации во Франции. Я не мог сделать большего.*

Следовательно, Польша действительно имела в руках обещание французской стороны. Вопрос состоял только в том, могло ли польское военное командование удовлетвориться обещанием «начать наступление» главными силами только на пятнадцатый день. События во всяком случае показали, что это обещание отнюдь не обеспечивало Польше быстрой и эффективной помощи.

Поражение Польши было неизбежным следствием иллюзий, которые питали в Варшаве относительно действий союзников, а также переоценки собственных сил с точки зрения возможности оказания длительного сопротивления.

Глава 3. Операции группы армий «Юг»

Штаб группы армий в Нейссе. Первые часы. Обстановка, предшествовавшая началу боевых действий. Наши оперативные замыслы: заставить противника принять сражение еще перед рубежом Вислы и помешать ему организовать оборону на ее восточном берегу. 14-я армия наносит удар через Галицию и форсирует реку Сан. Прорыв 10-й армии к Висле и первое сражение с попавшим в окружение противником у Радома. Оригинальные гости. Кризис

в районе действий 8-й армии. Сражение на Бзуре. Штаб группы армий принимает меры. Противник уничтожен. Воспоминания о Первой мировой войне. Занятие Варшавы. Политические маневры вокруг демаркационной линии с Советами ведут к продолжению боев. Памяти павших. Тайна немецкой «молниеносной победы». Командующий Восточным округом. Мы ищем нашего начальника гражданской администрации. Парад в Варшаве. Заключение.

В штабе группы армии

Когда на рассвете 1 сентября 1939 года наши войска перешли польскую границу, мы в штабе группы армий, естественно, находились на своих рабочих местах в монастыре Гейлигес-Кройц в Нейссе. Монастырь, в котором готовились католические миссионеры, был расположен за пределами города и благодаря своей удаленности от населенных пунктов, просторности, а также весьма простому убранству помещений для занятий и келий представлял собой чрезвычайно удобное в практическом отношении здание для высшего штаба в военное время. Спартакское существование его обычных жителей, которые уступили нам часть построек, соответствующим образом окрашивало и нашу жизнь, к тому же наш комендант штаба, хотя он и служил раньше в мюнхенской пивной «Левенброй», не проявлял стремления баловать нас. Естественно, что мы, как все солдаты, получали армейское снабжение. По поводу солдатского супа из полевой кухни ничего плохого нельзя было сказать. Но то, что мы изо дня в день на ужин получали только солдатский хлеб и жесткую копченую колбасу, жевать которую старшим из нас было довольно трудно, вероятно, не было абсолютно необходимо. К счастью, монахи иногда добавляли нам из своего огорода немного салата или овощей. Настоятель же время от времени заходил в гости к командующему и его ближайшим помощникам и очень увлекательно рассказывал о самоотверженном труде миссионеров в далеких краях. Этим рассказам мы были вдвойне рады, так как они помогали нам хотя бы на короткое время отвлечься от не дающих нам покоя вопросов, связанных с выполнением наших задач.

Ранним утром 1 сентября наши беседы, естественно, кончились. Война стала распоряжаться нами. Если мы в то утро так рано оказались на наших рабочих местах, то это было вызвано чувством необходимости быть в готовности с того момента, когда наши войска войдут в соприкосновение с противником, а не боевой обстановкой. Мы, конечно, знали, что пройдут еще часы до того, пока мы получим важные сообщения от подчиненных нам армий. Эти часы помнят все, кто работал в высших штабах, часы, когда все идет своим чередом и можно лишь ждать, как сложатся события.

Фронтовик знает о том огромном напряжении, которое связано с началом наступления, когда на часах командира взвода стрелка секунда за секундой движется вперед, и наконец приходит снимающий все напряжение момент броска в атаку. Но с этого момента фронтовика захватывают впечатления боя и заставляют забыть все остальное. В штабах же, чем выше, тем в большей степени начинается время напряженного ожидания. Запросы у подчиненных штабов: «Как обстоит дело?» – справедливо недолюбливаются ими и могут произвести только впечатление нервозности. Поэтому лучше выжидать. При этом все давно уже пришли к выводу, что поговорка «плохие известия приходят быстро» не имеет отношения к военным событиям. Если наступление приостанавливается, фронт обычно молчит либо ввиду повреждения линий связи, либо потому, что хотят выждать, пока можно будет передать лучшие известия.

Таким образом, напряжение спадает только тогда, когда поступят первые донесения – независимо от того, плохие или хорошие. До этих пор и наш девиз был: «ждать!». Оправдают ли наши ожидания войска, на подготовку которых мы положили столько сил и труда, правда, в слишком короткий промежуток времени? Оправдают ли в первую очередь крупные танковые соединения, организация и использование которых представляли собой нечто совершенно новое, надежды, возлагавшиеся на них их создателем, генералом Гудерианом, а вместе с ним

и всеми нами? Удастся ли немецкому командованию и в особенности командованию группы армий осуществить намеченный оперативный план и добиться полной победы – уничтожить противника еще до выхода на рубеж Вислы и тем самым предотвратить грозящую нам опасность одновременного ведения войны на двух фронтах? Вот вопросы, волновавшие нас в те часы ожидания и неизвестности.

Обстановка, предшествовавшая началу боевых действий

Группа армий «Север» после установления связи между войсками, наносившими удары из Померании и Восточной Пруссии и вынудившими польские войска отступить из коридора, в рамках намеченного ОКХ охватывающего маневра с территории Восточной Пруссии и Силезии, получала возможность осуществить охват фланга противника, переправившись через Вислу, и зайти в тыл главным его силам, расположенным на большой Висленской дуге.

Группе армий «Юг» выпала задача действиями обеих наступающих из Силезии армий (8-й и 10-й) вынудить противника принять сражение еще в Висленской дуге и предупредить его отход за линию Висла – Сан. Для этого мы предприняли попытку нанести удар собранными в кулак танковыми соединениями 10-й армии, за которыми возможно скорее должны были следовать пехотные дивизии, чтобы опрокинуть противника, по-видимому, сосредоточивающегося вблизи границы, и, опередив его, захватить переправы через Вислу от Демблина до Варшавы. Далее, важно было, чтобы наступающая через Галицию 14-я армия как можно быстрее вышла на реку Сан и форсировала ее. Если бы противник намеревался оказать главное сопротивление только за рубежами Сана и Вислы, 14-я армия могла бы взломать всю оборону противника по речным рубежам ударом с юга и соединиться глубоко в тылу противника с восточным флангом группы армий «Север». На долю 14-й армии при этом выпала задача угрожать своим глубоко эшелонированным флангом, выдвинутым в восточную Словакию, глубокому флангу польских войск, сосредоточивающихся в районе Кракова, и тем самым исключить возможность длительной обороны западной Галиции.

Штаб группы армий «Юг» руководил операциями в Польше в духе этого оперативного замысла. Он все время стремился заставить главные силы польской армии принять сражение еще до выхода на Вислу и разбить их. Одновременно, однако, он учитывал возможность упреждения противника в случае, если он попытается оказать главное сопротивление только за линией Сан – Висла.

Вместо последовательного описания операций, как ни кажется важным подобное изложение событий этой «молниеносной войны», я хотел бы ограничиться передачей в общих чертах ее наиболее значительных моментов. Некоторые из этих событий происходили в одно и то же время, другие последовательно. Общая картина такова:

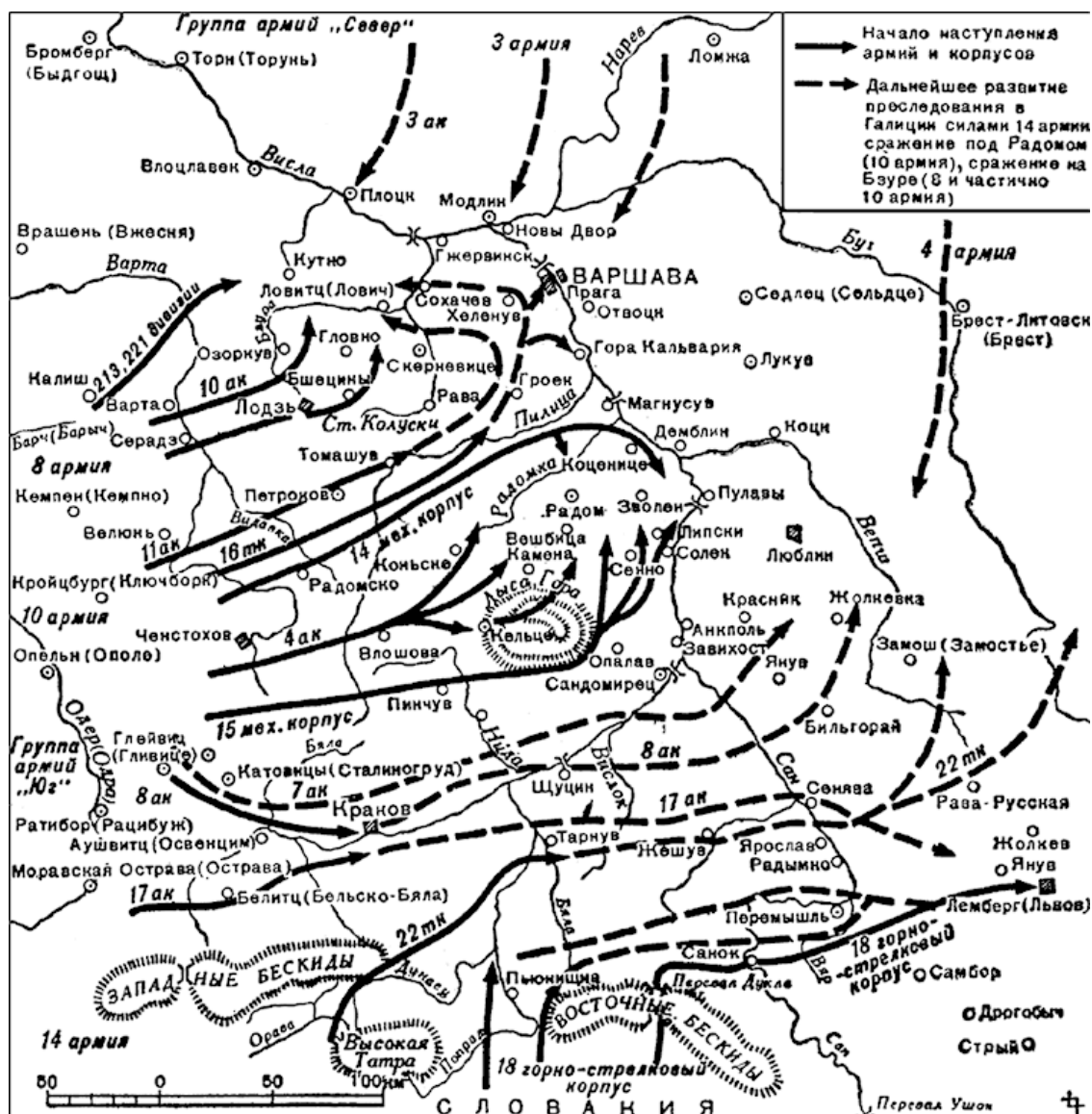
- тяжелые пограничные бои и вслед за тем стремительное преследование разбитого противника силами 14-й армии в Галиции, которое вывело ее к Лембергу и за рубеж реки Сан;
- прорыв 10-й армии к Висле и сражение с попавшим в окружение противником у Радома;
- сражение на Бзуре, во время которого силами 8-й и 10-й армий под непосредственным руководством штаба группы армий была разгромлена крупнейшая группировка противника;
- наступление на Варшаву и, наконец, заключительные бои, явившиеся следствием затяжки переговоров о заключении соглашения между руководящими политическими деятелями Германии и вступившими между тем в восточную Польшу Советами, которые 17 сентября 1939 года перешли польскую границу.³¹

³¹ См. комментарий № 6. (Прим. ред.)

Наступление 14-й армии через Галицию

Ближайшей задачей 14-й армии было окружение крупных сил противника, находившихся, по нашим сведениям, в западной Галиции, в районе Кракова. Глубокий охват противника был уже начат силами этой армии из Верхней Силезии через район Моравской Остравы (Острава) в направлении на Карпаты.

В то время как 8-й армейский корпус (командир – генерал Буш; состав: 8-я, 28-я пехотные дивизии и 5-я танковая дивизия) должен был в качестве ближайшей задачи прорвать сильные укрепления поляков в восточной части Верхней Силезии с тем, чтобы в дальнейшем нанести удар севернее Вислы на Варшаву, 17-й армейский корпус (командир – генерал Киниц; состав: 7-я и 44-я пехотные дивизии) наносил удар из Моравии южнее Вислы на Краков.

Операции группы армий «Юг» во время Польской кампании

Задачей двух других корпусов – 22-й танковый корпус (командир – генерал фон Клейст; состав: 2-я танковая дивизия и 4-я легкая дивизия), наносившего удар из пересекающей Западные Карпаты долины Орава с юга на Краков, и 18-го горнострелкового корпуса (командир – генерал Байер; состав: 2-я и 3-я горнострелковые дивизии), наносившего удар восточнее Высо-

ких Татр через долину Попрад и Ней-Сандец на Бохню (западнее Тарнува), с целью прорыва и выхода в тыл противнику в районе Кракова, – был выход во фланг и тыл противнику, ожидаемому в районе Кракова.

Далее, на восток, через перевал Дукла, известный еще по Первой мировой войне, должны были наносить удар словацкие войска, которые ОКХ разрешило использовать позже. Богатая своими традициями 1-я Баварская горная дивизия и две резервные дивизии также должны были впоследствии принять участие в боевых действиях на этом фланге.

Первые бои, которые завязала 14-я армия, в частности 8-й (силезский) армейский корпус, за польские пограничные укрепления, сложились для нас весьма тяжело. Но в основном судьба этого пограничного сражения была решена в оперативном отношении охватывающим маневром со стороны Карпат, хотя в подлинном смысле этого слова намеченное окружение группировки противника в районе Кракова не удалось осуществить, так как противник, осознав угрожающую ему опасность, оставил западную Галицию. Но его главные силы были все же разбиты уже в этих первых боях, а главным образом в ходе осуществлявшегося после этих боев стремительного преследования, во время которого 22-му танковому корпусу удалось пресечь путь отступающему противнику.

Таким образом, правый фланг армии – горный корпус и 17-й армейский корпус – продвинулся до района Лемберга и крепости Перемышль, которые были взяты нашими войсками.³² Остальная часть отступивших в восточную Галицию сил противника и находившиеся там его резервы были уничтожены в этих боях, за исключением тех войск, которые бежали в Румынию. Левый фланг армии – танковый корпус, 8-й армейский корпус и приданный ей группой армий 7-й армейский корпус – форсировал Сан выше места его впадения в Вислу. В боях против храбро оборонявшегося противника, носивших на некоторых участках упорный характер, были разбиты и части противника, подходившие частично из Варшавы, частично из района действий группы армий «Север»; далеко в тылу Висленского фронта восточный фланг группы армий «Север» соединился с войсками нашей группы армий.

15 сентября занятием Лемберга и Перемышля преследование было в основном завершено, хотя в этом районе и восточнее Сана еще велись бои на уничтожение оставшихся здесь польских частей.

Прорыв 10-й армии к Висле и сражение с попавшим в окружение противником у Радома

Если в основу задачи 14-й армии наряду с уничтожением сил противника, находящихся в западной Галиции, был положен замысел параллельного преследования противника, в результате которого должна была быть предотвращена любая его попытка остановиться для организации обороны за Вислой, то задачей обеих армий, наступавших из Силезии, было вынудить противника принять решительное сражение еще до выхода на рубеж Вислы. При этом более сильной 10-й армии, имевшей в своем составе танковые соединения, была поставлена важная задача: прорвав фронт противника, выйти к Висле, в то время как более слабая 8-я армия должна была обеспечить северный фланг войск, участвовавших в этой операции, от ударов противника, расположенного, по нашим данным, в районе Калиш – Лодзь и в Познанской провинции.

10-я армия выступила из Верхней Силезии; ее левый фланг наносил удар из района Кройцбурга (Ключборк). Армия имела в первом эшелоне 4 корпуса. В первом эшелоне следовали (начиная с правого фланга):

³² Львов немцами взят не был. См. комментарий № 7. (Прим. ред.)

- 15-й моторизованный корпус (командир – генерал Гот; состав: 2-я и 3-я легкие дивизии);
- 4-й армейский корпус (командир – генерал фон Шведлер; состав: 4-я и 46-я пехотные дивизии);
- 16-й танковый корпус (командир – генерал Гепнер; состав: 1-я и 4-я танковые дивизии, 14-я и 31-я пехотные дивизии);
- 11-й армейский корпус (командир – генерал Лееб; состав: 18-я и 19-я дивизии).

Во втором эшелоне следовал 14-й моторизованный корпус (командир – генерал фон Витерсгейм; состав: 13-я пехотная и 29-я моторизованная дивизии).

Вслед за армией в качестве резерва группы армий следовал 7-й армейский корпус (командир – генерал фон Шоберт; состав: 27-я и 68-я пехотные дивизии), а также 62-я пехотная дивизия.

8-я армия имела своей задачей в глубоко эшелонированном построении нанести удар на Лодзь. В ее состав входили два корпуса: 13-й армейский корпус (командир – генерал фон Вейхс, состав: 10-я и 17-я пехотные дивизии, а также «Лейбштандарт» и 10-й армейский корпус (командир – генерал Улекс; состав: 24-я и 30-я пехотные дивизии). За этой армией также следовали две дивизии (213-я и 221-я) в качестве резерва группы армий.

Вскоре после того, как армии 1 сентября 1939 года на рассвете перешли границу, завязались ожесточенные бои, в ходе которых противник был сбит с занимаемых им позиций.

Однако попытается ли он еще принять решающее сражение по эту сторону Вислы или он имеет перед собой цель выиграть время и стремится отвести свои войска за Вислу, было для нас на ближайшие дни большой загадкой. Пока, во всяком случае, выяснилось, что сильные группировки противника сосредоточены в горной местности Лыса Гора, в районе Кельце, Радома и Лодзи.

Решающее значение для боевых действий в первую неделю войны имели, по-видимому, два фактора, которые впервые выступили в этой кампании.

Первым из них был прорыв фронта противника нанесшими глубокий удар в тыл танковыми соединениями, для одновременного следования с которыми, однако, пехотные дивизии должны были напрячь все свои силы.

Другой фактор состоял в том, что вражеская авиация в результате успешных действий немецкой авиации была почти полностью парализована, что относилось также и к управлению, связи и средствам сообщения. Таким образом, противнику так и не удалось обеспечить централизованное управление операциями.

Штаб нашей группы войск, исходя из имевшихся данных о противнике, поставил перед 10-й армией две задачи. Правофланговая группа, в которую входили 15-й моторизованный корпус и 14-й армейский корпус, а также 7-й армейский корпус, переданный ей группой армий (позже он был переподчинен 14-й армии), должна была нанести удар по противнику, сосредоточивающемуся в районе Радома, и разбить его. Левофланговая группа, состоявшая из 16-го танкового корпуса и 14-го моторизованного корпуса, а также 11-го армейского корпуса, должна была стремиться преградить лодзинской группировке противника путь к отходу на Варшаву, в то время как 8-я армия должна была нанести удар по этой группировке с запада.

В ходе выполнения этой задачи 10-й армии вначале удалось навязать сражение группировке противника в районе Радома в лесистой местности Лыса Гора, в то время как 15-й моторизованный корпус продвинулся между этой группировкой и переправами через Вислу у Опатува и Демблина, а действовавший в составе северной группировки 14-й моторизованный корпус, совершив маневр, преградил противнику также и путь на Варшаву. 9 сентября был замкнут первый «котел» этой войны, в котором оказалась армия противника. Правда, в районе Кельце – Радом бои продолжались еще до 12 сентября, так как противник не только оказывал упорное сопротивление, но и непрерывно пытался разорвать сомкнувшееся вокруг него

кольцо, однако в судьбе этой группировки уже ничего нельзя было изменить. Когда сражение закончилось, в наших руках оказалось 60 000 пленных и 130 орудий. 7 дивизий противника были разгромлены в ходе этих боев. Даже если бы противнику и удалось спастись, отойдя за Вислу, он не избежал бы этой судьбы, ибо в тот день, когда завершилось сражение под Радомом, 1-я горнострелковая дивизия 14-й армии уже находилась под Лембергом, а левый фланг этой армии уже давно форсировал Сан в его нижнем течении и тем самым был в состоянии взломать оборону противника, которую последний собирался, очевидно, организовать на берегах Вислы.

Между тем левофланговая группировка 10-й армии (16-й танковый корпус) в результате боев вышла к переправе через Вислу у Гура-Кальвария, южнее Варшавы, а танковая дивизия, действовавшая в ее составе, вела бои на юго-западной окраине Варшавы. Для захвата этого крупного города, приспособленного для обороны, эти силы, однако, были слишком небольшими. Танковую дивизию пришлось вывести из города. Во всяком случае, в результате этого противнику был отрезан путь к Варшаве с запада.

Гости в штабе группы армий

В то время как наши армии двигались к Сану и Висле, штаб группы армий был переведен в Люблинец, бывший гарнизонный город немецких улан, не пользовавшийся в старой армии особой славой. На этот раз мы разместились в доме для глухонемых, чем я вовсе не хочу сказать, что мы когда-либо притворялись глухонемыми. Наоборот, мы внимательно прислушивались ко всем сообщениям, поступавшим от войск, и, с другой стороны, не останавливались перед тем, чтобы ясно сообщать нашу точку зрения вышестоящим инстанциям. Последнее совсем не означает, что в польскую кампанию мы по основным вопросам не были согласны с ОКХ. Несмотря на это, иногда имело место расхождение наших точек зрения. Однако генерал-полковник фон Рундштедт не допускал какого-либо вмешательства в командование группой армий.

Здание дома для глухонемых, как это можно себе представить, не было построено так, чтобы его стены поглощали звук. Вследствие этого голос нашего начальника разведывательного отдела, которого никакими уговорами не удавалось заставить говорить тише, был далеко слышен. Об обстановке, таким образом, на всей территории штаба знали досконально. Тем большее впечатление произвело то умение, с которым он обошелся с оригинальными гостями, прибывшими к нам в Люблинец. В один прекрасный день у нас появилась в сопровождении свиты кинооператоров известная киноактриса и режиссер, заявившая, что она «движется по стопам фюрера». Она сообщила, что по личному поручению Гитлера приехала на фронт снимать фильм. Такая деятельность, да, еще под руководством женщины, была нам, солдатам, откровенно говоря, крайне неприятной. Однако речь шла о задании Гитлера.³³

Впрочем, она выглядела очень милой и мужественной женщиной – примерно как элегантная партизанка, заказавшая себе костюм на рю де Риволи в Париже. Ее прекрасные, подобные огненной гриве волосы, ложившиеся волнами, обрамляли интересное лицо с близко расположенными глазами. На ней было нечто вроде туники, бриджи и высокие мягкие сапоги. На кожаном ремне, перепоясывавшем ее стан выше бедер, висел пистолет. Оружие для ближнего боя дополнялось ножом, заткнутым на баварский манер за голенище. Штаб, как я должен признаться, был несколько ошеломлен появлением подобной необычной фигуры. Поэтому я вначале направил ее к генерал-полковнику фон Рундштедту, чтобы она могла сообщить ему о своем задании. Он, как подобает галантному кавалеру, принял ее очень любезно, но вскоре

³³ Имеется в виду Лени Рифеншталь (1902–2003) – знаменитая немецкая киноактриса и кинорежиссер, создатель известного фильма «Триумф воли». Очевидно, неприятный осадок от ее посещения группы армий «Юг» был вызван описанным ниже эпизодом, который всплыл наружу из-за присутствия посторонних. (Прим. ред.)

направил снова ко мне. Мне не оставалось ничего иного, как «передать ее по команде». Таким образом, она очутилась у нашего начальника разведки с грубым голосом, в функции которого входило также и все связанное с пропагандой.

Этот офицер, чудесный, брызжащий юмором баварец, не пошел по моим стопам (я пытался отсоветовать даме совершать поездку по фронту). Он отнесся к этому делу, не обращая внимания на пышный костюм актрисы, чисто по-служебному, сухо и трезво. Он принял даму чрезвычайно корректно, выслушал ее дело, проверил документы, принадлежавшие ей и ее спутникам, затем поднял телефонную трубку и вызвал офицера-медика. Положив трубку на рычаг, он деловым тоном сказал: «Вам сначала нужно сделать прививку. Я вызвал врача. Пожалуйста, раздевайтесь!» В пользу нашей гостьи говорит то, что она не вскипела, а только засмеялась и отказалась подвергаться прививке. Лишь ее киноспутники должны были подвергнуться этой процедуре, вернее говоря, один оператор. Он подошел, щеголяя своим коричневым загаром, врач поднес шприц, и несчастный на глазах у злорадствующих зрителей тут же упал в обморок.

Начальнику разведки пришла в голову блестящая идея направить эту экспедицию к генералу фон Рейхенау, который хорошо знал эту даму и казался нам подходящим покровителем. Она направилась с сопровождающими ее лицами в штаб 10-й армии в Конске. Вскоре, однако, она оттуда возвратилась. При занятии Конске еще раньше несколько раз происходила перестрелка, в которой приняли участие и гражданские лица. Вследствие нервозности офицера-зенитчика на рыночной площади, где собралось много народа, и возникла ничем не оправданная паника, была открыта бессмысленная стрельба, повлекшая за собой много жертв. Киногруппа была свидетельницей этой достойной сожаления сцены, и наша гостья, потрясенная случившимся, решила вернуться. Что касается офицера, виновного в этой сцене, то генерал фон Рейхенау немедленно предал его суду военного трибунала, приговорившего его по обвинению в непреднамеренном убийстве к лишению офицерского чина и тюремному заключению на несколько лет.³⁴ Этот пример свидетельствует о том, что со стороны командных инстанций сухопутных сил в подобных случаях немедленно принимались строгие меры. К сожалению, позже – в начале русской кампании – эти меры привели к тому, что Гитлер лишил суды военного трибунала права разбирать дела, связанные с гражданским населением.

Сражение на Бзуре

В то время как в районе Радома еще продолжались бои, хотя здесь уже и наметилось победоносное завершение сражения, северный фланг группы армий в связи с инициативой, проявленной здесь противником, занял в деятельности штаба группы главное место.

В первые девять дней кампании все действия протекали настолько планомерно и в соответствии с нашими желаниями, что, как можно было думать, вряд ли что-либо могло серьезно нарушить или изменить план намеченных операций. Тем не менее в эти дни у меня было неясное предчувствие, что на северном фланге группы армий что-то заварилось. Ведь было ясно, что противник сосредоточил в Познанской провинции крупные силы, которые пока еще не приняли участия в боевых действиях. Ввиду этого 8 и 9 сентября я неоднократно обращал внимание начальника штаба 8-й армии на то, что армия должна особо тщательно вести разведку на своем северном фланге. В результате наших запросов в ОКХ относительно местонахождения познанской группировки 9 сентября мы получили из ОКХ телеграмму о том, что противник быстрыми темпами отводит войска познанской группировки на восток, и поэтому не следует

³⁴ На самом деле Лени Рифеншталь и ее съемочная группа случайно стали свидетелями расстрела заложников, проводимого в ответ на убийство поляками нескольких немецких солдат. Подробнее об этом эпизоде См.: Одри Салкелд. Триумф и воля. М.: Эксмо, 2003, стр. 330–331. Естественно, никто наказан не был, поскольку экзекуция производилась с ведома и одобрения армейского командования. (Прим. ред.)

опасаться угрозы глубокому флангу 8-й армии. Однако мы все же предполагали, что южнее Вислы, между Лодзью и Варшавой, в общей сложности находятся еще 10 дивизий противника.

Следует вспомнить, что группа армий намечала силами 10-й армии преградить путь на Варшаву сосредоточенной, по нашим данным, в районе Лодзи крупной группировке противника (5–6 дивизий), в то время как 8-я армия одновременно должна была нанести удар по этой группировке с запада.

При этом первоначальная задача этой армии, заключавшаяся в том, чтобы обеспечить весь ход операции на северном фланге глубоко эшелонированным построением, естественно, оставалась в силе.

По-видимому, однако, взгляды штаба 8-й армии были больше обращены на выполнение первой из поставленных задач, чем на север. Во всяком случае, 10 сентября утром из штаба армии поступило донесение о том, что 30-я дивизия из ее состава неожиданно подверглась нападению значительно превосходящих сил противника с севера. Обстановка здесь приняла характер кризиса. Попытки армии восстановить положение контратаками не принесли успеха.³⁵ Однако командование армии надеялось, что ему удастся остановить противника, – это были, безусловно, крупные силы, переброшенные в основном из Познанской провинции, – и для этого приказало обоим своим корпусам занять оборону фронтом на север. Тем не менее командование армии просило срочно перебросить в его распоряжение танковый корпус, чтобы не допустить прорыва противника в южном направлении на Лодзь, которая 9 сентября была занята без боя.

Штаб группы армий, однако, ни в коей мере не собирался восстанавливать положение 8-й армии путем подброски ей подкреплений. Пусть здесь даже и возник бы – возможно, даже тяжелый – местный кризис, с оперативной точки зрения он не имел никакого значения. Наоборот, он давал нам в руки шанс превратить его в большую победу. Ведь теперь крупные силы противника были втянуты в бой западнее Вислы, а он мог окончиться только их поражением, если, конечно, немецкая сторона действовала бы правильно.

Итак, штаб группы армий отклонил просьбу командования 8-й армии о присылке подкрепления в составе танкового корпуса. Вместо этого он приступил к окружению противника. С запада в это время как раз подходили обе дивизии, находившиеся в резерве группы армий и следовавшие за 8-й армией. Они были брошены против западного фланга противника, атаковавшего 8-ю армию с севера. Для этой же цели была выделена одна легкая дивизия, участвовавшая в подходившем к концу сражении у Радома. Главной же задачей, которую поставил перед собой штаб группы армий, было заставить противника перед фронтом 8-й армии вести бой с постоянно меняющимся фронтом. Для этой цели штаб отдал приказ о том, чтобы 10-я армия немедленно повернула на запад стоящий под Варшавой и южнее ее 16-й танковый корпус, а также следующий за ним 11-й армейский корпус, которые получили задачу принять участие в сражении, ведущемся 8-й армией, вступив в него с востока. Сама же 8-я армия получила задачу отражать продолжающиеся атаки противника, а как только они начнут ослабевать, перейти в наступление.

Впечатления, которые остались у генерал-полковника фон Рундштедта и у меня при посещении штаба 8-й армии в эти дни (в один из них здесь побывал и Гитлер), вынудили штаб группы армий взять руководство этой операцией в свои руки. Действиями обоих наступающих с востока и юго-востока корпусов 10-й армии было поручено руководить самому генералу фон Рейхенау, в то время как за штабом 8-й армии оставалось руководство действиями двух его корпусов, сражавшихся фронтом на север, и охват противника с запада. Наконец, для завершения окружения по просьбе командования группы армий из состава группы армий «Север», которая форсировала Вислу с севера в тылу противника, был выделен также 3-й

³⁵ См. комментарий № 8. (Прим. ред.)

армейский корпус. Когда в ходе сражения выявилась попытка крупных сил противника отойти вдоль берега Вислы на крепость Модлин, штаб группы армий поставил перед 15-м моторизованным корпусом, действовавшим до того в районе Радома, задачу отрезать противнику и этот последний путь отступления.

После ожесточенных боев и попыток противника прорваться вначале на юг, затем на юго-восток и наконец на восток 18 сентября его сопротивление было окончательно сломлено. К 20 сентября 10-я армия захватила 80 000 пленных, 320 орудий, 130 самолетов и 40 танков. 8-я армия захватила 90 000 пленных и огромное количество военной техники. В этих боях было разгромлено 9 вражеских пехотных дивизий, 3 кавалерийские бригады и частично еще 10 дивизий, следовательно, гораздо больше соединений, чем мы ожидали.

Сражение на Бзуре явилось самой большой самостоятельной операцией польской кампании, ее кульминационным, если не решающим моментом. С оперативной точки зрения этим решающим моментом был уже глубокий охват всей польской армии группой армий «Север» с севера и 14-й армией с юга. Продиктован ли был этот единственный крупный контрудар командования польской армии надеждой изменить ход сражения в Висленской дуге или он преследовал только одну цель – пробить находившимся южнее Варшавы польским войскам путь на Варшаву, – в судьбе польской армии он уже не мог ничего изменить.

Если сражение на Бзуре и не может сравниться по своим результатам со сражениями на уничтожение окруженного противника, проводившимися позже в России, оно является самым большим сражением подобного рода, имевшим место до того времени. Это сражение не могло планироваться заранее как результат прорыва фронта противника силами крупных танковых соединений, оно возникло в результате нанесения контрударов, проводившихся с немецкой стороны в обстановке, которая вследствие действий противника неожиданно создала для нас большие возможности.

Воспоминания

Штаб группы армий для обеспечения общего руководства операциями 10-й и 8-й армий был переведен в Кольце. Для генерал-полковника фон Рундштедта и меня места, где теперь действовали обе армии, были знакомыми краями. Генерал-полковник в Первой мировой войне был одно время офицером Генерального штаба при Варшавском генерал-губернаторстве и поэтому знал почти всю Польшу. Я сам поздней осенью 1914 года участвовал в качестве старшего адъютанта 2-го гвардейского резервного полка в наступлении из Верхней Силезии на Вислу, в тяжелых боях под крепостью Иван-город (теперь Демблин) и в отступлении к границе Верхней Силезии. Населенные пункты, за которые вела бои 10-я армия, горы в районе Лыса Гора и долины Вислы остались в моей памяти.

Когда мы теперь ехали из Люблинца в Кельце, мы проезжали через поле боя вблизи Котовице, где в ночь с 16 по 17 ноября 1914 года я был тяжело ранен и спасен только благодаря помощи моих храбрых товарищей. Это был довольно-таки необычный случай. 1-я гвардейская резервная дивизия, в которую входил наш полк, действовавшая в составе корпуса фельдмаршала фон Вейрша, после отхода от берегов Вислы заняла оборону у границы Верхней Силезии. Мы ожидали наступления нападающих на нас, обладающих подавляющим превосходством сил противника. Перед фронтом только нашего полка были обнаружены части двух кавказских корпусов.

В этой обстановке вечером 16 ноября 1914 года неожиданно поступило известие о победе Макензена под Кутно. Одновременно были перехвачены русские радиogramмы, согласно которым противник, по-видимому, вследствие нанесенного удара намеревается начать отход и на нашем фронте. По приказу командира дивизии в каждом полку был создан отряд преследования силой до батальона с задачей еще в течение ночи начать преследование противника, якобы

намеревающегося начать отход. Я попросил у моего командира разрешения принять участие в операции в должности адъютанта спешно сформированного нами батальона. Обладавший несколько ворчливым характером полковник фон Крамер очень неохотно дал свое согласие. К сожалению, обстоятельства сложились иначе, чем мы ожидали. Перехваченные радиogramмы оказались ложными. Русские совсем не думали об отходе. Поэтому наш батальон у Котовице натолкнулся на оборонительную позицию, которую мы, полагая, что имеем дело с арьергардом, попытались атаковать. Когда мы уже достигли вражеских окопов – командир батальона, всеми нами глубоко уважаемый майор фон Бассевитц, я и знаменосец с развернутым знаменем шли впереди, – навстречу нам вышли русские, но не с поднятыми руками, а с криками «Ура!» и со штыками наперевес. В рукопашной схватке меня поразил выстрел, и я упал. Мой противник упал на меня. Но прежде чем он успел прикончить меня, один из наших гвардейцев, спешивших на помощь, убил лежавшего на мне врага. Еще одна пуля попала мне в колено. В это время Бассевитц крикнул мне, что он тоже ранен. Два гвардейца подняли его и понесли назад, но всех троих по пути поразили насмерть пули! Знаменосец же со знаменем исчез! Как я узнал позже, он, будучи также тяжело раненным, вместе со знаменем свалился в русский окоп. Унтер-офицер фон Хахт, один из моих бывших рекрутов, спас потом зная, достав его оттуда.

Я услышал об этом еще до того, как два товарища – я уже был не в состоянии двигаться – унесли меня. Когда я утром прибыл в штаб нашего полка, командир встретил меня ободряющими словами: «Вот что получилось из вашей затеи!» Когда теперь – 25 лет спустя – я увидел знакомое мне поле боя днем, эти воспоминания всплыли в моей памяти. Картина атакующего батальона, развевающегося знамя, яркие вспышки огня при выстрелах, неприятный звук от разрывающихся вблизи вражеских снарядов... Прежде всего, однако, я вспомнил о товарищах, которые, рискуя своей жизнью, помогли мне, о деснице Того, Кто защитил меня в тот час!

Еще один случай произошел со мной во время этой или какой-то другой поездки.

При проезде через Ченстохов генерал-полковник фон Рундштедт и я посетили церковь, в которой находится знаменитая «Черная мадонна» – по-видимому, больше всего почитаемая в Польше. Яркий свет бесчисленных свечей, их тонкий медовый аромат, роскошный, отделанный золотом алтарь, а перед ним коленопреклоненная, истово молящаяся толпа. Время от времени из полутьмы раздавался мистический голос молящегося, просящего о помощи! Здесь народ молился за победу, матери за своих сыновей, так же, как это делал и наш народ и мы все!

В Кельце наш штаб разместился в бывшем дворце польского князя. Хотя он долго служил в качестве резиденции воеводства, освященный временем бюрократизм не смог смести остатки прежней роскоши. Толстые стены с глубокими оконными нишами, из которых открывался вид на город, раскинувшийся вокруг старинного дворца, красивые потолки, своды и каминные трубы говорили еще о тех временах, когда здесь господствовали блеск и роскошь.

В маленьком зале, который мы избрали для столовой оперативного отдела нашего штаба, в качестве символа новой Польши висел большой писанный масляными красками портрет, изображавший преемника Пилсудского, маршала Рыдз-Смиглы. В величественной позе, с серебряным маршальским жезлом в руке, который завершался толстым набалдашником и этим напоминал средневековые булавы, маршал стоял на фоне атакующей польской кавалерии. Самоуверенно и высокомерно он взирал сверху на нас.

О чем думает этот муж в настоящее время? Судьба возглавляемой им армии уже решена, во всяком случае, она решалась как раз в эти дни сражения на Бзуре. Государство, кормчим которого он был, находилось накануне катастрофы! Он сам, однако, как это вскоре выяснилось, не был героем. Он оставил свою армию на произвол судьбы и бежал в Румынию, не забыв предварительно переправить туда же свою движимость, как мы слышали об этом позже в Варшаве! *Sic transit gloria mundi!*³⁶

³⁶ Так проходит мирская слава (лат.).

Занятие Варшавы

После уничтожения самой сильной из всех противостоявших нам группировок противника в сражении на Бзуре и боев, развернувшихся в лесистой местности южнее Люблина, с войсками противника, пытавшимися пробиться из Модлинской крепости на Варшаву, группа армий приступила к выполнению задачи захвата Варшавы. Однако часть ее соединений уже была переброшена на Запад, где французы и британцы, к нашему удивлению, сложа руки взирали на уничтожение своего польского союзника.

Можно было предвидеть, и штаб группы армий доложил об этом ОКХ, что подготовка к наступлению на Варшаву не сможет быть завершена до 25 сентября. Ведь для этого наступления мы хотели подтянуть всю тяжелую артиллерию РГК, в том числе артиллерию 14-й армии, находившуюся в Галиции.

Однако после того как Советы 17 сентября начали войну против Польши, и Висла была намечена в качестве демаркационной линии между ними и нами, Гитлер стал торопить армию с занятием Варшавы. Он приказал захватить город к 30 сентября. То, что политическое руководство требует от генералов достижения победы – это понятно. Но то, что оно устанавливает и срок, когда победа должна быть одержана – это, безусловно, нечто необычное.³⁷

Штаб группы армий преследовал цель добиться победы по возможности с наименьшим количеством жертв. В его намерения не входило ради определенной даты принести ненужные жертвы. Это наступление стало вообще необходимым потому, что противник занял в городе оборону, сосредоточил в нем армию, состоявшую из остатков многих соединений, и потому, что польский главнокомандующий заявил, что город будет держаться до последнего.

Для штаба группы армий было ясно, что внезапное наступление на город при существовавших условиях не обещало успеха. Ни в коем случае, однако, он не хотел – по каким бы причинам этого от него ни требовали – идти на сражение в самом городе. Такое сражение потребовало бы от наступающих частей, так же неминуемо, как и от населения, огромных человеческих жертв.

Поэтому штаб группы армий приказал 8-й армии, которой был поручен захват Варшавы, обеспечить наступательными действиями образование вокруг крепости тесного сплошного кольца, примерно по линии идущей вокруг города кольцевой трассы. Вслед за тем город должен был быть принужден к сдаче в результате обстрела, бомбардировок с воздуха, а если это не приведет к цели, – в результате нехватки продовольствия и воды. Здесь следует заметить, что наш штаб успешно противодействовал желанию Гитлера подвергнуть город бомбардировке в более раннее время, так как атаки с воздуха тогда не находились бы в непосредственной связи с военными действиями и не принесли бы ощутимых результатов.

25 сентября был открыт огонь на разрушение по внешним фортам, опорным пунктам и важнейшим базам снабжения города. Одновременно начались частые атаки для выхода на намеченную линию окружения. 26 сентября были сброшены листовки, в которых сообщалось о предстоящем обстреле города и содержалось требование сдать город. Так как польские войска продолжали оказывать упорное сопротивление, 26 сентября вечером начался обстрел самого города.

³⁷ Это странное утверждение выглядит не вполне искренним – генерал-фельдмаршал не мог не быть знаком с трудами Клаузевица, который еще в начале XIX века заметил, что война является продолжением политики другими средствами. А ведь отсюда следует, что военные задачи тесно связаны с политическими (и экономическими) факторами – то есть политика задает не только цели, но и сроки, а также способы их достижения. (Прим. ред.)

27 сентября днем генерал-полковник фон Рундштедт и я узнали во время посещения 18-й дивизии, которой я раньше командовал, что только что захвачены два внешних форта и противник согласился на капитуляцию³⁸. Огонь был немедленно прекращен.

28 сентября акт капитуляции был подписан польским главнокомандующим и командующим 8-й армией генералом Бласковицем. В нем содержались положения о немедленном оказании помощи населению, а также раненым противника. Вообще условия этой капитуляции полностью отвечали требованиям уважения чести армии, несмотря на поражение, показавшей себя храбрым противником. В акте было предусмотрено, что офицерам сохраняется их шпага, что унтер-офицеры и солдаты на короткое время будут взяты в плен с тем, чтобы после выполнения необходимых формальностей вернуться на родину.

По сведениям польского уполномоченного, в Варшаве капитулировало 120 000 человек!³⁹

При подписании акта капитуляции польский генерал сказал: «Колесо вертится». Он оказался прав – хотя, если учесть то положение, в котором суждено было позже оказаться его родине, вряд ли в том смысле, который он имел в виду.

Наступление к востоку от Сана и Вислы

В то время как в ходе сражения на Бзуре и в результате занятия Варшавы главные силы противника, действовавшего западнее Вислы, были уничтожены, в районе действий 14-й армии в восточной Галиции и по ту сторону нижнего течения Сана происходило еще много подчас тяжелых боев с отдельными группами противника, которым до этого момента удалось избежать уничтожения. Один корпус 10-й армии также в это время форсировал Вислу у Демблина и севернее его, нанося удар на Люблин.

В ходе этих боев неожиданно поступило указание Верховного Главнокомандования передать Советам Лемберг, который только что капитулировал в результате действий 14-й армии, и отойти по всему фронту, занимаемому группой армий, на линию, согласованную фон Риббентропом и Советами. Она проходила от перевала Ужок к Перемышлю и затем вдоль Сана и Вислы до пункта севернее Варшавы. Таким образом, все бои по ту сторону Сана и Вислы для группы армий были бесполезными и вели только к выгоде для Советов!

Отход за Сан привел к прекращению боя с группировкой противника, насчитывавшей 2–3 дивизии и 1–2 кавалерийские бригады, которая с достойной восхищения храбростью, но без всякого учета общей обстановки в свою очередь перешла в наступление и попыталась отрезать 7-му и 8-му армейскому корпусу пути отхода за Сан. И здесь снова возникли тяжелые бои, которые явились лишь следствием политических маневров между германским и советским правительствами. Это лучше всего подтверждается тем фактом, что 1 октября снова произошло изменение демаркационной линии. Теперь мы снова должны были занять Люблинское генерал-губернаторство. 14-й моторизованный корпус, таким образом, опять форсировал Вислу. Ему сдалась последняя группировка противника, отходившая под натиском Советов на Вислу.

Польская кампания была окончена. Группа армий «Юг» в ходе боев захватила 523 136 пленных и 1401 орудие, 7600 пулеметов, 274 самолета, 96 танков и огромное количество другой военной техники. Человеческие жертвы, понесенные противником, ожесточенно сражав-

³⁸ За этот подвиг первыми из немецких офицеров получили Рыцарский крест обер-лейтенант Штейнгардт и лейтенант Штольц из 51-го пехотного полка. (Прим. авт.)

³⁹ По польским данным в Варшаве сдались 5031 офицер и 97 425 рядовых, в госпиталях на этот момент находилось около 16 тысяч раненых. Всего в боях за Варшаву погибло 2 тысячи польских военных и около 10 тысяч мирных жителей. См.: Д. М. Проэктор. Война в Европе. 1939–1941 гг. М.: Воениздат, 1963, стр. 112. Некоторые источники увеличивают число погибших поляков до 5 тысяч военных и 25 тысяч гражданских. (Прим. ред.)

шимся с величайшей храбростью даже в безнадежном положении, были, безусловно, очень большими.

Потери группы армий составляли: офицеры – 505 убитыми, 759 ранеными, 42 пропавшими без вести; унтер-офицеры и солдаты – 6049 убитыми, 19 719 ранеными, 4022 пропавшими без вести.

Памяти павших

В связи с приведенными мною данными о потерях, которые по сравнению с одержанными нами во время этой кампании успехами кажутся незначительными, хотя это и не уменьшает нашей скорби, я позволю себе почтить память трех человек, гибель которых для меня лично имела особенно большое значение. Ведь эта книга не может быть посвящена только описанию военных операций, она должна наряду с этим, пусть в скромных масштабах, содержать и описание личных переживаний.

Под Варшавой погиб бывший командующий сухопутными силами генерал-полковник барон фон Фрич, человек, создавший новую немецкую армию в 1934–1938 годах, благородный офицер, который не мог ответить на дьявольскую интригу подлых людей, стремившихся сместить его, лозунгом «а corsaire, corsaire et demi»⁴⁰. Воспитанному на прусских традициях офицеру чувство долга не позволяло направить созданную им армию против государства. Позже я слышал, что генерал-полковник фон Фрич, прощаясь в начале войны со своим бывшим начальником Генерального штаба генерал-полковником Беком, уходя, коротко, вполголоса заявил: «Я не могу выдержать такой жизни». Этому молчаливому отчаянию соответствовали также его последние слова, обращенные к адъютанту, тщетно пытавшемуся перевязать огнестрельную рану на бедре, в результате которой была перебита артерия: «Оставьте, не имеет смысла».

В Польше в сентябре, во время сражения под Радомом, погиб и мой старый друг, полковник Вильгельм Дитрих фон Дитфурт, командир мотострелкового полка. В его лице для меня погиб человек, который прошел вместе со мной весь жизненный путь, начиная с ранней юности. Нам было двенадцать лет, когда мы, кадеты Плэнского училища, подружились друг с другом. Дико, как его звали ближайшие друзья, остался затем вместе с принцем Оскаром Пруским в Плэне, а я был переведен в Главное кадетское училище в Лихтерфельде. Четыре года спустя судьба свела нас снова в чине лейтенантов в 3-м гвардейском полку. Мы были инструкторами по подготовке рекрутов в одном и том же батальоне, следовательно, на службе и еще чаще в свободное время были вместе. В эти дни наша дружба, начавшаяся в Плэне, стала еще более прочной. Я сохранил эту дружбу и после его смерти и сохраняю ее до конца моих дней.

Дитфурт был одним из любезнейших и обходительнейших людей, которых я когда-либо знал. Он был высокого роста, умен и восприимчив ко всему красивому и хорошему. Уже в своей юности он обладал исключительно уравновешенным характером. На его примере можно было увидеть, какой неоценимый вклад может сделать живущая в атмосфере любви и гармонии семья в дело воспитания детей, вклад, сохраняющий свое значение на всю жизнь. Находиться в гостях у его родителей, братьев или сестер доставляло большую радость. Через несколько лет судьба нас снова разделила. Супруга кайзера избрала его для воспитания своего младшего сына, причинявшего ей много хлопот. Однако мы продолжали поддерживать связь, часто обмениваясь письмами.

В 1913 году Дитфурт, к моей радости, снова возвратился в полк, и мы вместе поступили в военную академию. Но вскоре его снова отозвали на пост старшего адъютанта полка, – доказательство того, что начальники высоко ценили его как офицера. Тем не менее мы оба продолжали служить вместе в Берлине. Война снова разделила нас. Дитфурт начал войну на

⁴⁰ Примерно: «С волками жить – по-волчьи выть» (франц.).

посту старшего адъютанта кадрового, а я запасного полка. Судьбе было угодно, чтобы мы, как это иногда бывает в жизни, опять сошлись вместе во время сражения на Сомме в штабе 1-й армии на должностях офицеров штаба. Летом 1917 года Дико снова отозвали. Чета кайзера вспомнила о его замечательных способностях воспитателя и пожелала, чтобы он посвятил себя воспитанию сыновей кронпринца. На этот пост нельзя было подобрать человека, который бы лучше справился с этими обязанностями. Для самого Дитфурта это было, однако, тяжелым ударом – во время войны вдруг возвращаться на родину. Придворным он так никогда и не стал. И после революции, с которой его задача потеряла первоначальный смысл, он остался верен этой своей задаче. После окончания воспитания принцев он поступил на службу к кронпринцу. Когда он решил, что кронпринц больше не нуждается в нем, он сейчас же последовал велениям своего сердца и снова стал солдатом. Еще несколько мирных лет ему суждено было провести на должности инструктора вначале своего батальона, а затем полка. Вражеская пуля настигла его, когда он шел во главе своих гвардейцев в первых рядах, стреляя из винтовки.

Смерть не пощадила и моей семьи. Во время польской кампании старший брат моей жены, ротмистр запаса Конрад фон Лёш, был тяжело ранен в позвоночник. Это было 9 сентября во время сражения на Бзуре. Он служил в разведывательном батальоне. Ему принадлежало бывшее имение его отца в Лорцендорфе (Силезия); он был женат на графине Цедлиц и имел трех детей. Даже такой хирургический гений, как фон Зауербрух, не смог спасти его. Все же этот большой специалист своим искусством и прежде всего своим сердечным отношением смог несколько облегчить тяжелые страдания в последние месяцы жизни моего шурина. Он умер в возрасте 40 лет в марте 1940 года в клинике Шаритэ в Берлине. Эта потеря была тяжелым ударом для нас всех, в особенности для моей жены, которая, будучи младше его всего на один год, росла вместе с ним. Этот человек, преисполненный идеалов, очень любил своих детей, по-дружески относился к людям в своем имении, был страстным любителем верховой езды и своей солдатской профессии. Он останется в памяти не только своих близких.

5 октября Гитлер устроил парад Победы в Варшаве. На большой аллее, ведущей от Бельведера ко дворцу, дефилировали мимо него одержавшие победу дивизии, находившиеся теперь в Варшаве и ее окрестностях. Несмотря на проведенные бои и перенесенные тяготы военной жизни, войска производили прекрасное впечатление. В глазах молодых солдат сияла гордость, вызванная одержанной в этой «молниеносной кампании» победой.

К сожалению, парад окончился неприятным эпизодом, который одновременно пролил яркий свет на отношение Гитлера к офицерам сухопутных сил.

Было предусмотрено, что Гитлер, незадолго до своего вылета, на аэродроме будет беседовать с командирами соединений, участвовавших в параде.

Не без основания мы ожидали от него в нескольких словах благодарности. В одном из ангаров был накрыт стол, за которым Гитлер должен был вместе с командирами отведать суп из полевой кухни. Когда он, однако, вошел в ангар и увидел стол, накрытый белой скатертью и украшенный осенними цветами, он резко повернулся, подошел к полевой кухне, стоявшей рядом с ангаром, попробовал несколько ложек супа, поговорил с окружившими его солдатами и улетел. Очевидно, подобным отношением он хотел подчеркнуть свою «близость народу». Я, однако, сомневаюсь, что наши brave гвардейцы действительно одобрили его поведение. Они, вероятно, вполне бы поняли, что глава государства, после таких побед отдав дань командирам, отдал бы дань и самим войскам. По отношению к первым же его поведение было явной бесцеремонностью, которая в такой момент заставляла задумываться.

Польская кампания в то время получила название «молниеносной войны». Действительно, эта кампания по скорости ее проведения и результатам являлась единственной в своем роде, пока впоследствии наступление немцев на Западе не явилось подобным же достижением, но в еще больших масштабах.

Чтобы, однако, правильно оценить события, надо учесть сказанное в предыдущей главе о перспективах, открывавшихся в этой войне перед Польшей.

Действительно, эта кампания *должна была* быть выиграна немцами – если учесть гораздо более благоприятную для них обстановку перед началом военных действий, а также их превосходство в силах, но лишь при наличии двух предпосылок:

- во-первых, если бы немецкое командование пошло на большой риск на Западе, чтобы располагать необходимым превосходством сил на Востоке;
- во-вторых, если бы западные державы не воспользовались этими рискованными действиями, чтобы своевременно прийти на помощь полякам.

Не подлежит сомнению, что события могли развиваться совсем иначе, если бы западные державы начали наступление на Западе как можно раньше. Правда, польское командование должно было бы учесть этот факт и, проявив немного больше здравого смысла, не растрачивать с самого начала свои силы, стремясь удержать то, что нельзя было удержать. Оно должно было бы, наоборот, с самого начала кампании сосредоточивать свои силы на решающих участках, систематически преследовать цель выиграть время, ввергнуть немцев в настоящую пучину войны на два фронта. Храбрость, с которой польские войска сражались до последнего момента, создала бы польскому командованию возможность продержаться до того момента, пока союзники, выйдя на Рейн, не заставили бы командование германской армии раньше времени прервать польскую кампанию. Таким образом, как уже однажды выразился граф Шлиффен, побежденные и на этот раз внесли свою лепту в дело победы, одержанной противником.

С другой стороны, однако, необходимо признать, что *быструю* и решительную победу, одержанную в польской кампании, следует все же приписать не только влиянию благоприятной оперативной обстановки, но и превосходству на стороне немцев (достигнутому благодаря большому риску), лучшему управлению войсками и более высоким боевым качествам немецких войск.

Важную роль в достижении высоких темпов проведения кампании сыграли новые принципы использования самостоятельно действующих танковых соединений и поддержка авиации, обладавшей подавляющим превосходством. Но решающим фактором, вероятно, наряду с неоднократно испытанной храбростью немецкого солдата и его готовностью к самопожертвованию, был наступательный *дух*, который овладел немецким командованием и войсками. Насколько очевидно, что техническое оснащение армии в значительной степени объясняется энергией Гитлера, настолько же ясно, что одно превосходство в вооружении ни в коей мере не могло обеспечить такой быстрой и решительной победы.

Самым важным, однако, было то, что тот маленький рейхсвер, на который многие в свое время смотрели сверху вниз, сумел спасти после поражения во время Первой мировой войны и оживить великие немецкие традиции в области обучения и вождения войск. Новая немецкая армия, детище этого рейхсвера, очевидно, стала единственной армией, сумевшей преодолеть вырождение войны в позиционное противостояние – или, как выразился генерал Фуллер в отношении боевых действий в последний период Второй мировой войны⁴¹, в «торговлю железом». Германской армии удалось с помощью новых средств борьбы снова овладеть подлинным искусством ведения маневренной войны. Самостоятельность, не предоставлявшаяся в такой степени командирам никакой другой армии – вплоть до младших командиров и отдельных солдат пехоты, – вот в чем состоял секрет успеха. А это наследство опять-таки сохранил и передал дальше рейхсвер. Новая армия с честью выдержала свое первое испытание. Командование сухопутных сил еще могло действовать без чужого вмешательства. Командующие еще имели в своих руках всю полноту власти. Войска еще могли проводить операции чисто военного характера, и поэтому они еще носили благородный характер.

⁴¹ Так в оригинале. Очевидно, здесь опечатка и должно быть: «Первой мировой войны». (Прим. ред.)

Командующий Восточным округом

С 3 октября генерал-полковник фон Рундштедт был назначен командующим Восточным округом. В качестве начальника гражданской администрации оккупированных областей Польши, из которых затем были переданы в состав империи вновь созданные округа, ему должен был помогать министр Франк. Штаб группы армий, в составе которого был образован теперь также отдел этапно-транспортной службы, остался в подчинении командующего Восточным округом в качестве его военного штаба. Штаб группы армий «Север» был перебросен на Западный фронт.

Такое решение генерал-полковник фон Рундштедт и его штаб, естественно, восприняли с горечью. Ведь группа армий «Юг» принимала самое активное участие в боевых действиях во время польской кампании. Теперь нас оставили без внимания в Польше, в то время как группа армий «Север» получила новые важные задачи. Кроме того, нам казалось мало привлекательным играть роль оккупационных властей, с администрацией, во главе которой стоял один из руководящих деятелей партии.

Наш начальник гражданской администрации

Еще перед началом наступления на Варшаву штаб группы армий был переведен в расположенный несколько западнее города небольшой дворец Хеленув. Это было чудесное небольшое здание в стиле рококо, к которому вели длинные аллеи. Дворец стоял посреди красивого парка с большими прудами. Здесь нас навел на несколько дней после падения Варшавы наш будущий начальник гражданской администрации. Стол был накрыт для обеда. Генерал-полковник и его штаб ждали гостя. По прошествии часа после назначенного времени Рундштедт в бешенстве сказал: «Начнем! Без него». Мы как раз закончили обед, когда перед маленьким дворцом остановилась кавалькада машин. Из первой вышла фигура в голубом костюме, сплошь отделанном золотом; при других обстоятельствах мы приняли бы ее за кубинского адмирала. Это был господин Франк. К нашему ужасу, из других машин вылезла многочисленная свита, мундир за мундиром, куча народа. Для такого скопления людей наш повар, располагавший отведенным нам рационом, не был подготовлен. Тем не менее стол был накрыт. Мясное блюдо – гуляш – заключало в себе много соуса, но очень мало мяса. Нас развеселило то, что господин Франк тщательно выуживал кусочки мяса, предоставляя соус своей свите. Это была наглядная демонстрация лозунга: «Общественное благо выше личного». Затем господин Франк поднялся, пожелал сфотографироваться с генерал-полковником перед дворцом, приняв для этого важную позу, а затем заявил, что его время истекло: он, мол, должен возвратиться в Берлин к фюреру. Франк влез в машину, свита поспешила в другие машины, и они исчезли. Генерал-полковник фон Рундштедт молча посмотрел им вслед. Сопровождение, посвященное задачам нашего начальника гражданской администрации, не состоялось. Оно так никогда и не было проведено.

Вскоре после этого мы переселились в Лодзь, где должна была постоянно находиться резиденция командующего Восточным округом. Я предложил избрать для нее бывший царский дворец Спала. Он был расположен среди прекрасных лесов вблизи самого города. Но фон Рундштедт предпочитал находиться в Лодзи. Вероятно, он думал, что здесь он сможет интереснее проводить время. Ему пришлось горько разочароваться. Правда, мы сносно устроились в бывшем здании штаба польского корпуса – но город был переполнен людьми; их было здесь столько, сколько мне никогда еще в жизни не приходилось наблюдать. Было совершенно исключено, чтобы командующий появлялся в этой сутолоке. Не оставалось ничего иного, как, отчаявшись, избрать местом для прогулок и приятной беседы кладбище – единственное место, где ему вообще можно было еще появляться.

Так как наш новый начальник гражданской администрации не появлялся и в Лодзи, а администрацию нужно было создать, мы послали нашего начальника этапно-транспортного отдела генерала Крювеля за Франком. Крювель некоторое время разыскивал Франка по всей стране, пока не обнаружил его в имении на одном из озер в Верхней Баварии. Генералу удалось уговорить Франка приехать в Лодзь. Я был свидетелем довольно холодной беседы между командующим и Франком. В ходе этой беседы фон Рундштедт заявил, что он ни в коем случае не потерпит у себя филиал учреждения рейхсфюрера СС. Он попросил Франка самым серьезным образом учесть это. Последний безоговорочно согласился с командующим и закончил беседу, торжественно заявив: «Господин генерал-полковник, вы знаете, что я сторонник справедливости!»

После этих красивых слов г-н Франк несколько поспешно сказал, что его время истекло, ему нужно в Берлин к фюреру... и исчез, как в свое время в Хеленуве. Больше мы его не видели. Он приехал в Польшу только тогда, когда наш штаб уже покинул ее – и вместо роли начальника гражданской администрации при штабе группы армий получил могущественный пост генерал-губернатора.

Заключение

Между тем три штаба армии покинули нас, уйдя на Западный фронт. Вместо командующих армиями были введены должности командующих войсками округов фактически с чисто территориальными задачами. Большая часть войск, за исключением небольшого количества оккупационных дивизий, ничтожного по сравнению с советскими войсками, находившимися в восточной Польше, была переброшена на Запад. О том, что Гитлер планирует в скором времени начать там наступление, было известно и нам. В качестве военной задачи нам оставалось только обеспечение безопасности польской территории, обучение дивизий, большая часть которых была сформирована лишь недавно, а также подготовка к строительству линии укреплений на Востоке.

Уже во время парада в Варшаве генерал-полковник фон Рундштедт ясно дал понять командующему сухопутными силами, что он воспринимает оставление его штаба для несения оккупационной службы в Польше как обиду. Я в том же духе беседовал с генералом Гальдером. В конце концов мне удалось убедить начальника 1-го управления Генерального штаба генерала фон Штюльпнагеля в том, что наступление на Западе вряд ли можно будет вести под руководством одного штаба группы армий.

15 октября у нас появился полковник Хойзингер из оперативного отдела ОКХ и принес нам радостное известие о том, что и наш штаб в конце октября будет переведен на Западный фронт. Наше место должен был занять штаб армии во главе с генерал-полковником Бласковитцем. Я сам вскоре после этого получил приказ 21 октября прибыть для получения указаний о проведении наступления на Западе в Цоссен, где помещалось ОКХ.

18 октября я покинул Лодзь, чтобы еще успеть навестить мою семью и моего тяжело раненного шурина, находившегося на излечении в Бреслау.

Затем я приступил к выполнению новых задач.

Часть вторая

Кампания на западе (1940 год)

«И теперь зима нашей тревоги сменилась сияющим летом...»
Шекспир, «Ричард III»

Обрадованные тем, что отделались от неблагодарной задачи играть роль оккупационных властей в Польше, 24 октября 1939 года мы с нашим штабом прибыли на Западный фронт, чтобы принять командование образованной там группой армий «А». Дивизии первого эшелона, входившие в состав подчиненных ей армий (12-й и 16-й), были расположены на границах южной Бельгии и Люксембурга; они эшелонировались в глубину на восток до правого берега Рейна. Штаб группы армий был расположен в Кобленце.

Мы расположились в отеле «Ризен-Фюрстенгоф», на берегу Рейна. Этот отель казался мне, когда я был еще фенрихом⁴² в военном училище, расположенном недалеко от Кобленца в городке Энгерсе, верхом элегантности и кулинарного искусства. Теперь ограничения военного времени не прошли бесследно и мимо этого широко известного отеля. Наши рабочие помещения были расположены в старинном, когда-то роскошном здании вблизи казарм Дойчес Эк, служивших до войны местом расквартирования Кобленцкой дивизии. Красивые комнаты в стиле рококо превратились теперь в пустые мрачные кабинеты.

На маленькой площадке, окруженной старыми деревьями, вблизи дома стоял довольно интересный обелиск. На нем красовалась высокопарная надпись, свидетельствовавшая о том, что он был сооружен французским комендантом Кобленца в 1812 году в честь переправы через Рейн отправившейся в поход на Россию «Великой армии» Наполеона. Под этой надписью, однако, была выбита другая, гласившая примерно следующее: «Принято к сведению и одобрено». Под ней стояла подпись русского генерала, который в 1815 году стал комендантом города!

Жаль, что Гитлер не видел этого монумента!

Наша оперативная группа штаба по моему совету получила ценное пополнение: помощником начальника оперативного отдела был назначен опытный штабист подполковник фон Тресков, в июле 1944 года бывший одним из руководителей заговора против Гитлера и затем по своей воле лишивший себя жизни. Тресков еще в мирное время работал вместе со мной в 1-м управлении Генерального штаба. Это был высокоодаренный офицер и пламенный патриот. Ум, образованность и умение держать себя в обществе придавали ему особое обаяние. Прекрасную пару этому элегантному, аристократического вида человеку составляла его настолько же умная, как и красивая, жена, дочь бывшего военного министра и начальника Генерального штаба фон Фалькенгейна. В то время в берлинских офицерских кругах не было, пожалуй, более красивой супружеской четы, чем чета Тресковых.

С Тресковым у меня со времени совместной работы в оперативном управлении установились отношения взаимного доверия и, я бы даже сказал, дружбы. И теперь, в Кобленце, он стал одним из самых ценных моих помощников в борьбе за осуществление отстаивавшегося штабом группы армий плана наступления на Западе. Когда я позже был назначен командиром танкового корпуса, а затем командующим армией, я оба раза просил к себе Трескова помощником штаба. Мои просьбы отклонялись с оригинальным обоснованием: мне якобы «не нужен такой умный начальник штаба». Когда же затем весной 1943 года мне предложили Трескова на должность начальника штаба группы армий, я уже не мог предпочесть его моему испытанному во многих совместных боях начальнику оперативного отдела генералу Буссе, к тому же быв-

⁴² Курсант 2-го курса военного училища. (Прим. ред.)

шему в одних со мной годах. Я упомянул об этом только ввиду того, что один господин, близко знакомый с Тресковым, распространял версию, что я тогда отклонил кандидатуру Трескова якобы потому, что он не был надежным национал-социалистом. Каждый, кто меня знает, поймет, что я выбирал себе коллег, конечно, не по этому признаку.

Наряду с исключительными способностями по службе Тресков был остроумным собеседником, и его всегда охотно принимали в узком кругу у командующего, когда мы коротали долгие вечера. Правда, когда он однажды захотел доставить командующему и нам всем особое удовольствие и распорядился поставить на стол во время завтрака большую миску съедобных ракушек, Рундштедт в ответ на его экстравагантность только покачал головой.

Если тем месяцам в Кобленце суждено было стать «зимой нашего недовольства», то это объясняется странным и неясным положением, в котором мы очутились в результате «войны теней» зимой 1939/40 года, «*drole de guerre*»⁴³, как называли это положение французы. Было бы легче, если бы мы знали задачу операции, которую нам предстояло осуществить весной, с тем, чтобы планомерно подготавливать к ней находящиеся в нашем подчинении войска. Но, как известно, Гитлер собирался вести наступление поздней осенью 1939 года, а когда выяснилось, что это невозможно, – в течение зимы. Каждый раз, когда его «предсказатели погоды», метеорологи из люфтваффе, обещали хорошую погоду, он отдавал приказ о выдвижении в районы сосредоточения для наступления. И каждый раз этим предсказателям приходилось спускаться со своей лестницы, так как либо проливные дожди делали местность непроходимой, либо сильный мороз и снегопад ставили под вопрос возможность успешных действий танков и авиации.

И так постоянно то подавался сигнал к наступлению, то трубили отбой – положение довольно безрадостное как для войск, так и для командиров. При этом довольно ярко проявилось недоверие Гитлера к донесениям войск, которые не соответствовали его желаниям. Когда штаб группы армий послал очередное донесение о том, что длительные дожди в настоящее время делают начало наступления невозможным, Гитлер послал к нам своего адъютанта Шмундта с заданием на месте убедиться в состоянии местности. Тут Тресков оказался как раз на месте. Он целый день безжалостно таскал своего бывшего товарища по полку, Шмундта, по почти непроходимым дорогам, по размякшим распаханым полям, мокрым лугам и скользким склонам гор, пока тот, совершенно обессиленный, вечером снова не появился в нашем штабе. С тех пор Гитлер отказался от подобного неуместного контроля наших донесений о погоде.

Естественно, больше всего страдал от этих постоянно меняющихся решений и связанной с этим непродуктивной работы нашего штаба наш командующий, генерал-полковник фон Рундштедт, вообще не отличавшийся особой терпеливостью. Правда, вскоре на наш штаб стал обрушиваться поток бумаг, обычно захлестывающий в спокойной обстановке войска и штабы. Но так как очень хорошим законом в германской армии было избавлять старших командиров от всяких мелочей, этот поток бумаг почти совсем миновал генерал-полковника. Поэтому он каждое утро совершал продолжительную прогулку по набережной Рейна, во время которой я часто сопровождал его. Ведь и мне нужно было немного движения. Даже во время морозной зимы, когда воды Рейна были прочно скованы льдом, Рундштедт надевал только тонкий прорезиненный плащ. На мое замечание, что так можно простудиться и умереть, он ответил, что у него еще никогда не было зимнего пальто и что он и в старости не собирается его покупать! Так это было и на самом деле! У этого пожилого человека все еще чувствовалось спартанское воспитание кадетского корпуса. О моем собственном пребывании в кадетском училище он мне напоминал еще и кое-чем иным. Когда генерал-полковник после прогулки сидел за письменным столом и ожидал, когда к нему явлюсь я или кто-либо из офицеров штаба для доклада, он охотно читал захватывающий детективный роман. Интересно, что детективные романы читаются многими, даже выдающимися людьми, охотно прибегающими к ним как к средству рас-

⁴³ Странная война (франц.).

сеяться. Однако наш уважаемый командующий все же немного стеснялся, когда его заставляли за чтением подобных книг. Поэтому он клал романы в открытый ящик письменного стола, который быстро задвигал, когда кто-либо входил к нему для доклада. Так же делали и мы, кадеты, когда в часы работы в нашу комнату входил воспитатель!

Моя попытка развлечь генерал-полковника в один из длинных вечеров посещением одного из фронтовых кинотеатров потерпела крушение. Геббельсовская кинохроника вызвала у него крайнее недовольство, и я был рад, что его замечания слышал только я один.

Бывали, однако, и веселые происшествия. Однажды на улице мы встретили егеря из австрийской горной дивизии. Славный малый, он, видно, еще недавно стал солдатом, и солдатский мундир, который был ему слишком широк, а также посылки, которыми он был изрядно нагружен, придавали ему весьма живописный вид, очень отдаленно напоминавший солдата. К тому же ремень он надел не на талию, а использовал его, сдвинув значительно ниже, как опору для своего животика. Весь вид этого егеря был настолько причудливым, что я его остановил и велел поправить ремень. Дружески улыбаясь, бравый парень ответил: «Большое спасибо, господин полковой врач!» – как будто я ему по секрету указал на другой непорядок в его туалете. Мне ничего не оставалось, как от души рассмеяться.

Бумажная война также один раз доставила нам повод повеселиться. Как ни мало готовности проявляло ОКХ – я позже остановлюсь на этом – принять наши планы операции, однажды мы все же неожиданно добились победы по второстепенному вопросу. Следует вспомнить, что офицеры носили тогда вместе с ремнем портупею. Генерал Гейе в свое время ввел эту совершенно излишнюю принадлежность, чтобы «украсить» форму рейхсвера. Младшие офицеры вскоре назвали портупею по образцу широко рекламируемого бюстгальтера «Гаутана». «Гаутана» стала пользоваться особенно дурной славой, когда партия и ее организации также ввели в своей форме аналогичную портупею. Попытки добиться ее отмены были безуспешными вследствие сопротивления Управления вещевого снабжения. После того, как в польской кампании были отмечены сравнительно большие потери среди офицерского состава, ОКХ отдало приказ о том, что во фронтовых условиях всем офицерам до штабов полков включительно не разрешается носить портупею в связи с тем, что она выделяет их на большом расстоянии среди солдат.

Так как в результате этого офицеры высших штабов стали, так сказать, как «тыловые крысы», отличаться от фронтовиков, штаб группы армий ходатайствовал об отмене ношения портупеи для всех офицеров. Однако наше ходатайство не было удостоено ответа. Затем мы донесли, что мы дали приказ в районе, занимаемом группой армий, отменить ношение портупеи для всех офицеров. Но чтобы не предвосхищать решения ОКХ, доносили мы, штаб группы армий приказал чиновникам, приравненным по чину к офицерам, продолжать носить портупеи. Это произвело желаемый эффект. В течение трех дней «Гаутана» была окончательно отменена. Надо избрать лишь правильный путь, чтобы прийти к цели!

Наше плохое настроение в ту зиму, однако, лишь отчасти объяснялось описанной мной выше частой сменой решений Гитлера и возникшей в связи с этим неблагоприятной обстановкой для подготовки и воспитания войск, которые постепенно могли начать сомневаться в разумности постоянно отменявшихся приказов. Я уже не говорю о том, что эта смена решений значительно затрудняла систематическое обучение, особенно необходимое дивизиям, еще недавно прошедшим стадию формирования и нуждавшимся в слаживании.

Настоящая причина нашего плохого настроения, или, вернее, беспокойства, заключалась в двух важных факторах.

Первый заключался в том явлении, которое я не могу назвать иначе как «лишением командования сухопутных сил власти». Это явление я переживал особенно остро, так как еще зимой 1937/38 года, будучи на посту начальника 1-го управления Генерального штаба и помощником Фрича и Бека, я боролся за то, чтобы ОКХ заняло подобающее ему место в системе управления войсками в случае войны.

Второй фактор заключался в том, что штаб группы армий в течение всей зимы тщетно пытался добиться у ОКХ, чтобы оно приняло его план операций, который – по крайней мере, по нашему мнению, – представлял собой единственную возможность добиться решительной победы на Западе. В конце концов, этот план операций только после личного вмешательства Гитлера был положен в основу наступления на Западном фронте, правда, уже после того, как я сам – безусловно, как следствие наших настояний – был смещен ОКХ с моего поста начальника штаба группы армий.

Оба эти фактора – «лишение командования сухопутных сил власти» и «борьба за план наступательной операции на Западе» – в значительной мере представляют собой предысторию кампании на Западе, которой посвящена эта часть книги. Дальнейшее развитие кампании сейчас уже настолько хорошо известно, что нет необходимости еще раз на нем останавливаться. Я буду описывать из этого периода только те события, которые я лично пережил, будучи командиром армейского корпуса.

Так или иначе, «зима нашего недовольства» все-таки сменилась сияющим летом!

Глава 4

Лишение командования сухопутных сил власти

Штаб группы армий «Юг» перебрасывается на Запад. Впечатления о позиции ОКХ по вопросу о наступлении на Западе. Гитлер – фон Браухич – Гальдер. ОКХ намеревается после победы в Польше придерживаться оборонительного характера военных действий. Гитлер приказывает наступать. Конфликт между Гитлером и фон Браухичем. Речь Гитлера 23 ноября 1939 года. Могли ли мы продолжать придерживаться оборонительного характера военных действий на Западе? Когда можно было раньше всего начать наступление? Планы противника. Союзники планируют начать наступление только после достижения явного превосходства, не ранее 1941 года, пока же хотят вести войну на истощение. Надежда на переворот в Германии, который, вероятно, даст возможность союзникам раньше начать наступление. Могло ли ОКХ отстаивать свою позицию, выступая против Гитлера?

Считают, что ОКХ и Генеральный штаб сухопутных сил были отстранены от решающего влияния на ведение войны на суше, начиная с того момента, когда Гитлер, после отставки генерал-фельдмаршала фон Браухича, сам взял на себя руководство не только вооруженными силами в целом, но и сухопутными силами. В действительности же это лишение ОКХ власти, а также отстранение Генерального штаба практически, хотя еще и не формально, началось уже в те недели, которые непосредственно следовали за польской кампанией.

Когда я 21 октября 1939 года получил в Цоссене для группы армий «А», как теперь называлась бывшая группа армий «Юг», директиву о развертывании «Гельб» для намеченного наступления на Западе, я сделал в своем дневнике запись: «Комментарии Гальдера, Штюльпнагеля и Грейфенберга производят довольно угнетающее впечатление». Генерал фон Штюльпнагель был тогда начальником 1 Управления и правой рукой начальника Генерального штаба Гальдера, полковник фон Грейфенберг – начальником оперативного управления ОКХ.

Из высказываний этих трех человек можно было ясно понять, что эта директива о развертывании представляла собой план ведения военных действий, навязанный ОКХ Гитлером. Было очевидно, что эти руководящие деятели ОКХ, как и сам командующий сухопутными силами, относились к мысли о наступлении немцев на Западе совершенно отрицательно. Они считали, что такой план не является правильным путем завершения войны. Кроме того, из их высказываний можно было заключить, что они не верят в то, что германская армия будет в состоянии одержать решительную победу на Западе. Это впечатление нашло затем подтверждение при ознакомлении с директивой о развертывании, о чем пойдет речь дальше, а также

усилилось впоследствии при посещениях командующего сухопутными силами и его начальника Генерального штаба, неоднократно бывавших в штабе группы армий.

Было ясно, что можно придерживаться различных точек зрения по вопросу о целесообразности и перспективах успеха наступления немцев на Западе, особенно в тот период поздней осени или зимы 1939 года. Ужасное впечатление произвел на меня тот факт, что роль ОКХ в руководстве операциями сухопутных сил в значительной мере уменьшилась. И это после только что одержанной победы в одной из самых блистательных кампаний немецкой истории!

Правда, Гитлер еще раньше, во время судетского кризиса, не посчитался с мнением ОКХ. Но тогда речь шла о совершенно иных вещах. Тогда решался вопрос не о руководстве военными действиями, а о политической проблеме. Основой разногласий между Гитлером и ОКХ – в первую очередь начальником Генерального штаба генерал-полковником Бекем – являлся не вопрос о руководстве операциями сухопутных сил, а о том, приведет ли наступление на Чехословакию к вмешательству западных держав и тем самым к войне на два фронта, с которой германская армия не могла бы справиться. Решение этого вопроса было, в конечном счете, делом политического руководства, которое могло принять политические меры для того, чтобы избежать войны на два фронта. Таким образом, если тогда командующий сухопутными силами признал примат политики, то тем самым он взял на себя в военном отношении тяжелую ответственность, но не отказался от данной ему прерогативы в своей узкой области.

Во время польского кризиса подобных разногласий между Гитлером и ОКХ не возникало. Во всяком случае, мы, третьи лица, не замечали ничего подобного. Я думаю, что ОКХ тогда – после того, как Гитлер в случае с Чехословакией оказался прав в отношении оценки позиции западных держав – надеялось, что то же случится и во время событий осени 1939 года. Во всяком случае, я предполагаю, что ОКХ, точно так же, как и мы в группе армий «Юг», в те решающие дни в конце августа до конца считало, что все окончится политическим урегулированием, как это в свое время было сделано в Мюнхене. Впрочем, в польскую кампанию Гитлер не вмешивался, если не говорить о его предложениях относительно развертывания сил германской армии в Восточной Пруссии, с которыми ОКХ согласилось.

Теперь, однако, дело обстоит совсем по-иному. Правда, нельзя оспаривать то, что вопрос о продолжении войны после поражения Польши и о методах ее ведения был вопросом общего руководства военными действиями, окончательное решение по которому должен был принимать Гитлер как глава государства и верховный главнокомандующий вооруженными силами. Но когда предстояло решить вопрос о методах проведения наступления сухопутных сил на Западе, для этого было необходимо установить, смогут ли они решить эту задачу, а также когда и где должно проводиться наступление. В этих трех вопросах примат командования сухопутных сил был несомненным.

Во всех этих трех вопросах Гитлер, однако, поставил ОКХ перед свершившимися фактами, 27 сентября известив командующих тремя видами вооруженных сил без предварительного согласования этого решения с командующим сухопутными силами, что он решил начать наступление на Западе еще осенью 1939 года, нарушив нейтралитет Голландии, Бельгии и Люксембурга. Это решение нашло вскоре свое отражение в директиве Главного штаба вооруженных сил (ОКВ) от 9 октября 1939 года.

Как я понял из высказываний упомянутых выше трех человек, при получении «Директивы о развертывании „Гельб“» 21 октября 1939 года ОКХ примирилось с этим «*capitis diminutio*»⁴⁴. Оно отдало директиву о наступлении, с которым по-прежнему было не согласно. Во всяком случае, в решительный успех не верили и руководящие деятели ОКХ.

Здесь следует заметить, что сомнения в этом отношении, учитывая соотношение сил на Западном фронте, не были лишены основания. Из всего этого я мог только сделать вывод, что

⁴⁴ «Приниженным положением» (лат.).

ОКХ в данном случае отказалось от своей руководящей роли как инстанции, ответственной за ведение войны на суше, и примирилось с ролью технического, исполнительного органа. По меньшей мере случилось то, что в свое время стремились предотвратить мы с генерал-полковником Беком нашими предложениями о разумном урегулировании вопроса об организации верховного командования во время войны. Мы предлагали тогда создать одну инстанцию, которая должна была объединить как руководство всеми действиями вооруженных сил, так и руководство операциями на суше, являясь единственным ответственным консультативным органом главы государства в вопросах ведения войны, во всяком случае, до тех пор, пока не будет одержана победа на континенте; либо командующий сухопутными силами должен был взять на себя одновременно руководство действиями всех вооруженных сил, либо начальник имперского Генерального штаба, ответственный за руководство действиями всех вооруженных сил, должен был одновременно руководить операциями сухопутных сил. Ни при каких обстоятельствах, однако, нельзя было допустить, чтобы два Генеральных штаба – вооруженных сил и сухопутных сил – вмешивались в руководство операциями последних.

По-видимому, создалось именно такое положение. Гитлер со своим Главным штабом вооруженных сил принимал решение о том, какую операцию следует проводить сухопутным силам, а также когда и где. ОКХ оставалась разработкой соответствующих приказов даже в том случае, если то, что оно должно было теперь делать, не отвечало его точке зрения. Командующий сухопутными силами был низведен с поста военного советника главы государства до одного из командующих тремя видами вооруженных сил, обязанных лишь исполнять приказы. В самом ближайшем времени это нашло свое яркое подтверждение в создании «театра военных действий ОКВ в Норвегии».

Если задать себе вопрос, как получилось, что ОКХ было подобным образом отодвинуто на задний план, то ответ следует искать как в области личных взаимоотношений, так и в постановке вопроса о том, как следовало продолжать войну после победы над Польшей.

Гитлер – фон Браухич – Гальдер

Основная причина описанных выше событий заключалась в личности Гитлера, в его необузданной жажде власти и в переоценке им своих возможностей, чему способствовали его несомненные политические успехи, лизоблюдство видных партийных деятелей, а также некоторых окружавших его лиц. Это было также в значительной мере следствием того, что он по отношению к несогласным с ним военным деятелям был не только главой государства, но и верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами, т. е. их высшим прямым начальником. К тому же он блестяще умел в споре со своими военными партнерами бросать на чашу весов политические и экономические аргументы, которые последним нелегко было опровергнуть, ибо для их оценки решающее слово также имели не военные, а государственные деятели.

Главную роль, однако, в узурпировании роли не только главы государства и политического вождя, но и полководца сыграла, очевидно, жажда власти. В этой связи мне на многое раскрыла глаза беседа с Гитлером, состоявшаяся в 1943 году. Это был один из тех случаев, когда я пытался побудить Гитлера к разумному урегулированию вопроса о руководстве военными операциями, то есть практически добиться от него отказа от руководства ими в пользу облеченного всей полнотой власти начальника Генерального штаба. Гитлер во время этой беседы заявил, что он совсем не заинтересован в том, чтобы «играть роль полководца» (хотя его, безусловно, привлекала связанная с этим слава). Он подчеркнул, что решающее значение в этом вопросе играет *власть*, и что он один обладает достаточным авторитетом для того, чтобы добиться выполнения своих решений. Он верил только во власть и считал, что она олицетворена в его воле. Наряду с этим не следует отвергать мысль о том, что он после польского похода

боялся, что заслуги генералов могут умалить его авторитет в глазах народа, и поэтому он с самого начала занял в вопросе о ведении войны на Западе такую диктаторскую позицию.

Этому человеку с его необузданной жадой власти, не останавливавшемуся при этом ни перед чем и обладавшему незаурядным умом, противостояли генералы фон Браухич и Гальдер. Они имели перед собой человека, утвержденного в своей должности главы государства волей народа – и одновременно своего высшего прямого начальника.

Борьба с самого начала велась неравными силами, даже если бы противниками Гитлера в армии были другие люди.

Будущий фельдмаршал *фон Браухич* был очень способным генералом. Правда, во время инспекторских и полевых поездок офицеров Генерального штаба, в которых я участвовал под руководством генералов барона фон Хаммерштейна и Адама, он проявил себя не в такой степени, как генералы барон фон Фрич, Бек, фон Рундштедт, фон Бок и фон Лееб – однако его можно было, во всяком случае, после них, назвать в числе первых, и, как показали события, он вполне справлялся с руководством сухопутными силами.⁴⁵

Что касается его характера, то его благородство не подлежит сомнению. Нельзя отрицать и наличия у него силы воли, хотя, по моим впечатлениям, ее проявления носили скорее отрицательный характер, ибо она выливалась в некое упрямство, а не носила конструктивный характер. Он охотнее выслушивал чужие решения вместо того, чтобы принимать их самому и добиваться их осуществления. Иногда он, очевидно, избегал принимать их, чтобы избежать борьбы, к которой не считал себя подготовленным. Браухич во многих случаях смело отстаивал интересы армии, например, когда добивался от Гитлера публичной реабилитации генерал-полковника барона фон Фрича, хотя он знал, что этим навлекает на себя недовольство Гитлера. Приказ по армии, который он отдал в связи со смертью фон Фрича, был признаком мужества. Но в собственном смысле этого слова его нельзя было назвать борцом. Приложить все свои силы для осуществления своего решения – это была не его стихия. Во всяком случае, генерал-полковник Бек как-то с горечью сказал мне, что Браухич во время Чехословацкого кризиса отстаивал точку зрения ОКХ без особой энергии и предоставил Беку самому вести борьбу. С другой стороны, однако, тем, кто упрекает фон Браухича в нерешительности при постановке вопроса о насильственном свержении Гитлера, как, например, бывший посол в Риме фон Хассель, необходимо ответить следующее: совсем иное дело вынашивать, как это свойственно политическим деятелям, планы государственного переворота за письменным столом, не чувствуя за собой никакой ответственности (как в свое время господин фон Хассель), чем, находясь во главе армии, осуществить такой переворот, приводящий в мирное время к опасности возникновения братоубийственной войны, а во время войны – к победе внешнего врага.

Фельдмаршал фон Браухич, элегантный мужчина подчеркнуто аристократического типа, вел себя весьма достойно. Он был корректен и вежлив, даже любезен, хотя его любезность не производила на собеседника впечатления теплого отношения. Так же, как в его внешности, ничто не напоминало борца, внушающего своему противнику уважение или, по крайней мере, осторожность, так в ней нельзя было обнаружить и энергии, способной увлечь всех, и созидательного начала. Он производил, в общем, впечатление холодного в обращении и сдержанного человека. Часто казалось, что он как-то скован; он, безусловно, был очень шепетильным. Этими свойствами своего характера он завоевал авторитет у своих ближайших подчиненных, которые уважали его как «джентльмена» – но их было недостаточно, чтобы обеспечить ему

⁴⁵ Это утверждение с трудом поддается комментированию. Э. Манштейн с вежливостью, заслуживающей другого применения, замечает, что довольно многие военачальники проявили себя лучше, нежели фон Браухич. Несколькими строками ниже он пишет, что у фон Браухича не хватало характера и темперамента борца. Однако при этом он «вполне справлялся с руководством сухопутными силами». Имел ли автор в виду, что сухопутными силами способен управлять даже посредственный генерал, лишенный энергии и воли к борьбе? (Прим. ред.)

полное доверие войск, которым располагал такой человек, как генерал-полковник барон фон Фрич; такому человеку, как Гитлеру, ему также трудно было импонировать. Правда, генерал фон Сект был еще более холодным в обращении и даже неприступным, но все чувствовали внутренний огонь, бушевавший в этом человеке, железную волю, делавшую его «повелителем». Этими свойствами характера фельдмаршал фон Браухич не был наделен, у него не было также той непосредственности солдата, которая помогла его предшественнику, генерал-полковнику барону фон Фричу, не говоря уже о его больших военных способностях, завоевать сердца солдат.

Если теперь перейти к взаимоотношениям между фельдмаршалом фон Браухичем и Гитлером, то я убежден, что фельдмаршал истощил свои силы в борьбе с этим готовым на все волевым человеком. Его склонности, происхождение и воспитание не позволяли ему бороться с этим человеком тем же оружием, которое Гитлер, находясь на посту главы государства, применял не задумываясь. Браухич подавлял в самом себе свое недовольство и возмущение, тем более, что он уступал Гитлеру в словесной дуэли. Он подрывал свои внутренние силы, пока болезнь сердца не вынудила его наконец подать в отставку, которая Гитлеру пришлось весьма кстати.

Справедливости ради необходимо добавить, что Браухич с самого начала находился в значительно менее благоприятном положении по отношению к Гитлеру, чем его предшественники. Гитлер, после ухода Бломберга⁴⁶ став верховным главнокомандующим, сделался не только главой государства, но и прямым начальником всех военнослужащих. Когда военный министр фон Бломберг предложил Гитлеру взять на себя руководство всеми вооруженными силами, он нанес последний удар армии – хотя, по всей видимости, Гитлер и без предложения Бломберга сделал бы этот шаг.

Но прежде всего важно то, что к моменту вступления Браухича в должность Гитлер стал занимать совсем иную позицию по отношению к армии и прежде всего к ОКХ, чем в предшествовавшие годы. В первый период после прихода к власти Гитлер, безусловно, еще проявлял к военным руководителям чувство уважения и ценил их авторитет. Это отношение он сохранил к фельдмаршалу фон Рундштедту до конца, хотя во время войны он дважды снимал его с занимаемого поста.

Два фактора в первую очередь привели Гитлера к изменению его позиции по отношению к армии еще в течение последних мирных лет.

Первый состоял в том, что армия при генерал-полковнике бароне фон Фриче (как и при фон Браухиче) настаивала на своих традиционных понятиях простоты и рыцарства в обращении, а также на солдатском понимании чести. Хотя Гитлер и не мог упрекнуть армию в нелояльности по отношению к государству, было все же ясно, что она не собирается выбросить за борт свои традиции в обмен на «национал-социалистские идеи». Также ясно было и то, что именно эти традиции создают армии популярность среди народа. Если Гитлер вначале отвергал подозрения по отношению к военным руководителям, исходившие от партийных кругов, то травля армии, в которой такие личности, как Геринг, Гиммлер и Геббельс, по-видимому, играли главную роль, в конце концов принесла свои плоды. Военный министр фон Бломберг – хотя, очевидно, и невольно – в свою очередь способствовал пробуждению недоверия у Гитлера, слишком усердно подчеркивая свою задачу «приблизить армию к национал-социализму». Результаты этой травли были видны из беззастенчивой речи, произнесенной Герингом весной 1939 года перед военными руководителями в качестве «старшего офицера вооруженных сил». В этой речи он взял на себя смелость упрекать армию, противопоставляя ее двум другим видам вооруженных сил, в том, что она сохраняет свои традиции, не соответству-

⁴⁶ Вернер фон Бломберг (1878–1946) был уволен в отставку в январе 1938 года. (Прим. ред.)

ющие идеям национал-социалистского государства. Такую речь присутствовавший при этом генерал-полковник фон Браухич ни в коем случае не должен был оставить без последствий.⁴⁷

Второй фактор, довлевший над отношениями между ОКХ и Гитлером, заключался, во-первых, в том, что он позже называл «вечными сомнениями генералов», а иногда и более обидными словами. Здесь речь прежде всего идет о позиции ОКХ по вопросу о темпах перевооружения, которые оно стремилось замедлить, поскольку чрезмерное ускорение их отражалось на качестве подготовки войск. Во-вторых, Гитлер утверждал, что ему приходилось одерживать свои политические победы всегда при сопротивлении генералов, которые были слишком боязливыми. По этому поводу следует заметить, что генерал-полковник барон фон Фрич, а, следовательно, и ОКХ, как это вытекает из книги генерала Хоссбаха «Между армией и Гитлером»⁴⁸, ни во время введения всеобщей воинской повинности, ни при занятии демилитаризованной Рейнской зоны не возражали против намерений Гитлера. То же можно сказать и о позиции генерала Бека (генерал-полковника фон Браухича не было тогда в Берлине) по вопросу о решении Гитлера ввести свои войска в Австрию. Военный министр фон Бломберг вначале по внешнеполитическим соображениям возражал против введения всеобщей воинской повинности, но затем вскоре снял свои возражения. Тот же Бломберг в связи с оккупацией Рейнской зоны – без ведома ОКХ – советовал Гитлеру возвратить войска, находившиеся уже на левом берегу Рейна, когда французы объявили частичную мобилизацию. Тот факт, что Гитлер уже собирался последовать его совету, и лишь совет министра иностранных дел фон Нейрата сохранить спокойствие удержал его от этого шага, возможно, в связи с воспоминанием о проявленной слабости, имел своим следствием значительное усиление открытой неприязни Гитлера по отношению к генералитету. Если ОКХ далее в годы перевооружения часто подчеркивало, что армия еще ни в коей мере не готова к войне, то оно при этом руководствовалось своим прямым долгом.

Гитлер – по крайней мере, официально – всегда соглашался с этой точкой зрения. Но, возможно, что эти предостережения усилили его неприязнь к ОКХ. Первое категорическое возражение внешнеполитические планы Гитлера встретили на том совещании с министром иностранных дел и командующими тремя видами вооруженных сил 5 ноября 1937 года, на котором Гитлер впервые заявил о своих намерениях по отношению к Чехословакии. Тогда он впервые натолкнулся на сопротивление со стороны министра иностранных дел фон Нейрата, а также военного министра фон Бломберга и командующего сухопутными силами барона фон Фрича, и это определенно способствовало тому, что он при первом удобном случае освободился от тех, кто стоял у него на пути.

Теперь часто можно услышать мнение, что согласие генералитета на уход в отставку генерал-полковника барона фон Фрича показало Гитлеру, что он теперь якобы может делать с ОКХ все, что угодно. Я оставляю в стороне вопрос о том, сделал ли тогда Гитлер подобный вывод. Если он его сделал, то он, во всяком случае, заблуждался относительно мотивов, которыми руководствовался генералитет. Позиция генералитета объяснялась в то время не слабостью, а была следствием незнания подоплеку этой интриги, невозможности для честных солдат предположить, что руководство государством ведет подобную игру, или своевременно разгадать ее, а также практической невозможности при существовавших обстоятельствах и в связи с этой причиной осуществить государственный переворот.⁴⁹

⁴⁷ См. комментарий № 9. (Прим. ред.)

⁴⁸ Hoßbach, Friedrich. Zwischen Wehrmacht und Hitler. Wolfenbütteler Verl. Anst., 1949. (Прим. ред.)

⁴⁹ Как-то не верится, что человек, считающийся ведущим стратегом Германии и одним из самых способных офицеров Генерального штаба, всерьез считает, что единственной возможностью высшего генералитета оказать давление на Гитлера был военный переворот. Правда состоит в том, что во время «дела Фрича – Бломберга» офицерский корпус занял конформистскую позицию, и с этой точки зрения поведение фон Браухича весьма характерно. (Прим. ред.)

Не подлежит никакому сомнению, что Гитлеру, помимо этого, упомянутые выше высокопоставленные партийные деятели и другие лица прожужжали все уши о «вечных сомнениях генералов в отношении наших великих целей».

Таким образом ясно, что генерал-полковник фон Браухич с самого начала находился в сложном положении в своих отношениях с Гитлером. Роковую роль безусловно, сыграло и то, что он при вступлении в должность согласился с рядом изменений в вышестоящих кадрах армии, в частности, на совершенно неоправданную отставку имевших большие заслуги генералов и на занятие поста начальника Управления кадров сухопутных сил братом генерала Кейтеля.⁵⁰ Это означало первый шаг Браухича к пропасти.

Уничтожающий удар авторитету ОКХ в глазах Гитлера затем был нанесен после того, как выяснилось, что сомнения ОКХ по поводу уступчивости западных держав во время судетского кризиса оказались беспочвенными, и он оказался прав. То, что генерал-полковник Браухич в связи с этим пожертвовал начальником Генерального штаба Беком, конечно, не могло усилить его позиции по отношению к Гитлеру, а наоборот, только еще больше ослабило ее.

Второй личностью, которая после отставки Бека выступила против Гитлера как важная фигура в ОКХ, был будущий генерал-полковник Гальдер, в отношении своих военных способностей являвшийся достойным помощником генерал-фельдмаршала фон Браухича. Во всяком случае, они испытывали друг к другу в своей совместной деятельности полное доверие. Мне кажется, что Браухич всегда соглашался с предложениями Гальдера о проведении операций не по долгу службы, а по убеждению. Как большинство офицеров, вышедших из баварского Генерального штаба, Гальдер прекрасно знал работу различных отделов Генерального штаба. Он был неутомимым работником. Слова Мольтке «гений – это прилежание», очевидно, служили ему девизом. Священный огонь, который должен воодушевлять настоящего полководца, однако, вряд ли пылал в нем. О присущем ему чувстве большой ответственности свидетельствует то, что перед русской кампанией он поручил начальнику 1-го управления, генералу Паулюсу, и начальникам штабов групп армий разработать план операций. Но главная концепция плана кампании должна ведь, по-видимому, рождаться в голове того, кто будет ею руководить. Гальдеру не хватало тонкости фон Браухича. Высказывания Гальдера отличались предельно деловым характером. Я сам был свидетелем того, с какой настойчивостью он отстаивал свою точку зрения перед Гитлером. При этом было весьма показательно, как горячо Гальдер выступал за интересы войск, как остро он переживал вместе с ними навязанные ему неверные решения. Но одна трезвая деловитость не была тем качеством, которое могло бы импонировать Гитлеру. Горячая любовь к армии не производила на него впечатления.

Гальдер, по моему мнению в конце концов потерпел фиаско из-за двойственности своих стремлений. Когда он стал преемником Бека, он уже был явным врагом Гитлера. По словам Вальтера Герлица («Германский Генеральный штаб»)⁵¹, Гальдер, вступая в должность, заявил генерал-полковнику фон Браухичу, что он это делает только для того, чтобы вести борьбу с военной политикой Гитлера. По имеющимся сведениям, он не раз лелеял планы свержения Гитлера, как бы ни обстояло дело с практической осуществимостью этих планов.

С другой стороны, Гальдер, однако, был начальником немецкого, а затем и гитлеровского Генерального штаба после того, как Гитлер взял в свои руки и командование сухопутными силами. Может быть, политический деятель и в состоянии играть двойную роль ответственного советника и заговорщика, но солдаты обычно не годятся для подобной двойной игры. Главная же причина состоит в том, что, по немецким традициям, начальник Генерального штаба немыслим без отношений доверия со своим командующим. Даже если (что для Германии до

⁵⁰ Имеется в виду Бодевин Кейтель (1888–1952), позднее – генерал пехоты и командующий 20-м военным округом. (Прим. ред.)

⁵¹ W. Goerlitz. Der deutsche Generalstab. Geschichte und Gestalt 1657–1945. Frankfurt a. M., 1953. Русский перевод: Вальтер Герлиц. Германский Генеральный штаб. История и структура. 1657–1945. М.: Центрполиграф, 2005. (Прим. ред.)

того времени было совершенно немыслимым) в связи с деятельностью Гитлера признать, что для начальника Генерального штаба существовала возможность в мирное время готовить свержение главы государства и верховного главнокомандующего, то во время войны двойная роль заговорщика и начальника Генерального штаба была бы неразрешимой дилеммой. Долг Гальдера как начальника Генерального штаба состоял в том, чтобы всеми силами обеспечивать победу армии, за руководство которой, а, следовательно, и за успех планов своего командующего он, наряду с другими, нес ответственность. В своей второй роли, однако, он не мог желать этой победы. Не может подлежать ни малейшему сомнению, что генерал-полковник Гальдер разрешил эту дилемму, приняв решение в пользу своего военного долга, и приложил все свои силы для того, чтобы верно послужить немецкой армии в этой тяжелой борьбе. С другой стороны, его вторая роль требовала, чтобы он при любых обстоятельствах оставался на своем посту, с целью, как он надеялся, сохранить возможность в один прекрасный день свергнуть Гитлера. Для этого, однако, он вынужден был подчиняться его решениям в области ведения войны и в тех случаях, когда он не был с ними согласен. Он оставался на этом посту в первую очередь потому, что полагал, будто его тактика выжидания на посту начальника Генерального штаба избавит армию от последствий военных ошибок Гитлера. Но за это он был вынужден платить ценой выполнения приказов Гитлера, с которыми он по своим военным убеждениям не мог согласиться. Это противоречие должно было подорвать его внутренние силы и, наконец, привести его к крушению. Ясно только, что генерал-полковник Гальдер так долго оставался на посту начальника Генерального штаба в интересах дела, а не в своих личных интересах.⁵²

Я попытался охарактеризовать тех двух генералов, при которых осенью 1939 года произошли события, которые вряд ли можно назвать иначе, чем «лишение ОКХ власти». Из сказанного понятно, что оба эти солдата, сами по себе обладавшие высокими качествами, не могли успешно вести борьбу с таким человеком, как Гитлер. Во всяком случае, то, что снижение роли ОКХ до роли чисто исполнительной инстанции произошло как раз после его блестящих побед в Польше, явилось причиной и определенной постановки Гитлером и ОКХ вопроса о дальнейшем ведении войны.

До начала войны и в ее первый период было естественным, что немецкая сторона придерживалась на Западе оборонительных действий. Кто мог ожидать, что западные державы так позорно оставят Польшу, которой они дали гарантии, на произвол судьбы!⁵³ Их наступление небольшими силами, приведшее к вклинению в полосу обеспечения «Западного вала», в Саарской области, за которым последовал отход на территорию Франции, не могло даже привести к предположению о том, что в будущем они готовят наступление крупными силами.

Если бы можно было с полным основанием ожидать подобного наступления, оставалось бы только выжидать, удастся ли остановить это наступление у «Западного вала» или, если бы оно велось, например, через Люксембург и Бельгию в направлении на Рурскую область, нанести после высвобождения сил из Польши контрудар; в настоящее же время пассивность западных держав создавала совершенно иную обстановку. Даже если учесть методы ведения войны французским командованием и неповоротливость британцев, нельзя было ожидать, что они перейдут в наступление после поражения Польши и возникновения возможности использования всей германской армии для ведения войны на Западе. Судьба Польши стала, однако, ясной самое позднее 18 сентября, когда решился исход сражения на Бзуре и после того, как Советы накануне перешли восточную границу Польши.

Именно тогда и не позже должен был начаться обмен мнениями между Гитлером и командующим сухопутными силами по вопросу о ведении военных действий на Западе. Тем не менее, как можно судить по опубликованным данным (в первую очередь по книгам генерала

⁵² См. комментарий № 10. (Прим. ред.)

⁵³ См. комментарий № 11. (Прим. ред.)

фон Лоссберга, бывшего начальника 1-го Управления ОКВ, и министра Грейнера, ведавшего журналом боевых действий ОКВ), этого не произошло.

Можно предположить, что реакция на блестящую победу в Польше, как и на неожиданную пассивность западных держав, со стороны Гитлера и со стороны руководящих деятелей ОКХ была совершенно различной. Тот факт, что англо-французская армия на Западе не перешла в наступление, Гитлер, безусловно, расценивал как признак слабости, который позволяет ему в свою очередь перейти в наступление на Западе. Блестящий успех польской кампании, кроме того, привел его к убеждению, что немецкая армия вообще может решать любую задачу. ОКХ совсем не придерживалось последнего мнения, как мы это покажем ниже. Из пассивности западных держав можно было, с другой стороны, заключить, что они, возможно, вступили в войну только для того, чтобы спасти свою честь. Поэтому, вероятно, с ними все же еще можно договориться. Генерал Гальдер, по-видимому, также думал о том, что такое соглашение можно будет заключить и помимо Гитлера. В этом случае немецкое наступление на Западе в такой момент было бы совершенно неуместным.

Как бы то ни было, ОКХ могло исходить в своих предположениях из того, что Гитлер до этих пор никогда еще, даже после разгрома Польши, не ставил на обсуждение вопрос о наступлении на Западе. В этом отношении я получил неопровержимое доказательство зимой 1939/40 года. Когда Гитлер в очередной раз отдал приказ о выдвижении в районы сосредоточения для наступления на Западе, ко мне прибыл командующий воздушным флотом, с которым группа армий «А» должна была взаимодействовать, генерал Шперрле, и заявил, что его соединения не могут стартовать с размытых дорожками аэродромов. В ответ на мое замечание о том, что за минувшие месяцы было достаточно времени для создания бетонированных стартовых дорожек, Шперрле заявил, что Гитлер в свое время категорически запретил проводить всякие работы, предназначенные для подготовки к наступлению. То же относится, впрочем, и к производству боеприпасов, которое осуществлялось не в том объеме, который был необходим в случае, если бы планировалось наступление на Западе.

Очевидно, ОКХ считало, что это решение Гитлера является непоколебимым, и тем самым ошиблось в оценке его характера. Как сообщает Грейнер, ОКХ в течение второй половины сентября, когда подходили к концу события в Польше, дало задание генералу Генриху фон Штюльпнагелю разработать план дальнейшего ведения военных действий на Западе. Штюльпнагель пришел к выводу, что армия до 1942 года не будет располагать необходимой материальной частью для прорыва линии Мажино. Возможность ее обхода через Бельгию и Голландию он не рассматривал, так как германское правительство незадолго до этого обещало этим странам уважать их нейтралитет.⁵⁴ На основе этого вывода и упомянутой выше позиции Гитлера ОКХ, по-видимому, пришло к убеждению, что действия на Западе по-прежнему будут носить оборонительный характер. В соответствии с этим оно после окончания польской кампании отдало приказ об усилении обороны сухопутных сил на Западе, очевидно, не удостоверившись предварительно во мнении Гитлера.

В совершенно новой обстановке, возникшей в результате окончательного разгрома Польши, такой образ действий означал не что иное, как предоставление Гитлеру инициативы в решении вопроса о дальнейших планах кампании. Этот путь, конечно, не был правильным путем для военного руководства, чтобы обеспечить за собой влияние на дальнейший ход войны, какой бы характер она ни приобрела. Кроме того, упомянутая выше работа Штюльпнагеля не могла рассматриваться как решение вопроса о дальнейшем характере войны. Если бы мы выжидали до 1942 года, чтобы прорвать линию Мажино, западные державы, по всей

⁵⁴ Неизбежность нарушения нейтралитета Бельгии и Люксембурга той или стороной понималась в 1939 году всеми ответственными политическими и военными руководителями. Относительно Голландии были возможны варианты. Таким образом, сами предпосылки работы Штюльпнагеля вызывают недоумение. (Прим. ред.)

видимости, ликвидировали бы отставание в области вооружения. Помимо этого, успешный прорыв линии Мажино никогда не мог бы быть развит в операцию, решающую успех войны. Против по меньшей мере 100 дивизий, которыми располагал противник еще в 1939 году, таким путем нельзя было добиться решающего успеха. Даже если бы противник выделил для обороны линии Мажино крупные силы, он всегда мог бы оставить в качестве оперативного резерва 40–60 дивизий, которых было бы достаточно для того, чтобы вскоре остановить войска, прорвавшиеся через линию укреплений даже на широком фронте. Боевые действия, безусловно, приняли бы застывшие формы позиционной войны с ничейным исходом. Такую цель не могло ставить перед собой немецкое командование.

Естественно, нельзя предположить, что генерал-полковник фон Браухич и его начальник Генерального штаба собирались на продолжительный срок ограничиться оборонительными действиями. По-видимому, они все же надеялись на возможность заключения соглашения с западными державами или на то, что последние сами начнут наступление. Решение по первой линии лежало, однако, за сферой их компетенции. Надежда на наступление западных держав была нереальной, как это будет позже доказано. В действительности обстановка складывалась так, что весна 1940 года с военной точки зрения была, пожалуй, самым ранним, но одновременно и самым поздним сроком, сохранявшим для германской стороны возможность успешного осуществления наступления на Западе.

Гитлер, по словам Грейнера, правда, не получил на просмотр вышеуказанной работы генерала фон Штюльпнагеля, однако он, безусловно, должен был знать, что ОКХ намерено продолжать придерживаться на Западе оборонительного характера военных действий. Таким образом, вместо своевременного обмена мнениями по вопросу о дальнейшем ведении войны, который должен был состояться не позже середины сентября, Гитлер поставил командующего сухопутными силами своим решением от 27 сентября и последовавшей за ним директивой ОКВ от 9 октября перед «*fait accompli*»⁵⁵. Без предварительной консультации с командующим сухопутными силами он дал при этом не только приказ о переходе к наступательным действиям на Западе, но и решил одновременно вопрос о том, *когда и каким* образом будет осуществляться наступление – то есть принял решение по вопросам, которые он никоим образом не должен был разрешать без участия командующего сухопутными силами.

Гитлер требовал начать наступление как можно раньше и, во всяком случае, еще осенью 1939 года. Вначале он, по словам генерала фон Лоссберга, указал срок 15 октября. Этот срок, даже если бы он был достаточным для переброски войск по существующим коммуникациям, должен был исходить из той предпосылки, что танковые соединения и авиация должны были быть переброшены из Польши не позже окончания сражения на Бзуре, что само по себе было возможным. Далее, Гитлер заранее установил, как должна была осуществляться наступательная операция: в обход линии Мажино, через Бельгию и Голландию.

Командующему сухопутными силами оставалось только технически осуществить эту операцию, по поводу которой его мнение не было заслушано и в отношении решительного успеха которой он, во всяком случае, осенью 1939 года придерживался отрицательного мнения.

Если задать вопрос, как могло получиться, что командующий сухопутными силами, примиряясь с планами Гитлера, допустил подобное «*capitis diminutio*», то правильный ответ можно, по-моему, найти в книге Грейнера «Главное командование вооруженными силами». Он считает, что генерал-полковник фон Браухич придерживался того мнения, что прямым возражением он ничего не добьется.

Эту же точку зрения высказывает на основании личного знакомства с Гитлером и его тогдашней позицией генерал фон Лоссберг. Генерал-полковник, очевидно, надеялся, что при проявлении доброй воли в то время ему в дальнейшем удастся отговорить Гитлера от его плана.

⁵⁵ Совершившимся фактом (*франц.*).

Он, по-видимому, считал также, что состояние погоды сделает практически невозможным проведение наступления поздней осенью или зимой. Если бы ввиду этого удалось отложить решение до весны, возможно, нашлись бы пути для окончания войны путем политических переговоров.

Если командующий сухопутными силами и его начальник Генерального штаба рассуждали подобным образом, то относительно влияния погоды они оказались правы.

Что же касается мысли о том, что удастся «отговорить» Гитлера от такого принципиально важного решения, даже посредством услуг генерала фон Рейхенау, которого ОКХ вскоре послало с этой миссией к Гитлеру, то эти попытки были, по моему мнению, заранее обречены на провал, если только не допустить, что ОКХ смогло бы найти другое, лучшее, импонирующее Гитлеру решение.

С другой стороны, возможности окончить войну путем мирных переговоров в тот период, не было видно. Предложение о заключении мира, направленное Гитлером западным державам после окончания польской кампании, встретило резкий отпор. Впрочем, Гитлер вряд ли согласился бы с разумным урегулированием польского вопроса, которое сделало бы возможным соглашение с Западом, не говоря уже о том, что такое урегулирование практически трудно было себе представить после того, как Советский Союз поглотил восточную половину Польши. Весьма сомнительным является и то, могла ли действительно Германия *без* Гитлера добиться почетного мира. Как можно было тогда свергнуть Гитлера? Если бы генерал Гальдер в октябре 1939 года снова стремился осуществить план военного демарша против Берлина, то я по этому поводу могу лишь сказать, что он нашел бы после побед в Польше гораздо меньше последователей, чем осенью 1938 года.

Таким образом, генерал-полковник фон Браухич мирился с планами Гитлера, и ОКХ работало над директивой о развертывании «Гельб» согласно данным Гитлером указаниям. Затем командующий сухопутными силами при поддержке своего начальника Генерального штаба, как сообщает Грейнер, попытался 27 октября, ссылаясь на соображения военного характера, добиться от Гитлера переноса срока начала наступления на более благоприятное время года, весну 1940 года. Такое же предложение было сделано ему, как также сообщает Грейнер, за несколько дней до этого генералом фон Рейхенау – очевидно, по желанию генерал-полковника фон Браухича. Командующий сухопутными силами мог рассчитывать в этом отношении на поддержку всех командующих Западного фронта. Хотя Гитлер решительно не отверг все аргументы, которые ему были высказаны, он оставил в силе установленную им еще 22 октября дату для начала наступления – 12 ноября.

5 ноября командующий сухопутными силами снова сделал попытку переубедить Гитлера. Это был день, когда – при условии, что наступление действительно должно было начаться 12 ноября – ожидался приказ о выступлении войск в районы сосредоточения.

Во время этой беседы, проходившей с глазу на глаз (Кейтель, по словам Грейнера, был приглашен на нее позже) – результаты ее тем не менее впоследствии стали известны, – произошел непоправимый разрыв между Гитлером и генерал-полковником фон Браухичем. Последний, как пишет Грейнер со слов Кейтеля, прочитал Гитлеру меморандум, в котором были сформулированы все причины, говорившие против начала наступления. Наряду с безусловно неоспоримыми доводами против начала наступления осенью (состояние погоды, незавершенность обучения вновь сформированных соединений и т. д.) генерал-полковник назвал одну причину, которая привела Гитлера в ярость. Это была критика действий немецких войск в польской кампании. Он выразил мнение, что пехота не проявила такого наступательного порыва, как в 1914 году, и что вообще подготовка войск в отношении дисциплины и выносливости в связи со слишком поспешными темпами перевооружения не всегда была достаточной. Если бы генерал-полковник Браухич высказал эту точку зрения в кругу военных руководителей, он бы встретил поддержку. Правда, упрек в том, что пехота не отличалась таким же насту-

пательным порывом, как в 1914 году, во всяком случае в таком обобщенном виде, был несправедливым. Он объясняется недооценкой изменений, которые наступление пехоты претерпело за это время. Принципы наступления 1914 года были теперь просто немыслимы. С другой стороны, нельзя было отрицать, что – как это бывает в начале войны с еще не обстрелянными войсками – наши войска на отдельных участках, особенно в боях за населенные пункты, проявляли признаки нервозности. Высшие штабы также были иногда вынуждены принимать резкие меры против явлений недисциплинированности. Это не удивительно, если принять во внимание, что рейхсвер в течение нескольких лет вырос с 100 000 человек в миллионную армию и что значительная часть соединений была сформирована вообще только во время мобилизации. Все это, однако, перед лицом побед германской армии в польской кампании еще не давало оснований прийти к выводу о том, что армия по *этой* причине не в состоянии вести наступление на Западе. Если бы генерал-полковник Браухич ограничился ясным заявлением о том, что *вновь сформированные* дивизии в связи с недостаточной выучкой и спаянностью еще не подготовлены и не могли быть подготовлены к ведению наступления и что нельзя вести наступление только испытанными кадровыми дивизиями, то его аргументы нельзя было бы опровергнуть, так же, как нельзя было опровергнуть довод о неблагоприятности времени года. Вышеупомянутые же аргументы в таком общем виде были как раз тем, что меньше всего следовало бы приводить Гитлеру, так как он чувствовал себя создателем новой армии, которую теперь называли недостаточно подготовленной. При этом Гитлер был прав в том отношении, что без проявленной им смелости в политической области, без той энергии, с которой он осуществил перевооружение, а также без вызванного к жизни национал-социалистским движением пробуждения военного духа также и среди тех слоев населения, которые во времена Веймарской республики отвергали его, эти вооруженные силы не обладали бы такой мощью, какой они обладали в 1939 году. Гитлер, однако, упорно игнорировал при этом тот факт, что наряду с его заслугами такие же заслуги в этой области принадлежали рейхсверу. Ибо без его идеологической и материальной подготовки, без самоотверженного труда пришедших из него офицеров и унтер-офицеров Гитлер не получил бы вооруженных сил, которые он теперь рассматривал как «свое детище», одержавших такие замечательные победы в Польше.

Сомнениями, которые высказал Гитлеру генерал-полковник фон Браухич, он добился от этого диктатора, зашедшего уже довольно далеко в своем самомнении, как раз обратного тому, к чему он стремился. Гитлер отбросил все деловые аргументы командующего в сторону, выразил возмущение по поводу критики, которую генерал-полковник осмелился высказать в адрес его – Гитлера – творения, и грубо оборвал беседу. Он настаивал на начале наступления 12 ноября.

Тут, к счастью, вмешался бог погоды и вынудил к переносу этого срока, к чему только до конца января 1940 года пришлось прибегать пятнадцать раз.

Итак, если ОКХ подобным образом и оказалось правым в отношении возможного срока начала наступления, в результате описанных выше событий возник кризис в командовании вооруженными силами, результаты которого в дальнейшем ходе войны оказали очень пагубное влияние. Во-первых, он проявился в том, что Гитлер и Браухич больше не виделись. Во всяком случае, начальник Оперативного управления, будущий генерал Хойзингер, 18 января 1940 года сказал мне, что Браухич с 5 ноября не был больше у Гитлера. Это положение было совершенно нетерпимым при создавшейся обстановке. Следующим результатом разрыва 5 ноября была речь, которую произнес Гитлер 23 ноября перед собравшимися в имперской канцелярии командующими группами армий и армиями, командирами корпусов и начальниками их штабов. Я могу обойтись без подробного изложения содержания этой речи, так как оно известно из других источников. Наиболее существенным было то, что Гитлер подчеркнул свое непоколебимое решение в самое ближайшее время начать наступательные действия на Западе, причем он уже высказал сомнение в отношении того, как долго еще будет обеспечен тыл Герма-

нии на Востоке. Высказывания Гитлера относительно принципиальной необходимости начать наступление на Западе носили деловой характер, были продуманы и, по моему мнению, убедительны (за исключением вопроса о сроке начала операции). В остальном его речь представляла собой сплошные нападки на ОКХ и, кроме того, вообще на генералитет сухопутных сил, который все время стоял на пути его смелых предприятий. В этом отношении речь Гитлера была лишена всякой деловой основы. Командующий сухопутными силами сделал единственно возможный вывод и подал в отставку. Гитлер, однако, отклонил такое решение вопроса. Само собой разумеется, что кризис в руководстве армии ни в коей мере не был ликвидирован. Во всяком случае, дело обстояло так, что ОКХ вынуждено было подготавливать наступление, с которым оно не было согласно. Командующий сухопутными силами по-прежнему был отстранен от консультаций по вопросу о проведении военных действий и низведен до положения генерала-исполнителя.

Если исследовать причины, которые привели к подобного рода отношениям между главой государства и руководством армии и тем самым к лишению последнего власти, то выявится, что решающую роль в этом сыграло стремление Гитлера к неограниченной власти, его все увеличивавшееся самомнение, подогреваемые травлей генералитета со стороны таких людей, как Геринг и Гиммлер. Но необходимо также сказать, что ОКХ в значительной степени облегчило Гитлеру свое отстранение от руководства армией в связи с той позицией, которую оно заняло по вопросу о дальнейшем ведении военных действий после окончания польской кампании.

ОКХ своим решением продолжать придерживаться на Западе оборонительных действий предоставило Гитлеру инициативу! И это несмотря на то, что, безусловно, в обязанности ОКХ в первую очередь входило делать главе государства предложения о планах на будущее, тем более после того, как в Польше сухопутными силами при эффективной поддержке авиации была в такой короткий срок одержана решительная победа.

ОКХ, без сомнения, было право, когда осенью 1939 года придерживалось той точки зрения, что время года и недостаточная подготовленность вновь сформированных соединений в тот момент делали начало наступления нежелательным. Но такой вывод и распоряжения об усилении обороны на Западе еще ни в коей мере не давали ответа на то, как следует с военной точки зрения наиболее успешно завершить войну. На этот вопрос должно было дать ответ ОКХ, если оно хотело сохранить свое влияние на общее руководство военными действиями!

Естественно, полным правом командующего сухопутными силами было рекомендовать путь политических переговоров с западными державами. Но что же необходимо было предпринять, если перспектива таких переговоров не открывалась? Именно такому человеку, как Гитлеру, было необходимо – хотя наступление на Западе в то время еще казалось нецелесообразным, – чтобы ОКХ уже тогда показало ему *военный* путь к окончанию войны.

Для выбора этого пути после окончания польской кампании необходимо было рассмотреть три вопроса:

- Во-первых, *можно ли* было добиться благоприятного окончания войны, если придерживаться оборонительного характера военных действий, или этого можно было достичь только путем победоносного наступления на Западе?
- Во-вторых, *когда* в этом случае можно было развернуть такое наступление с перспективой на решительный успех?
- В-третьих, *как* его следовало проводить, чтобы добиться решительного успеха на континенте?

В отношении первого вопроса были возможны два решения.

Либо Германия после победы в Польше достигла соглашения с западными державами. Возможность достижения успеха на этом пути ОКХ должно было рассматривать с самого начала весьма скептически – с одной стороны, учитывая британский национальный характер,

который допускал лишь весьма малую долю вероятности компромисса, с другой стороны – поскольку вряд ли можно было рассчитывать, что Гитлер после победы в Польше согласится на разумное урегулирование вопроса о германо-польской границе в духе взаимных уступок. В конце концов, это объясняется тем, что Гитлер – ради достижения соглашения с западными державами – не мог восстановить Польшу в старых границах после того, как он уже предоставил ее восточную часть Советам. Это положение не смогло бы изменить никакое другое немецкое правительство, пришедшее к власти после свержения Гитлера.

Иная возможность успешно окончить войну, придерживаясь по-прежнему оборонительного характера военных действий на Западе, могла возникнуть в том случае, если бы западные державы со своей стороны все же приняли решение о наступлении. Тогда для немецкого командования возникла бы перспектива перейти в контрнаступление и победоносно завершить кампанию на Западе. Эта мысль нашла свое отражение в «Беседах с Гальдером», а именно – в его словах об «ответной операции». По сообщению генерала Хойзингера, такая операция играла некоторую роль в планах ОКХ лишь значительно позже, примерно в декабре, а не в решающий для судьбы ОКХ период – в конце сентября и начале октября.

Безусловно, мысль об ответной операции имеет в себе много благоприятных моментов. Предоставить противнику преодолевать все трудности наступления на «Западный вал» или дать ему навлечь на себя клеймо нарушителя нейтралитета Люксембурга, Бельгии, а возможно и Голландии было бы весьма заманчивым. Но разве речь в этом случае шла – по крайней мере, на ближайшее время – не о пустых мечтаниях, осуществление которых казалось более чем маловероятным? Западные державы не отваживались на наступление в тот момент, когда главные силы германской армии были связаны в Польше. Можно ли было ожидать, что они начнут наступление, когда им противостоит вся германская армия?

Я думаю – и придерживался этой точки зрения и в тот период, – что эта предпосылка для «ответной операции» германской армии тогда не существовала.

Это мнение нашло убедительное подтверждение в «военном плане», разработанном в тот период по заданию главнокомандующего войсками союзников генерала Гамелена и попавшем позже в руки немецкой армии. Основные положения этого «военного плана» изложены ниже:

Вооруженные силы союзников *до весны 1941 года* не достигнут еще такого уровня, который позволил бы им начать наступательные действия против Германии на Западе. Для достижения численного превосходства сухопутных сил необходимо привлечь на свою сторону новых союзников.

Англичане *не готовы* принять участие в крупном *наступлении* до 1941 года. Исключение составляет лишь внутреннее крушение Германии (это замечание, явно рассчитанное на возможность государственного переворота, показывает, чего нам следовало ожидать в случае его осуществления).

Главная задача западных держав в 1940 году должна состоять в том, чтобы *обеспечить неприкосновенность французской территории*, и в том, чтобы в случае наступления немцев на Бельгию и Голландию оказать этим странам помощь.

Наряду с этим следует стремиться к тому, чтобы создать новые театры военных действий для *истощения* Германии. В качестве таковых называются *северные государства* и в случае нейтралитета Италии – *Балканы*. Естественно, необходимо продолжать усилия по привлечению на сторону союзников Бельгии и Голландии.

Наконец, необходимо попытаться лишить Германию *жизненно необходимого* ей импорта – как путем упомянутого выше создания новых театров военных действий, так и путем замыкания кольца блокады в результате оказания нажима на нейтральные государства.

Из этого «военного плана», следовательно, ясно вытекает, что западные державы хотели вести *войну на истощение* по возможности на других театрах военных действий до тех пор, пока они не достигнут явного превосходства в силах, которое позволило бы им – никак не

раньше 1941 года – начать наступление на Западе. Хотя ОКХ в то время еще не могло знать об этом военном плане союзников, слишком очевидным все же было то, что западные державы будут вести войну дальнего прицела в описанном выше направлении.

Надежда на то, что народам может надоесть эта «война теней», в связи с огромными человеческими жертвами, с которыми связано наступление на «Западный вал», очевидно, не была тем соображением, которое ОКХ могло положить в основу своих решений.

Сколь заманчивым ни казалось предоставить противнику инициативу в начале решительного наступления, такой план не имел бы под собой реальной основы. Германия не могла ни в коем случае ждать, пока противник, продолжая вооружаться (причем заранее необходимо было учитывать возможность предоставления помощи американцами в связи с позицией, занятой Рузвельтом), получит превосходство и на земле и в воздухе. Этого тем более нельзя было делать в связи с позицией Советского Союза! После того, как он получил от Гитлера все, что мог ожидать, его не связывали с Рейхом никакие жизненные интересы. Чем сильнее становились западные державы, тем опаснее становилось положение Германии, имевшей в тылу такую державу, как Советский Союз!

Таким образом, для *военного* руководства после окончания кампании в Польше необходимо было сделать следующие выводы.

На первый вопрос о том, можно ли, *по-прежнему придерживаясь оборонительного характера военных действий* на Западе, *успешно окончить войну*, следовало ответить *отрицательно*. Исключение составляла возможность заключения политическим руководством компромисса с западными державами. То, что командующий сухопутными силами имел право, учитывая хотя бы риск, связанный с продолжением войны для армии, посоветовать Гитлеру стать на путь компромисса, бесспорно. Естественно, что при этом *некоторое ограниченное время* пришлось бы придерживаться на Западном фронте выжидательной тактики. Независимо от этого консультировать Гитлера по *военным вопросам* было задачей, а также правом командования сухопутных сил. Оно должно было сказать ему, что необходимо предпринять в военной области, если нельзя было разрешить конфликт политическими средствами!

Альтернативный военный план – что необходимо предпринять, если возможность политического компромисса с западными державами, на которую, очевидно, надеялся и Гитлер, будет исключена – должен был быть представлен ОКХ главе государства. Нельзя было ни допускать, что Гитлер по-прежнему будет отказываться от наступления на Западе после того, как была одержана победа над Польшей, ни ожидать, пока он сам примет решение о дальнейшем характере военных действий.

Предложение о плане дальнейших операций не могло сводиться к тому, чтобы по-прежнему придерживаться на Западе оборонительного характера военных действий. Исключение могло бы составить предположение о том, что можно будет разгромить Великобританию путем воздушной и подводной войны. Однако такое предположение было лишено всяких оснований.

Поэтому с *военной* точки зрения – если бы политическое соглашение оказалось неосуществимым – можно было предлагать на Западе только *наступательный* характер военных действий. При этом предложении ОКХ, однако, должно было оставить за собой инициативу в области принятия решения о *сроках* и *методах* наступления.

Что касается вопроса о *сроках*, то ОКХ придерживалось одной точки зрения со всеми командующими на Западном фронте, а именно, что проведение наступления поздней осенью 1939 года (или зимой) не принесет решительного успеха.

Важнейшей причиной было *время года*. Осенью и зимой германская армия могла лишь в очень ограниченных масштабах применить два своих главных козыря: подвижные (*танковые*) соединения и *Люфтваффе*. Кроме того, непродолжительность дня в это время года, как правило, не допускает достижения в течение одного дня даже тактического успеха и тем самым мешает быстрому проведению операций.

Другая причина заключалась в недостаточном уровне подготовки всех *сформированных в начале войны соединений*. Осенью 1939 года по-настоящему подготовленными к ведению наступления были только кадровые дивизии. Все остальные соединения страдали недостатками в области слаженности действий и огневой подготовки, а также внутренней спаянности. Кроме того, еще не было завершено пополнение танковых соединений новой техникой, начатое после польской кампании. Если имелись планы начать наступление на Западе еще осенью 1939 года, то следовало раньше высвободить танковые дивизии, находившиеся в Польше. Но об этом не подумал и Гитлер. В авиации также имелись пробелы, которые необходимо было восполнить.

Итак, было ясно, что нельзя взять на себя ответственность за начало наступления на Западе *до весны 1940 года*. То, что при этом можно было выиграть время для ликвидации конфликта политическими средствами, с военной точки зрения было желательным, хотя эта точка зрения для Гитлера после того, как в начале октября его предложение о мире было отклонено, не могла играть какой-либо роли.

Так как вопрос о *планах* наступления, то есть о стратегических основах наступления на Западе, составит содержание следующей главы, здесь останавливаться на них излишне.

Хочу только сделать одно предварительное замечание. План наступления, навязанный Гитлером 9 октября ОКХ, являлся половинчатым. Он не был нацелен на достижение *решительного* успеха на континенте, а преследовал, по крайней мере, вначале, только одну частную цель. Это как раз было тем моментом, исходя из которого ОКХ должно было разъяснить Гитлеру, что его военные советники располагают лучшим планом, чем половинчатое решение вопроса, ради которого не имеет смысла проводить эту операцию. Предпосылкой для этого является, конечно, то, что ОКХ само должно было верить в решительный успех наступления на континенте!

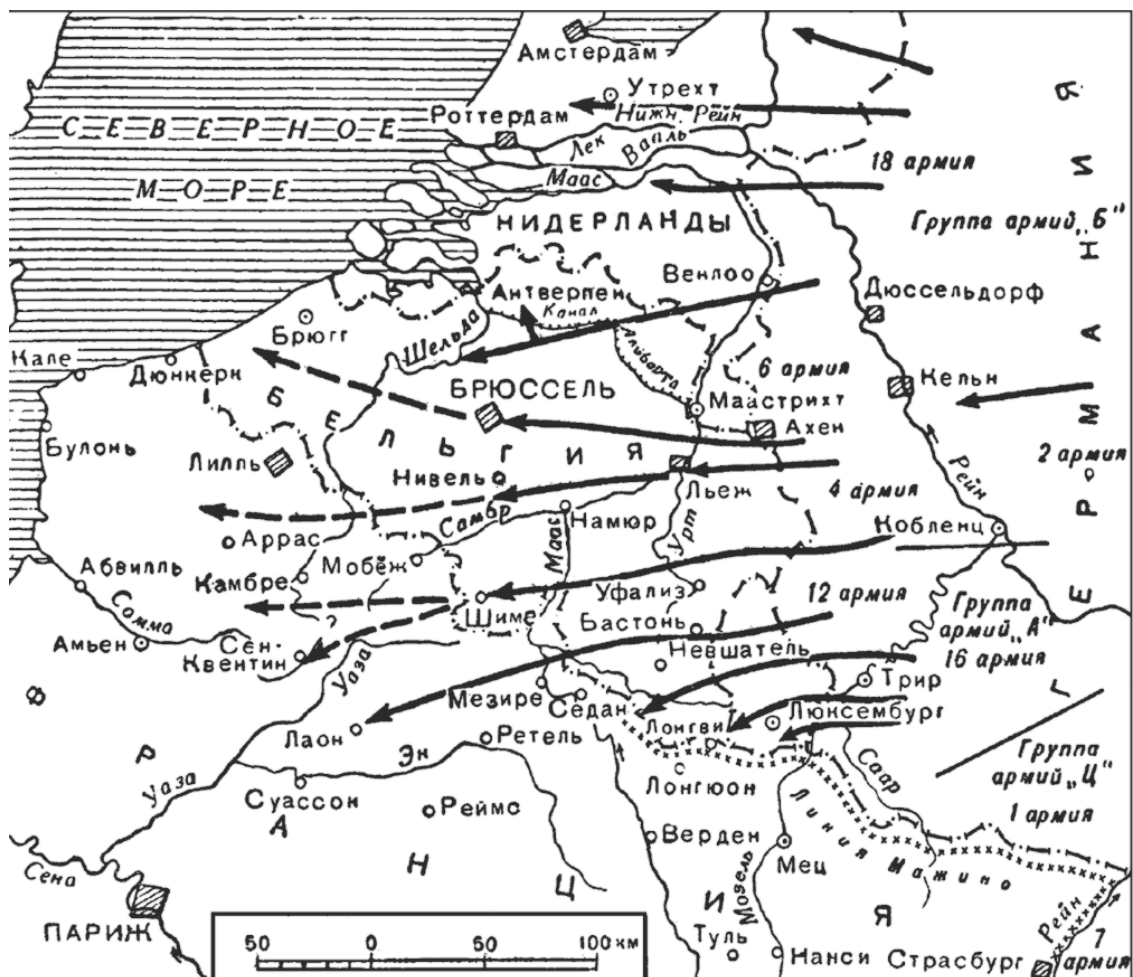
Причины, которые побудили руководящих деятелей ОКХ в те решающие недели после окончания польской кампании занять пассивную позицию в вопросе о дальнейшем ведении войны на Западе, фактически передававшую в руки Гитлера право принимать решения по военным вопросам, до сих пор не известны. Они, возможно, основывались на справедливом желании побудить его искать политического компромисса. Они могли состоять также в том, что ОКХ справедливо не хотело повторного нарушения нейтралитета Бельгии и т. п. Однако, глядя со стороны, тогда можно было прийти к выводу, что руководящие деятели ОКХ вообще считали решительный успех немецкого наступления по крайней мере сомнительным. Как бы то ни было, ОКХ предоставило тогда Гитлеру инициативу в области решения военных вопросов. Подчиняясь, кроме того, воле Гитлера и издавая приказы о проведении операции, с которой его руководящие деятели внутренне не были согласны, оно практически отказалось от своей роли инстанции, решающей вопросы о ведении войны на суше. Возможность, так сказать, путем контрудара восстановить свои потерянные позиции, которую предоставили ему вскоре сделанные штабом группы армий «А» предложения о плане операции, ОКХ не использовало. Когда затем успех наступления на Западе, достигнутый на основе этих предложений, превзошел даже первоначальные ожидания Гитлера, ОКХ стало для него инстанцией, через голову которой он считал себя в силах действовать также и в оперативных вопросах.

Гитлер взял на себя функции, которые, по Шлиффену, в наш век может иметь только триумвират: король – государственный деятель – полководец. Теперь он узурпировал и роль полководца. Но пала ли действительно «капля мирры Самуиловой», которую Шлиффен считал необходимой как минимум для одного из членов триумвирата, на его голову?

Глава 5. Борьба вокруг плана операций

Оперативный план ОКХ. Возражения. Намеченное наступление не может привести к решительному успеху. Шла ли речь о новом издании плана Шлиффена? Какие возможности имело командование противника? План штаба группы армий «А». Задача: решительный успех. Главный удар должен наноситься не на северном, а на южном фланге. Наступление бронетанковых войск через Арденны. Оборона в случае возможного контрнаступления противника должна носить активный характер. Тиетная борьба за осуществление «нового плана». Неоднократные обращения штаба группы армий «А» в ОКХ. Частичные изменения, но не коренной пересмотр основной идеи. Инцидент с самолетом. Автора смещают с его поста. После доклада Гитлеру принимается решение в пользу предложений группы армий «А». В какой мере они были выполнены?

Только после окончания войны широким кругам стало кое-что известно о возникновении плана, который вместо существовавшей ранее, изданной ОКХ директивы о разворачивании «Гельб» от 19–29 октября 1939 года был принят за основу нашего наступления на Западе, плана, в результате осуществления которого на Западе был достигнут такой быстрый и решительный успех против англо-французской армии, а также вооруженных сил Бельгии и Голландии. Вероятно, первым о возникновении «нового плана» сообщил английский военный писатель Лиддел Гарт, связавший его с моим именем на основании высказываний фельдмаршала фон Рундштедта, моего командующего, и генерала Блюментритта, нашего начальника оперативного отдела в тот период.

Вследствие этого я считаю правильным попытаться теперь в качестве главного участника, на основании данных, которыми я располагаю, воссоздать картину возникновения этого оперативного плана, которому суждено было сыграть некоторую роль. Действительно, мысли, положенные в основу этого плана, принадлежат мне. Я сам составил те памятные записки, которые были направлены штабом группы армий в ОКХ.

Мы хотели добиться принятия плана наступления, который отвечал бы нашим взглядам и один был в состоянии обеспечить *решиительный успех* на Западе. Наконец, в феврале 1940 года, уже после моего ухода с должности начальника штаба группы армий «А», у меня была возможность во время беседы с Гитлером доложить ему о тех планах, принятия которых штаб группы армий так долго тщетно добивался. Несколько дней спустя ОКХ издало новую директиву о наступлении, которая базировалась на наших планах и предложениях!

Я хочу, однако, ясно заявить, что мой командующий генерал-полковник фон Рундштедт, как и мои помощники Блюментритт и Тресков, всегда соглашался с моими предложениями и что фон Рундштедт скреплял их своей подписью и отстаивал их при наших обращениях в ОКХ.

Для офицера, изучающего историю войны, и для историка было бы, по-видимому, полезно изучить историю этой борьбы за оперативный план во всех ее деталях. Но я не хотел бы затруднять читателя изложением всех наших обращений в ОКХ и, что при этом было бы неизбежным, повторением уже описанных событий. Эти обращения содержат, кроме того, аргументы и требования, которые сегодня, естественно, уже не представляют интереса, так как они относились к определенному периоду, и указания на то, чего можно было добиться в тот момент. Для тех, кто хочет подробнее изучить предысторию наступления на Западе, в книге приложены директивы ОКХ (наиболее важные разделы), а также письма штаба группы армий, с которыми он обращался в ОКХ.

Я, следовательно, ограничусь тем, что вначале остановлюсь на основных положениях, лежащих в основе директив ОКХ. Затем я объясню, по каким причинам я считаю стратегическую концепцию ОКХ (или, вернее сказать, концепцию Гитлера, на основании которой она возникла) неудовлетворительной. После этого я изложу важнейшие положения, на которых основывалась стратегическая концепция, отстаивавшаяся штабом группы армий, сравнивая ее с оперативным планом ОКХ. Наконец, я кратко опишу, как после долгой тщетной борьбы все же удалось добиться того, что – безусловно, по указанию Гитлера – первоначальный оперативный план был изменен в духе тех положений, которые отстаивал штаб группы армий.

Оперативный план ОКХ (Гитлера)

Сначала я хочу попытаться на основе директив ОКХ, которыми я располагаю, охарактеризовать основную стратегическую идею ОКХ (и Гитлера) для намечавшегося наступления. Она состояла в следующем.

В соответствии с указаниями Гитлера от 9 октября ОКХ намечало нанести усиленным правым флангом германской армии удар в направлении на Голландию и северную Бельгию и разбить находящиеся в Бельгии англо-французские силы вместе с бельгийской и голландской армиями. Следовательно, эта сильная фланговая группировка имела задачу добиться решающего успеха. Она была создана в составе армейской группы «Н» и группы армий «Б» (командующий – генерал-полковник фон Бок) и развертывалась в нижнем течении Рейна и северном Эйфеле. Группа армий «Б» состояла из трех армий. Всего в состав группировки северного фланга входило 30 пехотных дивизий и большая часть подвижных соединений (9 танковых дивизий и 4 моторизованные пехотные дивизии). Таким образом, здесь была сосредоточена почти половина из общего числа 102 дивизий, находившихся на Западном фронте (см. документ № 1 в Приложении I).

В то время как на долю армейской группы «Н» выпадала задача вывести Голландию из войны, три армии группы армий «Б» должны были осуществить наступление севернее и южнее Льежа и далее через северную Бельгию. При этом танковые соединения имели своей задачей сыграть решающую роль при прорыве позиций противника на широком фронте (задачу группы армий «А» см. ниже).

29 октября эта первая директива, изданная 19 октября, была изменена в том направлении, что Голландия сначала должна быть оставлена в стороне. Возможно, что это было сделано по ходатайству ОКХ (см. документ № 2 в Приложении I).

Группа армий «Б» должна была теперь наносить удар двумя армиями (4-й и 6-й) в первом и двумя армиями (18-й и 2-й) во втором эшелоне по обе стороны от Льежа. Позже, однако, Голландия снова была включена в зону военных действий, причем задача вывести ее из войны выпала на долю 18-й армии.

Операция группы армий «Б», преследующая цель достигнуть решительного успеха, должна была прикрываться на южном фланге группой армий «А». Эта группа армий из двух армий (12-й и 16-й), насчитывавших в своем составе 22 дивизии (однако без подвижных соединений), должна была наносить удар через южную Бельгию и Люксембург. Она осуществляла развертывание в южном Эйфеле и в Гунсрюке.

12-я армия, следуя уступом влево, должна была, так сказать, сопровождать наступление группы армий «Б», чтобы при ее дальнейшем продвижении обеспечивать ее фланг от действий противника.

16-я армия после марша через Люксембург должна была повернуть на юг, чтобы обеспечивать глубокий фланг всей операции, заняв оборону, которая проходила в основном непосредственно севернее западного фланга линии Мажино между Сааром и Маасом, восточнее Седана.

Задачей группы армий «Ц» в составе двух армий и 18 пехотных дивизий было охранять «Западный вал» от люксембургской до швейцарской границы.

В резерве ОКХ оставалось еще 17 пехотных и 2 подвижные (моторизованные) дивизии.

Целью этой операции согласно пункту 1 директивы о развертывании от 19 октября (на основе указания Гитлера, содержавшегося в директиве ОКВ от 9 октября), сформулированной в разделе «Общие намерения», являлся:

*«Разгром по возможности крупных сил французской армии и ее союзников и одновременно захват возможно большего пространства на территории Голландии, Бельгии и северной Франции как плацдарма для успешного ведения **воздушной и морской** войны с **Англией** и как широкой полосы обеспечения для Рурской области».*

ОКХ в пункте 2 этой директивы определило в качестве ближайшей задачи наступления, которое должно было проходить под руководством командующего сухопутными силами, для обеих групп армий:

«Сковав голландскую армию, разгромить возможно большую часть бельгийской армии в районе пограничных укреплений и быстрым сосредоточением крупных – особенно подвижных – соединений создать предпосылки для безостановочного продолжения наступления крупной группировкой северного фланга и для быстрого овладения морским побережьем Бельгии».

В связи с уже упомянутым изменением директивы, которое было произведено 29 октября, ОКХ расширило задачу для группы армий «Б», изменив формулировку «Общих намерений» следующим образом:

«Вынудить по возможности крупные силы французской армии принять сражение на территории северной Франции и Бельгии и разбить их, создав тем самым более благоприятные предпосылки для продолжения войны на суше и в воздухе против Англии и Франции».

В пункте «Группировка сил и задачи» ОКХ поставило перед группой армий «Б» следующую цель:

«Уничтожить объединенные силы союзников в районе севернее Соммы и выйти на побережье Канала».

Группа армий «А» получала прежнюю задачу оборонительного характера – прикрывать действия группы армий «Б», однако она была несколько расширена. 12-я армия, действовавшая на правом фланге, должна была теперь быстро форсировать Маас в районе Фуме и южнее его и наносить удар через укрепленную французскую пограничную зону в общем направлении на Лаон.

Лучше всего можно объяснить оперативный план, лежащий в основе обеих директив, вероятно, следующим путем.

Мощный правый кулак должен был разбить силы англо-французской армии, которые, по нашим данным, находились в Бельгии, в то время как слабая левая рука должна была прикрывать этот удар. Целью операции в отношении территориальных задач был выход на побережье Ла-Манша. Что должно произойти после этого первого удара, из директивы нельзя было узнать.

Возражения

Первая реакция на изложенный в обеих директивах оперативный план возникла у меня не сознательно, а скорее интуитивно. Оперативные замыслы ОКХ в основных чертах напомнили знаменитый план Шлиффена 1914 года. Мне показалось довольно удручающим то, что наше поколение не могло придумать ничего иного, как повторить старый рецепт, даже если он исходил от такого человека, как Шлиффен. Что могло получиться из того, что из шкафа доставали военный план, который противник уже однажды проштудировал вместе с нами и к повторению которого он должен быть подготовлен! Ведь любой военный специалист должен был представить себе, что немцы теперь не хотят и не могут наносить удар по линии Мажино в еще большей степени, чем в 1914 года по укрепленному району Верден – Туль – Нанси – Эпиналь.

При этой первой, скорее интуитивной реакции я, правда, был несправедлив по отношению к ОКХ. Во-первых, потому, что план исходил от Гитлера, и, во-вторых, потому, что речь совсем не шла о повторении плана Шлиффена. Широко распространенное мнение о том, что эти два плана совпадают, верно лишь в двух отношениях. Во-первых, в 1939 году, как и в 1914 году, главный удар наносился северным флангом. Во-вторых, в обоих случаях он наносился через Бельгию. В остальном же планы 1914 и 1939 годов были совершенно различными.

Прежде всего обстановка была совершенно иной. В 1914 году можно было еще, как это сделал Шлиффен, рассчитывать на оперативную внезапность, если и не в полной мере, что относится вообще к удару через Бельгию, то все же в отношении сосредоточения главных сил германской армии на крайнем северном фланге. В 1939 году эти намерения Гитлера не могли быть неизвестными противнику.

Далее, в 1914 году можно было – как Шлиффен – надеяться на то, что французы любезно окажут нам «услугу», предварительно начав наступление на Лотарингию. В 1939 году, однако, такой «услуги» противника нечего было ожидать. Он, очевидно, заранее бросит навстречу нашим наступающим войскам, наносящим удар через Бельгию, а по другому плану и через

Голландию, крупные силы, с которыми нам, в отличие от 1914 года, придется вести фронтальные бои. Вместо же преждевременной французской инициативы в центре фронта мог быть нанесен сильный ответный контрудар по южному флангу наших главных сил, наступающих через Бельгию. Поэтому план Шлиффена *нельзя* было просто повторить.

Кроме того, мне стало ясно, что ни ОКХ, ни Гитлер не думали о том, чтобы взять за образец план Шлиффена во всем величии его замысла. Шлиффен составил свой план в расчете на *полный и окончательный* разгром всей французской армии. Он хотел, так сказать, протянуть длинную руку и охватить ею противника с севера, очистив, таким образом, всю северную Францию с тем, чтобы, нанеся удар западнее Парижа, прижать, в конце концов, всю французскую армию к линии Мец – Вогезы – швейцарская граница и вынудить ее к капитуляции. При этом он учитывал риск встречных ударов в Эльзасе в начале наступления, а также то, что противник своим наступлением в Лотарингии в свою очередь поможет немцам одержать в их большой операции по охвату французской армии решительный успех.

В оперативном же плане 1939 года не содержится замысел полного разгрома противника. Ясно выраженной целью всей операции является *частная победа* над находящимися в северной Бельгии силами союзников. Одновременно преследуется цель *выиграть пространство*, захватить *побережье Ла-Манша* и получить тем самым плацдарм для дальнейшего развертывания военных действий. Могло статься, что генерал-полковник фон Браухич и его начальник штаба при составлении директив о проведении операции вспомнили слова Мольтке, написанные им во введении к трудам Генерального штаба о войне 1870–1871 годах:

Никакой оперативный план не может с уверенностью определить ход операции, за исключением первого столкновения с главными силами противника. Только профан может предположить, что течение операции последовательно отражает заранее принятый, продуманный во всех деталях и проводящийся до конца первоначальный замысел.

Если это положение лежало в основе планов ОКХ, то последнее, очевидно, решило, что и после достижения цели операции – частная победа на северном фланге, в Бельгии и выход на побережье Ла-Манша – можно определить, будет ли она продолжаться и в каком направлении. Но то, что я слышал при получении директивы о наступлении в Цоссене, дало мне основание полагать, что ОКХ не считало, что существует возможность одержать полную победу на французском театре военных действий, во всяком случае, оно считало ее крайне сомнительной. Впоследствии это впечатление в нашем штабе во время частых посещений его командующим сухопутными силами и начальником Генерального штаба еще более усилилось. Неоднократные замечания штаба группы армий о том, что полную победу одержать возможно, ОКХ никогда по-настоящему не рассматривало. Я также думаю, что и Гитлер не верил тогда в возможность вывести Францию из войны в ходе этой операции. Он скорее вспоминал в первую очередь тот факт, что мы в 1914 году вследствие неудачи нашего наступления не имели даже базы, необходимой для ведения подводной войны против Англии. Поэтому он уделял такое большое внимание получению такой базы, то есть овладению побережьем Ла-Манша.

Теперь было совершенно ясно, что нельзя в течение одной операции, как это предусматривал план Шлиффена, добиться полного поражения Франции. Предпосылки для этого в связи с описанной выше изменившейся обстановкой больше не существовали. Если, однако, имелось в виду после одержания частной победы, к которой стремилось ОКХ, развивать наступление дальше с перспективой выведения Франции из войны, тогда первая операция должна быть организована с учетом этой конечной цели! Она должна была преследовать цель разгромить северный фланг противника для того, чтобы в результате этого получить *решающее превосходство* для нанесения второго удара, который должен обеспечить разгром остальных сил

западных держав во Франции. С другой стороны, эта операция должна была создать для этого второго удара *благоприятную оперативную обстановку*.

Выполнение этих обоих условий для очевидно намечавшегося второго удара, который должен был принести окончательную победу, по моему мнению, в плане первой операции не было предусмотрено.

Ударная группа немецких войск, группа армий «Б» с ее 43 дивизиями, при вторжении в Бельгию встретила бы с 20 бельгийскими, а если в войну была бы втянута и Голландия, то еще и с 10 голландскими дивизиями. Пусть эти силы по своим боевым качествам и уступали бы немецким, но они могли противопоставить им мощные укрепления (по обе стороны от Льежа и вдоль канала Альберта), а также естественные препятствия (в Бельгии – удлиненный до крепости Антверпен оборонительный рубеж канала Альберта и др., на юге – укрепленный рубеж реки Маас с опорным пунктом Намюром, в Голландии – многочисленные водные рубежи), которые создавали бы им благоприятные возможности для оказания сопротивления. Но через несколько дней на помощь этим силам противника пришли бы английские и французские войска (причем все танковые и моторизованные дивизии), уже стоявшие наготове на случай германского вторжения в Бельгию у франко-бельгийской границы. Таким образом, немецкие силы, наступающие на фланге, не могли бы получить возможность внезапно совершить оперативный обход крупными силами. С подходом англо-французских сил они должны были бы действовать против равного им по численности противника в лоб. Успех этого первого удара должен был, следовательно, решаться в тактических рамках. Он не был подготовлен оперативным замыслом наступления.

Если бы противник более или менее умело руководил операциями своих войск, ему удалось бы избежать в Бельгии решительного поражения. В случае, если бы он не мог закрепиться на укрепленной линии Антверпен – Льеж – Маас (или Семуа), следовало все же считаться с тем, что противник, сохранив в большей или меньшей степени боеспособность своих войск, мог бы переправиться через Сомму в ее нижнем течении и с помощью имеющихся на его стороне крупных резервов создать новую оборонительную позицию. Наступление немецких войск к тому времени уже перешло бы через свой кульминационный пункт. Что же касается группы армий «А», то она в связи со стоящей перед ней задачей и имеющимися в ее распоряжении силами не смогла бы предотвратить создания нового оборонительного рубежа, простирающегося от конечного пункта линии Мажино восточнее Седана до нижнего течения Соммы. Тем самым германская армия попала бы примерно в такое же положение, как в 1914 году, после завершения осенней кампании. Единственное ее преимущество заключалось бы в этом случае в том, что она обладала бы широким плацдармом на берегах Ла-Манша. Итак, не были бы достигнуты ни разгром противника в Бельгии, в результате которого было бы создано превосходство в силах, необходимое для одержания решительной победы, ни обеспечение благоприятной оперативной обстановки для нанесения решительного удара. Намеченная ОКХ операция имела бы только частный успех.

Если в действительности в 1940 году благодаря умелым действиям группы армий «Б» противник был в Бельгии опрокинут на широком фронте и бельгийская и голландская армии были вынуждены к капитуляции, то этот результат (отдавая при этом дань и немецкому командованию, и ударной силе наших танковых соединений) все же никак нельзя назвать следствием заранее спланированной операции, исход которой был предрешен. Лучшее руководство войсками в лагере наших противников могло бы не допустить такого исхода.

Полный разгром противника в северной Бельгии следует объяснить, очевидно, тем, что вследствие последовавшего изменения оперативного плана силы противника, сражавшегося в Бельгии, в результате действий танковых соединений группы армий «А» были отрезаны от своих тыловых баз и оттеснены от Соммы.

Наконец, оперативный план ОКХ упускал из виду еще одно обстоятельство – оперативные возможности, которыми могло обладать командование сил противника при условии смелых и решительных действий с его стороны. Что противник не способен на такие действия, предположить было нельзя, так как генерал Гамелен пользовался у нас хорошей репутацией. Во всяком случае, он произвел на генерала Бека, посетившего его до начала войны, прекрасное впечатление.

При условии смелых действий командование противника имело бы возможность отразить ожидавшийся им удар немецких сил через Бельгию и в свою очередь перейти крупными силами в контрнаступление против южного фланга немецких сил, действовавших на северном фланге. Даже если бы оно перебросило в Бельгию силы, которые были предназначены для усиления бельгийской и голландской армий, оно могло, ослабив гарнизон линии Мажино, что было вполне возможно, сосредоточить для нанесения такого контрудара не менее 50–60 дивизий. Чем дальше за это время группа армий «Б» продвигалась бы на Запад к Ла-Маншу и к устью Соммы, тем эффективнее был бы удар, нанесенный противником по глубокому флангу немецких сил, действовавших на северном фланге. Смогла ли бы группа армий «А» с ее 22 дивизиями отразить этот удар, было неясно. Следовательно, подобное развитие операций вряд ли могло создать благоприятную оперативную обстановку для одержания окончательной победы на западном театре военных действий.

План штаба группы армий «А»

Описанные выше соображения, возникшие у меня при изучении директив ОКХ, были положены в основу предложений, которые мы делали в наших неоднократных обращениях в ОКХ, надеясь убедить его в правильности наших оперативных замыслов. Естественно, многое в них повторялось. Поэтому я кратко изложу их здесь, противопоставляя их одновременно оперативным замыслам ОКХ.

1. *Целью наступления на Западе* должно было являться *одержание решительной победы на суше*. Стремление добиться частной победы, лежащее в основе директив ОКХ, не было оправдано ни с политической (нарушение нейтралитета трех стран), ни с военной точки зрения. Ударная сила германской армии на континенте в конечном счете является для нас решающим фактором. Расходовать ее на достижение частных целей недопустимо, если учесть хотя бы такой фактор, как Советский Союз.

2. *Ключевым моментом* («шверпункт») в нашей операции было наступление группы армий «А», а не группы армий «Б». Если бы удар, как намечалось, наносила группа армий «Б», она встретила бы подготовленного к нему противника, на которого ей пришлось бы наступать фронтально. Такие действия привели бы вначале к успеху, однако могли быть остановлены на Сомме.

Подлинными шансами группа армий «А» имела при условии нанесения ею *внезапного удара через Арденны* (где противник не ожидал применения танков ввиду ограниченной проходимости местности) в направлении на *нижнее течение Соммы*, чтобы отрезать переброшенные в Бельгию силы противника от Соммы с севера. Только таким путем можно было ликвидировать весь северный фланг противника в Бельгии, что являлось предпосылкой для одержания окончательной победы во Франции.

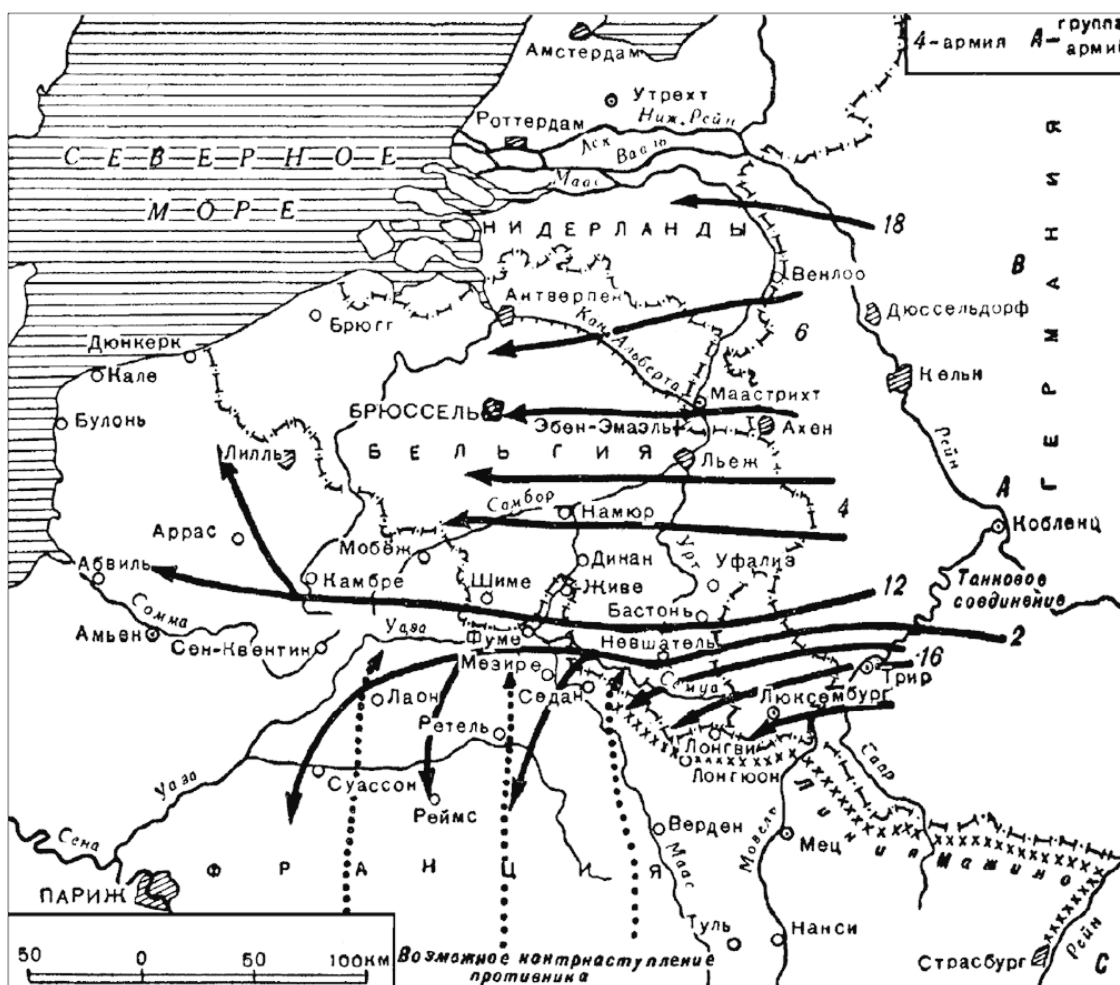
3. Однако в действиях *группы армий «А»* заключается не только главный шанс, но и *главная опасность* для немецкого наступления.

Если противник будет действовать правильно, он попытается избежать неблагоприятного для него исхода сражения в Бельгии, отойдя за Сомму. Одновременно он может бросить все имеющиеся в его распоряжении силы для контрнаступления на широком фронте против нашего южного фланга с целью окружения главных сил немецкой армии в Бельгии или южнее

Нижнего Рейна. Хотя от французского командования и нельзя было ожидать такого смелого решения и союзники Франции, вероятно, возражали бы против него, все же такой вариант нельзя было не учитывать.

По крайней мере, противнику в случае, если бы он смог остановить наше наступление через северную Бельгию на Сомме, в ее нижнем течении, удалось бы с помощью резервов снова создать сплошной фронт. Он мог бы начинаться у северо-западной границы линии Мажино и проходить восточнее Седана, затем по течению Эн и Соммы до Ла-Манша.

Чтобы помешать этому, необходимо было разбить силы противника, *сосредоточивающиеся против нашего южного фланга* – примерно в районе южнее и севернее реки Маас или между реками Маас и Уазой. Следовало прежде всего прорвать фронт в этом районе, чтобы иметь возможность осуществить позже обход линии Мажино.

План, предложенный штабом группы армий «А»

4. Группа армий «А», которой предстояло наносить в этой операции главный удар, должна была получить вместо двух армий три, хотя по соображениям ширины фронта в составе группы армий «Б» могло действовать больше дивизий.

Одна армия должна была, как было намечено, наносить вначале удар через южную Бельгию и Маас, затем продвигаться в направлении на *нижнее течение Соммы*, чтобы выйти в тыл противнику, действующему перед группой армий «Б».

Другая армия должна была действовать в юго-западном направлении с задачей нанести удар по силам противника в случае их сосредоточения для контрнаступления на нашем южном фланге в районе западнее реки Маас.

Третья армия, как было намечено, должна была севернее линии Мажино на участке Сирк – Музон (восточнее Седана) обеспечивать глубокий фланг всей операции.

В связи с переносом направления главного удара, который теперь должна была наносить не группа армий «Б», а группа армий «А», было необходимо включить в состав последней *еще одну армию*, которая в связи с недостаточной шириной фронта наступления должна была войти в прорыв позднее, однако с самого начала находиться в ее распоряжении, и *крупные танковые соединения*.

Таково было в общих чертах содержание замысла, который неоднократно повторялся в наших многочисленных обращениях в ОКХ.

Борьба за план группы армий «А»

Естественно, что тогда, в октябре 1939 года, у меня еще не было готового оперативного плана. Для того, чтобы смертный добился цели, он всегда должен трудиться и бороться. Его голова не может создать сразу готовое произведение искусства, как голова Зевса произвела на свет Афину Палладу.

Тем не менее уже первое обращение штаба группы армий ОКХ (от 31 октября 1939 года), содержащее предложения относительно плана операции в случае принятия решения о наступлении, заключало в себе основные положения «нового плана».

Если говорить точнее, были посланы два письма. В первом, направленном командующим группой армий командующему сухопутными силами, ставился *принципиальный* вопрос о проведении германского наступления *в данной обстановке*.

В начале его командующий констатировал, что планируемое согласно директивам от 19 и 29 октября наступление *не может иметь решающего успеха для исхода войны*. Распределение сил по сравнению с распределением сил противника не дает гарантии окончательного разгрома его войск, решение о проведении фронтальной операции не дает возможности нанести удары во фланг и в тыл противнику. Операция, очевидно, закончится фронтальным сражением на Сомме. Далее, командующий указал на трудности, которые стоят на пути эффективного использования танков и авиации – наших главных козырей – поздней осенью и зимой. Несмотря на это, наступление должно проводиться, если его успех создаст предпосылки для действий военно-морских сил и авиации против Британских островов. По опыту Первой мировой войны захват части побережья Ла-Манша для этого будет недостаточным. Для этого необходимо овладеть всем побережьем северной Франции до Атлантического океана.

Растрачивать силы армии на *частный успех* (а не для достижения решительной победы) при учете такого фактора в нашем тылу, как Советский Союз, недопустимо. На континенте ударная сила нашей армии является решающим фактором.

Советский Союз только до тех пор будет поддерживать с нами дружественные отношения, пока мы располагаем готовой к наступлению армией. Ударная сила ее пока заключается исключительно в кадровых дивизиях, так как вновь сформированные части еще не достигли необходимой степени подготовки и необходимой внутренней слаженности. С одними же кадровыми дивизиями нельзя провести наступления, ставящего перед собой задачу одержать решительную победу.

Возможно, однако, что в результате усиления воздушной войны с Англией западные державы сами начнут наступление. Достаточным ли будет боевой дух французской армии в случае, если в результате нажима Англии будет предпринято наступление с его большими человеческими жертвами, еще неизвестно. Желательно предоставить противнику всю тяжесть наступления на укрепленную полосу и ответственность, связанную с нарушением бельгийского (и голландского) нейтралитета. Правда, *нельзя ждать до бесконечности*, пока Англия восполнит пробелы в подготовке своей сухопутной армии и авиации.

С военной точки зрения война с Англией может быть выиграна только на море и в воздухе. На континенте ее можно только проиграть, если мы будем расходовать ударную силу нашей армии, не добиваясь решительной победы. Письмо, следовательно, имело своей целью предостеречь от *преждевременного* немецкого наступления (поздней осенью или зимой). В этом отношении ОКХ было одного мнения со штабом группы армий. По-другому обстояло дело с *планом* намечаемого немецкого наступления. В этом отношении командующий группой армий высказался против проведения такого наступления, которое было предусмотрено в директивах, то есть без задачи одержать окончательную победу.

Второе письмо, направленное в ОКХ штабом группы армий 31 октября, дополняло суждения, высказанные командующим группой армий, конструктивным предложением о том, как, по нашему мнению, должно вестись наступление. Это предложение уже содержит основные идеи «нового плана», хотя и в еще не законченной форме. Оно подчеркивает необходимость:

1. Перенесения направления *главного удара* на наш южный фланг.

2. *Использования крупных механизированных сил* с таким расчетом, чтобы они вышли, нанеся удар с юга, в тыл находящимся в северной Бельгии войскам союзников.

3. Включения в состав группы армий «А» *еще одной армии*, которая должна была нанести *контрудар* в случае контрнаступления крупных сил противника против нашего южного фронта.

Результатов рассмотрения этих предложений в связи с предстоящим 3 ноября посещением штаба группы армий командующим сухопутными силами и начальником Генерального штаба вряд ли можно было еще ожидать. Однако это посещение позволяло мне по поручению генерал-полковника фон Рундштедта доложить наши соображения. Нашу просьбу предоставить нам дополнительные силы (еще одну армию и крупные бронетанковые соединения) генерал-полковник фон Браухич, однако, отклонил, сказав: «Да, если бы у меня было для этого достаточно сил!» Это показывало, что он в то время не был настроен категорически против наших планов. Во всяком случае, он обещал нам из резервов ОКХ танковую дивизию и два мотопехотных полка.

К сожалению, это посещение вместе с тем дало нам ясно понять, что руководящие деятели ОКХ относятся к намеченному наступлению и особенно к возможности одержать на Западе решительную победу с сильным предубеждением. Они, естественно, получали информацию от командующих армиями и командиров корпусов о состоянии их соединений. Но на самом деле то, как они относились к само собой разумеющимся многочисленным пробелам в подготовке вновь сформированных дивизий, приводило к выводу, что они сами не ожидали многого от намечаемого наступления.

Для того, чтобы сгладить это впечатление, несколько дней спустя генерал-полковник фон Рундштедт собрал генералов группы армий и, обрисовав оперативный замысел штаба группы армий, показал, что на Западе вполне можно добиться решительного успеха, хотя наступление целесообразно провести только весной.

6 ноября мы использовали ответ на запрос ОКХ относительно наших планов в пределах данных нам директив для того, чтобы еще раз ходатайствовать о принятии изложенных выше предложений, однако безуспешно.

Между тем гитлеровские «предсказатели погоды», метеорологи министерства авиации, бодро карабкались вверх и вниз по своим лестницам. В результате достаточно им было предсказать хорошую погоду, хотя бы на небольшой период, как Гитлер давал приказ о выдвижении в исходные районы для наступления. Но каждый раз его «предсказатели погоды» отказывались от своих прогнозов, и приходилось давать отбой.

12 ноября мы совершенно неожиданно получили следующую телеграмму:

Фюрер отдал приказ: на южном фланге 12-й армии или в полосе наступления 16-й армии ввести третью группу подвижных войск⁵⁶ с задачей наносить удар через открытую местность по обе стороны от Арлона, Тинтиньи и Флоренвиля в направлении на Седан и восточнее его. Состав группы: штаб 19-го армейского корпуса, 2-я и 10-я танковые дивизии, одна мотопехотная дивизия, лейбштандарт, полк «Великая Германия».

Перед этой группой ставятся следующие задачи:

- а) разбить переброшенные в южную Бельгию подвижные силы противника и облегчить тем самым 12-й и 16-й армиям выполнение их задач;*
- б) в районе Седана или юго-восточнее его внезапно переправиться через Маас и создать тем самым благоприятные предпосылки для продолжения операций, в особенности в случае, если действующие в составе 6-й и 4-й армий бронетанковые соединения не смогут быть использованы.*

Затем последовало специальное дополнение к директиве ОКХ.

Из текста телеграммы вытекало, что передача 19-го армейского корпуса в состав группы армий «А» была произведена по приказу Гитлера. Как он пришел к этой мысли? Возможно, что Гитлера навел на эту мысль доклад командующего 16-й армией генерал-полковника Буша, который незадолго до этого был у него. Генерал Буш был посвящен в мои мысли. Вероятно, во время доклада Гитлеру он упомянул о нашем желании получить бронетанковые соединения для быстрого прорыва через Арденны. Может быть, Гитлер и сам пришел к этой мысли. Он обладал способностью разбираться в тактических возможностях и много сидел над картами. Он мог увидеть, что легче всего форсировать Маас у Седана, в то время как дальше бронетанковые соединения 4-й армии натолкнутся на значительно большие трудности. Возможно, он понял, что переправа через Маас у Седана создаст удобный плацдарм (для переправы южного фланга группы армий «Б» через Маас), и хотел, как всегда, преследовать все заманчивые цели сразу. На практике же, как ни рады были мы получению танкового корпуса, это означало дробление сил наших бронетанковых соединений. Поэтому командир 19-го танкового корпуса генерал Гудериан вначале не был согласен с этим новым планом использования своего корпуса. Ведь он всегда отстаивал ту точку зрения, что танки надо «сколачивать» в одном месте. Только после того, как я познакомил его с оперативным замыслом группы армий «А» и нашим стремлением перенести направление главного удара всей операции на южный фланг, в район действий группы армий «А», когда он увидел заманчивую цель выхода к устью Соммы в тыл противника, он стал самым ярым поборником этого плана. Его энергия вдохновляла впоследствии наши бронетанковые силы, совершившие рейд в тыл противника до побережья Ла-Манша. Для меня, конечно, было большим облегчением то, что моя мысль о прорыве крупными силами танков через Арденны, несмотря на трудности, связанные с преодолением малодоступной местности, рассматривалась Гудерианом как вполне реальная.

Что же касается, однако, передачи в состав группы армий 19-го танкового корпуса, то, по замыслу Гитлера, она преследовала, безусловно, только тактическую цель, достижение которой должно было облегчить форсирование Мааса и для группы армий «Б».

И в присланном ОКХ дополнении к директиве нигде не упоминается об изменении общего замысла. Я имею в виду план одержания решительной победы путем охвата противника силами группы армий «А» в направлении на устье Соммы или действий, направленных хотя бы на его подготовку.

21 ноября нас снова посетил командующий сухопутными силами с начальником Генерального штаба. На совещание в Кобленц были вызваны, кроме командующих армиями группы

⁵⁶ Обе другие группы действовали в составе группы армий «Б». (Прим. авт.)

армий «А», также и командующий группой армий «Б» генерал-полковник фон Бек и его командующие армиями.

Это совещание имеет важное значение в связи со следующим обстоятельством. Генерал-полковник фон Браухич пожелал выслушать от присутствующих командующих группами армий и командующих армиями их соображения, а также распоряжения по осуществлению директивы ОКХ. Когда, однако, после командующего группой армий «Б» и его командующих армиями очередь дошла до нас, Браухич заявил, что ему достаточно выслушать командующих армиями. Очевидно, он хотел предупредить возможность изложения командующим группой армий своих соображений, идущих вразрез с директивой.

Нам не оставалось ничего иного, как еще раз передать руководителям ОКХ наши соображения о том, как должно быть организовано наступление, в письменном виде, в заранее составленной памятной записке. В ней были изложены, как и в двух предшествующих письмах, от 31 октября и 6 ноября, и в четырех последующих, от 30 ноября, 6 декабря, 18 декабря и 12 января, уже упомянутые раньше основные положения, на которых был основан план штаба труппы армий об организации операции в целом. Эти положения в отдельных записках видоизменялись и обосновывались различными аргументами, связанными со складывавшейся к соответствующему моменту обстановкой. Так как, однако, в принципе речь шла об одних и тех же оперативных планах и предложениях, которые уже были изложены, я откажусь от повторений.

В это время Гитлер, очевидно, рассматривал вопрос об использовании 19-го танкового корпуса в составе группы армий «А», а также о том, следует ли вводить в прорыв вслед за ним другие силы и как это следует сделать в случае, если удар крупных сил танков, действующих в составе группы армий «Б», не приведет к ожидавшемуся быстрому успеху. Во всяком случае, как пишет Грейнер – ответственный за ведение журнала боевых действий ОКВ, – в середине ноября Гитлер запросил ОКХ, следует ли усилить танковый корпус Гудериана и какие для этого можно выделить силы. По Грейнеру, примерно 20 ноября Гитлер дал указание, чтобы, в случае, если это будет необходимо, ОКХ приняло меры для перенесения направления главного удара из района действий группы армий «Б» в район действий группы армий «А», если там «обозначится более быстрый и значительный успех, чем у группы армий «Б».

По-видимому, для выполнения этого указания ОКХ в конце ноября перебросило 14-й моторизованный корпус, находившийся на восточном берегу Рейна, за район разворачивания группы армий «А». Однако он продолжал оставаться в резерве ОКХ, причем было предусмотрено, что он в зависимости от обстановки будет действовать либо в составе группы армий «Б», либо в составе группы армий «А».

Остается неясным, пришел ли Гитлер сам к мысли о возможности нанесения главного удара группой армий «А» или он к этому времени уже что-либо узнал о планах нашего штаба группы армий.

Через день после упомянутой ранее речи, которую Гитлер произнес 23 ноября в Берлине перед командующими объединениями трех видов вооруженных сил, он принял генерал-полковника фон Рундштедта с генералами Бушем и Гудерианом. Во время этого приема Гитлер, как сказал мне Буш во время обратной поездки в Кобленц, проявил большой интерес к соображениям группы армий. Если это действительно так, то речь, очевидно, шла в первую очередь об усилении бронетанковых сил, входящих в состав группы армий, с целью выполнить задачу, поставленную Гитлером – прорвать оборону на рубеже реки Маас у Седана для обеспечения действий группы армий «Б». То, что генерал-полковник фон Рундштедт доложил Гитлеру наш план операций, отличающийся от плана, содержащегося в директиве ОКХ, я считаю невозможным, учитывая те шаткие позиции, которые занимал в то время командующий сухопутными силами. Кроме того, он бы информировал меня об этом.

Что касается слов Грейнера о том, что Гитлер уже в конце октября узнал о плане штаба группы армий от своего адъютанта Шмундта, то это кажется мне сомнительным, по крайней

мере, в отношении даты. Шмундт, правда, был у нас по заданию Гитлера с целью проверки сообщений о том, что условия погоды и местность не позволяют начать наступление. Во время его посещения наш начальник оперативного отдела полковник Блюментритт и подполковник фон Тресков в неофициальном порядке сообщили Шмундту, что штаб группы армий представил, по их мнению, лучший план наступления в ОКХ.

Блюментритт затем несколько дней спустя с моего согласия (генерал-полковник фон Рундштедт очень неохотно дал на это свою санкцию) послал копию последней составленной мной памятной записки полковнику Шмундту. Показал ли тот ее Гитлеру или хотя бы генералу Йодлю, мне неизвестно. Во всяком случае, Гитлер 17 февраля 1940 года во время изложения мной, по его желанию, соображений о том, как должно быть организовано наступление на Западе, ни словом не дал понять, что он знаком с одной из памятных записок, посланных нами в ОКХ.

Я допускаю, что Гитлер в конце ноября хотел оставить за собой возможность перенесения направления главного удара из района действий группы армий «Б» в район действий группы армий «А» *уже в ходе* осуществления операции. Однако это еще ни в коей мере не означало отхода от прежнего оперативного плана или принятия основных положений плана штаба группы армий «А». Несмотря на переброску 14-го моторизованного корпуса в качестве резерва ОКХ за район развертывания нашей группы армий, прежняя директива полностью оставалась в силе. Успех по-прежнему должен был достигаться в первую очередь главными силами группы армий «Б» в северной Бельгии, в то время как группа армий «А» по-прежнему должна была прикрывать наступающие войска. Только в том случае, если бы оказалось, что действия группы армий «Б» не оправдывают возлагавшихся на них надежд, или если в районе действий группы армий «А» обозначился бы в скором времени успех, Гитлер хотел иметь возможность перенести направление главного удара.

Это ясно вытекало также из ответа, который я получил от генерала Гальдера (первый ответ на все наши предложения) на нашу очередную памятную записку в отношении оперативного плана от 30 ноября. В нем было сказано, что в настоящее время намечается избрать еще одно направление главного удара, а именно в районе действий группы армий «А», которое в случае успешного прорыва через Арденны неизбежно приведет к предложенному нами расширению цели операции и к проведению всей операции в духе наших предложений (См. документ 5).

Ответ генерала Гальдера говорил о том, что большинство наших соображений совпадает с намерениями ОКХ. Между ними существовало и различие, заключавшееся в том, что отданные ОКХ до сих пор распоряжения (относительно 19-го и 14-го корпусов) не привели к образованию нового направления главного удара, а лишь *давали возможность* создания такого направления. Далее в ответе говорилось: *«Образование направления главного удара в результате воздействия сил, находящихся вне сферы нашего влияния, превратилось в действительности из вопроса стратегического развертывания в вопрос руководства операцией во время ее осуществления»*. Из этого ответа можно было сделать два вывода. Первый состоял в том, что Гитлер оставил за собой право принимать важнейшие решения и в ходе самого наступления. Второй говорил о том, что он хочет поставить выбор направления главного удара в зависимость от хода самого наступления; важнее всего, однако, было то, что он не знал или не хотел принимать плана операции, предложенного штабом группы армий.

Последнее впечатление укрепилось после телефонного разговора с генералом Гальдером 15 декабря.

6 декабря я еще раз написал личное письмо начальнику Генерального штаба, в котором снова привел все соображения, говорившие в пользу нашего оперативного плана. В этом письме «новый план» излагался уже в форме законченного предложения о проведении операции. Когда я до 15 декабря не получил на него ответа от генерала Гальдера, я вызвал по

телефону 1-го оберквартирмейстера генерала фон Штюльпнагеля и спросил его, будет ли ОКХ продолжать сохранять молчание в отношении наших предложений. После этого последовал телефонный звонок от Гальдера, о котором я упоминал выше. Он заверил меня, что они, правда, вполне разделяют нашу точку зрения, но имеют строгий приказ оставить в силе указание о нанесении *главного удара силами группы армий «Б»*, в остальном же оставить этот вопрос открытым до обозначения успеха в ходе операции.

В соответствии с этим можно было бы считать, что ОКХ действительно приняло наши оперативные предложения и в какой-либо форме – от своего имени – сообщило о них Гитлеру. Однако в то же время представитель Йодля генерал Варлимонт и первый заместитель начальника штаба оперативного руководства вооруженными силами будущий генерал фон Лоссберг сообщили мне, что ОКХ никогда не обращалось к Гитлеру в духе наших предложений! Эта ситуация казалась нам весьма странной.

В действительности или только на словах ОКХ разделяло нашу точку зрения, но, во всяком случае, мысль о том, чтобы принять решение о нанесении главного удара силами группы армий «А» только во время наступления, никак нельзя было отождествлять с нашими оперативными замыслами.

Наполеон оставил рецепт: «On s'engage partout et on voit»⁵⁷, и это изречение стало для французов почти аксиомой – особенно после того, как они так провалились со своим наступлением в Лотарингии. Эту аксиому в 1940 году можно было, безусловно, отнести и к действиям *командования союзников*, которое хотело вынудить нас наступать и совершенно правильно делало бы, выжидая этого наступления. Оно должно было избегать решительного сражения в Бельгии, чтобы затем крупными силами нанести ответный удар по южному флангу нашей наступающей группировки.

Для нас же оттягивание того момента, когда мы пустим в ход наши козыри, и отсрочка решения о том, где это произойдет, были недопустимы, так как оперативный план штаба группы армий был основан на *внезапности* нанесения удара. Удара крупных сил танков через поросшие лесом Арденны, за которыми должна была последовать армия, противник вряд ли мог ожидать. Этот удар, однако, мог вывести нас к цели операции – нижнему течению Соммы – только в том случае, если бы удалось разбить силы противника, которые могли быть перебросены в южную Бельгию. Одновременно с остатками этих разбитых сил мы должны были переправиться через Маас, чтобы выйти затем в тыл армиям противника, расположенным в северной Бельгии против фронта группы армий «Б».

Точно так же попытка нанести удар по крупным резервам противника на нашем южном фланге, в районе между Маасом и Уазой, еще до того, как они успеют сосредоточиться, и создать тем самым благоприятную обстановку для нанесения «второго удара», преследующего цель уничтожения остальных сил противника, могла удалиться только в том случае, если бы мы обладали здесь численным превосходством.

Ждать с тем, чтобы позже решить вопрос выбора направления главного удара, смотреть, «куда бежит заяц» – означало бы не что иное, как отказ от шанса нанести противнику решительный удар в северной Бельгии путем обхода его с юга. Это означало бы одновременно, что противнику предоставлялась возможность развернуть свои крупные резервы для такого контр-удара по нашему южному флангу, который мог принести ему победу. Однако командование войск противника не смогло использовать этот шанс.

Идею о том, чтобы подождать с включением необходимых сил в состав группы армий «А» и поставить выбор направления главного удара в зависимость от того, добьемся ли мы внезапного успеха с недостаточными силами, можно охарактеризовать словами Мольтке: «ошибка в плане развертывания для нанесения первого удара непоправима».

⁵⁷ Если берешь на себя обязательство, приходится ожидать, что из этого получится (франц.).

Итак, нельзя было выжидать, как будет развиваться наше наступление, будут ли разгромлены силы противника в северной Бельгии в результате массированного удара группы армий «Б» или одинокий 19-й танковый корпус достигнет Седана. Необходимо было, в случае, если бы был принят план группы армий, с самого начала включить в ее состав достаточно бронетанковых соединений и три армии (даже в том случае, если третью армию можно было бы ввести в прорыв позже, после выхода на оперативный простор). В связи с этим в записке от 6 декабря я требовал для группы армий вместо двух армий с 22 пехотными дивизиями и только одним танковым корпусом три армии в составе примерно 40 дивизий, а также два подвижных корпуса. (Такой состав, впрочем, и был утвержден после принятия нашего оперативного плана, для чего потребовалось вмешательство Гитлера.)

Борьба штаба группы армий за отстаивавшийся ею оперативный план, следовательно, должна была продолжаться. Теперь речь шла главным образом о том, чтобы с самого начала операции в составе группы действовал бы не только 19-й танковый корпус, но вместе с ним и 14-й моторизованный корпус, которые бы имели задачу нанести удар через Арденны, форсировать Маас в районе Седана и ниже его и затем наступать в направлении на нижнее течение Соммы. Далее, мы боролись за то, чтобы нам с самого начала была передана еще одна армия для нанесения контрудара в случае наступления противника на наш южный фланг западнее Мааса. Если бы удалось добиться и того и другого, тогда – независимо от того, соглашалось ли ОКХ с нашим главным замыслом или нет – неизбежно речь шла бы о наступлении, целью которого являлся бы *полный* разгром противника, на котором мы настаивали.

Конечно, и наш оперативный план, говоря словами Мольтке, не выходил за рамки первого столкновения с главными силами противника, но только в том случае, если бы наступление из-за недостатка сил захлебнулось на своей начальной фазе.

Однако Мольтке там же говорит, что полководец должен, планируя первые столкновения с противником, «всегда иметь в виду свою главную цель». Этой целью, по нашему мнению, могла быть только решительная победа на континенте. С учетом этой цели должно было быть организовано наступление германской армии в том случае, если бы эту победу можно было завоевать только во второй фазе. Указанный выше рецепт Наполеона, которым в конечном счете объясняется осторожная позиция Гитлера в выборе направления главного удара, в другой обстановке мог бы явиться лучшим решением. Для нас он означал отказ от полной победы.

Так как мое письмо начальнику Генерального штаба от 6 декабря не привело к желаемым результатам, 18 декабря я представил генерал-полковнику фон Рундштедту основанный на нашем оперативном замысле «Проект директивы о наступлении на Западном фронте» (см. документ 7). Этот документ должен был послужить для него основой для доклада командующему сухопутными силами и, в случае его одобрения, также для доклада Гитлеру. 22 декабря этот проект был доложен Браухичу, однако он не был доложен Гитлеру. Кроме того, копия проекта была послана в ОКХ. Я надеялся, что конкретная форма, в которую был облечен наш оперативный замысел в этом документе, возможно, произведет более убедительное впечатление, чем наши теоретические рассуждения, что, может быть, оперативное управление теперь согласится с нашими планами. Как я узнал уже после войны, оперативное управление, однако, не получило от генерала Гальдера наших памятных записок о наступлении на Западе.

Во второй половине декабря состояние погоды исключало всякую мысль о наступлении. Кроме того, нам казалось целесообразным сделать перерыв в наших усилиях добиться изменения оперативного плана. Мы уже представили достаточно материалов для размышления. Поэтому мне удалось провести рождественские праздники у себя дома. Во время моего возвращения из Лигница в Кобленц я заехал в ОКХ в Цоссен, чтобы услышать, как за это время обстояло дело с отношением к нашему проекту операции. Генерал фон Штюльпнагель снова сказал мне, что они в ОКХ в основном согласны с нашими планами, что ОКХ связано приказом Гитлера о том, чтобы решение о выборе направления главного удара оставалось открытым.

По-прежнему было неясно, говорил ли вообще командующий сухопутными силами о наших планах с Гитлером. Это казалось маловероятным, так как тогдашний начальник 1-го отдела оперативного управления подполковник Хойзингер сообщил, что генерал-полковник фон Браухич с 5 ноября перестал бывать у Гитлера.

С началом нового года гитлеровские «предсказатели погоды» снова оживились. Сильный мороз обещал наступление хорошей погоды, которая была бы благоприятной для действий авиации. Но холод, сопровождавшийся сильным снегопадом, в результате чего Эйфель и Арденны покрылись толстым слоем снега, танкам отнюдь не благоприятствовал.

Тем не менее Гитлер снова отдал приказ о занятии районов исходного положения.

Несмотря на это, штаб группы армий *12 января* снова направил в ОКХ памятную записку, озаглавленную «Наступление на Западе», в которой опять излагались так часто повторявшиеся нами положения об организации наступления на Западе, которое должно иметь своей целью достижение *решительной* победы (см. документ 8). Хотя в тот момент нельзя было и думать об изменении директивы, штаб все же надеялся, что его замысел так или иначе выступит на первый план при проведении операции в рамках происходящей подготовки к наступлению. К тому же приказ о наступлении отменялся уже так часто, что можно было ожидать его отмены и на этот раз, а затем снова представилась бы возможность коренного изменения оперативного плана.

Но если мы хотели, чтобы эта возможность осуществилась, мы должны были устранить тормоз, который до сего времени мешал принятию нашего оперативного плана. Где же он находился? Согласно тому, что мы слышали до сих пор от ОКХ, это была точка зрения Гитлера. ОКХ неоднократно подчеркивало, что оно в значительной степени согласно с нашими предложениями, но связано приказом Гитлера о выборе направления главного удара в зависимости от успеха операций. Но докладывало ли ОКХ наш план Гитлеру, план, который так сильно отличался от разработанной им директивы о наступлении? Может быть, если представить Гитлеру план операций, который преследует не только частные цели, но и с самого начала создает возможность достижения решительного успеха на Западе, его можно будет убедить в правильности последнего? (В эту возможность, по нашему мнению, по-настоящему не верили ни Гитлер, ни руководящие деятели ОКХ.)

Для того, чтобы выяснить этот вопрос, письмо, подписанное генерал-полковником фон Рундштедтом, приложенное к памятной записке «Наступление на Западе», оканчивалось следующим предложением:

В связи с тем, что из приказа ОКВ группе армий стало известно, что фюрер и Верховный Главнокомандующий оставил за собой решение о выборе направления главного удара при проведении операции и тем самым и руководство этой операцией, а также в связи с тем, что ОКХ не свободно при решении оперативных вопросов, я прошу доложить это предложение (имелась в виду упомянутая выше памятная записка) фюреру.
Рундштедт

Конечно, эта просьба, с которой я предложил генерал-полковнику обратиться в ОКХ и которую он с готовностью согласился скрепить своей подписью, в некоторой мере противоречила традициям немецкой армии. Согласно этим традициям только командующему сухопутными силами или по его поручению начальнику Генерального штаба дозволялось обращаться с предложениями к Гитлеру.

Однако если ОКХ действительно было согласно с нашими соображениями, оно всегда могло доложить этот план Гитлеру от своего имени. Таким образом, оно, может быть, получило бы возможность поднять свой вес в его глазах и тем самым снова вернуть себе свои функции высшей инстанции для руководства действиями сухопутных сил. Этот результат никто

бы не мог приветствовать больше, чем я, так как в свое время, еще будучи на посту заместителя начальника Генерального штаба, вместе с генерал-полковником фон Фричем и генералом Беком я так много боролся за то, чтобы ОКХ занимало подобное положение⁵⁸.

Если бы ОКХ уже докладывало Гитлеру свои соображения, которые совпадали с нашими, и не добилося результата, то представление такого оперативного плана, исходящего от генерал-полковника фон Рундштедта, которого Гитлер очень ценил, означало бы существенную поддержку для ОКХ. Может быть, тогда все же удалось бы отговорить Гитлера от того, чтобы ставить выбор направления главного удара в зависимость от успеха операций. А это, насколько мы могли судить на основании заявлений ОКХ, было главным, что стояло на пути принятия нашего оперативного замысла.

Ответ, который мы получили на эту памятную записку, разочаровал нас. В нем было сказано, что наша точка зрения о том, что ОКХ стремится только к частной цели, неверна. Последующая задача будет поставлена своевременно. Рассматривается вопрос о том, чтобы включить в состав группы армий дополнительные силы, а также еще один штаб армии. Срок передачи этих сил будет определен командующим сухопутными силами. Окончательное решение о выборе направления главного удара будет принято Гитлером по представлению командующего сухопутными силами. Направлять Гитлеру нашу памятную записку, поскольку командующий сухопутными силами с ней в основном согласен, не представляется необходимым.

Хотя в этом ответе и было сказано, что командующий сухопутными силами в основном согласен с нашей памятной запиской, тем не менее это не могло скрыть от нас, что он не собирается доложить Гитлеру о коренном изменении оперативного плана в духе наших предложений. Наоборот, прежняя директива оставалась в силе. Решающий удар в Бельгии должна была наносить фронтально группа армий «Б». Она, по крайней мере, в первой фазе операций, должна была действовать на направлении главного удара.

Группа армий «А» по-прежнему должна была прикрывать войска, участвующие в этой операции. Ее задача не была расширена в плане нанесения удара в направлении на нижнюю Сомму в тыл войскам противника, атакованным в северной Бельгии с фронта группой армий «Б».

Перенос направления главного удара в район действий группы армий «А», как и раньше, был поставлен в зависимость от течения операций. Группа армий «А» по-прежнему не получила бронетанковых соединений, *включение которых в ее состав с самого начала операции являлось в соответствии с планом группы армий предпосылкой для достижения внезапности в южной Бельгии и нанесения затем удара в тыл противнику в направлении на устье Соммы*. Группа армий также не была уверена в усилении ее еще одной армией, которая была бы необходима для отражения удара перешедшего в контрнаступление противника.

Таким образом, «ошибка в плане развертывания для нанесения первого удара», которую Мольтке считал непоправимой, не была устранена. Не хотели решиться на шаг, который, по словам генерала Йодля, сказанным им в феврале 1940 года, «представляет собой контрабандную операцию, при которой рискуешь быть схваченным богом войны».

Очевидно, командование германской армии, как и командование союзников, не сознавая этого, пришли к общему выводу о том, что надежнее действовать друг против друга фронтально в северной Бельгии, чем брать на себя риск смелой операции: с немецкой стороны – в случае принятия плана штаба группы армий «А»; со стороны союзников – в случае уклонения от решающего сражения в Бельгии и нанесения мощного контрудара по южному флангу наступающих немецких войск.

⁵⁸ Что штаб группы армий совсем не претендовал на афиширование своего авторства по отношению к новому замыслу операции, явствует из того, что оно выявилось только после войны в результате бесед фельдмаршала фон Рундштедта и генерала Блюментритта с английским военным писателем Лиддел Гартом. (Прим. авт.)

Между тем произошло событие, которому позже многие стали придавать решающее значение для произведенного вслед за этим коренного изменения плана операции в духе предложений нашей группы армий.

Начальник оперативного отдела штаба 7-й авиадивизии по ошибке совершил посадку на бельгийской территории. При этом в руки бельгийцев попали по меньшей мере выдержки из плана использования 1-го воздушного флота во время операции. В этой связи следовало считаться с тем, что западные державы будут информированы Бельгией о существовавшем оперативном плане.

В действительности же этот инцидент не привел к изменению оперативного плана, хотя и можно думать, что он позже способствовал принятию Гитлером и ОКХ предложения группы армий. Совещание, проведенное командующим сухопутными силами с командующими группами армий «А» и «Б» и командующими подчиненными им армиями, состоявшееся 25 января в Кобленце и в Баддесберге, также показало, что основные положения плана ОКХ остались неизменными. Это совещание было проведено намного позже упомянутого выше инцидента. Задачи групп армий «А» и «Б» остались без изменений. Была только несколько расширена задача группы армий «Б», 18-я армия которой теперь должна была захватить всю территорию Голландии (а не часть территории страны, кроме района «Голландской крепости», как было предусмотрено раньше). Для группы армий «А» все оставалось без изменений. Правда, штаб 2-й армии переводился в район действий нашей группы армий, однако и он, как и 14-й моторизованный корпус, оставался в резерве дивизии. Что касается последнего, то это решение осталось в силе, несмотря на мой доклад, который я составил по поручению командующего группой армий, о том, что нанесение удара через Арденны силами одного 19-го танкового корпуса является половинчатой мерой. Он не обещает успеха под Седаном, так как противник за это время сосредоточил на Маасе крупные силы (две французских армии). Несмотря на эти замечания, генерал-полковник фон Браухич заявил, что он не может передать нам 14-й моторизованный корпус. Это был признак того, что командование германской армии по-прежнему настаивало на том, чтобы поставить вопрос о переносе направления главного удара в район действий группы армий «А» в зависимость от хода операции. Это доказывает, однако, и то, что инцидент с попавшими в руки бельгийцев планами операции не побудил командование изменить существовавший план наступления.

Тем не менее штаб группы армий 30 января направил в ОКХ еще одну памятную записку, дополняющую соображения, высказанные мной 25 января командующему сухопутными силами, на основе поступивших за это время сведений о противнике. Штаб указал, что теперь следует считаться с возможностью переброски в южную Бельгию крупных сил противника, в частности, подвижных соединений. При этих обстоятельствах нельзя рассчитывать на то, что 19-й танковый корпус один будет в состоянии отразить нанесенный ими удар; он также не сможет один форсировать реку.

Это мнение подтвердилось на маневрах, происходивших 7 февраля в Кобленце, во время которых проверялась готовность к наступлению 19-го танкового корпуса и обеих армий, входивших в состав нашей группы армий. Маневры показали, насколько проблематичным является наступление изолированного 19-го танкового корпуса. У меня создалось впечатление, что генерал Гальдер, присутствовавший на маневрах, наконец начал понимать правильность нашего замысла.

В это время, однако, в моей жизни неожиданно произошли изменения. 27 января я получил сообщение, что назначен командиром 38-го армейского корпуса, который должен был в ближайшее время формироваться в тылу. Как сказал мне генерал-полковник фон Рундштедт, командующий сухопутными силами предварительно сообщил ему о смене его начальника штаба 25 января на упомянутом выше совещании. Он объяснил это тем, что меня больше нельзя обходить при назначении новых командиров корпусов, так как генерал Рейнгардт, кото-

рый имеет меньшую выслугу лет в своем чине, также получает корпус. Хотя мое назначение никак не могло рассматриваться как нарушение обычного порядка назначения на должности, в тот момент, когда предстояло большое наступление, такая смена начальников штабов выглядела очень странно. Вопрос о выслуге лет, который послужил предлогом для этого, можно было разрешить и иначе. Поэтому вряд ли можно сомневаться в том, что моя отставка с поста начальника штаба группы армий объяснялась желанием ОКХ отделаться от надоевшего ему настоящего человека, который посмел противопоставить его оперативному плану другой план.

После упомянутых выше военных маневров, в руководстве которыми я еще принимал участие, генерал-полковник фон Рундштедт выразил мне в присутствии всех участников учений благодарность за мою деятельность на посту начальника штаба группы армий. В этих словах сказалось все благородное великодушие этого военачальника. Большим удовлетворением было для меня также то, что командующие армиями, входившими в состав нашей группы, генералы Буш и Лист, а также генерал Гудериан не только выразили сожаление в связи с моей отставкой, но и высказали свое искреннее огорчение.

9 февраля я выехал из Кобленца и отправился сначала в Лигниц.

Между тем мои верные помощники, полковник Блюментритт и подполковник фон Тресков, не собирались складывать оружие и не считали, что с моей отставкой борьба за наш оперативный план должна считаться оконченной. Я думаю, что не кто иной, как Тресков побудил своего друга Шмундта, главного адъютанта Гитлера, изыскать возможность для того, чтобы мы сами могли доложить Гитлеру наши соображения относительно плана организации наступления. Во всяком случае, 17 февраля я вместе со всеми остальными вновь назначенными командирами был вызван в Берлин для представления Гитлеру. После того как мы представились, был дан завтрак, во время которого, как обычно, главным образом говорил Гитлер. Помню, он показал поразительные знания новинок в области военной техники, а также армий противника. Донесение о нападении английского эсминца на пароход «Альтмарк» в норвежских территориальных водах было использовано Гитлером для длинных рассуждений о том, что малые государства не в состоянии соблюдать нейтралитет.⁵⁹

Когда мы после завтрака стали прощаться с Гитлером, он пригласил меня в свой кабинет. Там он предложил мне изложить свою точку зрения об организации наступления на Западе. Знал ли он уже от своего главного адъютанта о нашем плане и в какой мере он в этом случае был информирован, я не могу сказать. Во всяком случае, мне оставалось только удивляться тому, с какой поразительной быстротой он разобрался в той точке зрения, которую группа армий отстаивала в течение вот уже нескольких месяцев. Как бы то ни было, он вполне одобрил мои соображения. После этой беседы я сейчас же по памяти составил записку для штаба группы армий, текст которой хочу привести:

Бывший начальник штаба группы армий «А» во время своего представления в связи с назначением на должность командира 38-го армейского корпуса 17 февраля 1940 года имел возможность доложить фюреру соображения группы армий «А» относительно организации наступления на Западе. Были доложены следующие соображения:

1. Целью наступления на Западе должна явиться окончательная победа на суше. Для достижения частных целей, как они сформулированы в существующей директиве о наступлении, например, разгром крупных сил

⁵⁹ Танкер «Альтмарк» (12 000 тонн) был снабженцем немецкого рейдера «Адмирал граф Шпее», и на него передавались пленные с захваченных «Шпее» судов. В феврале 1940 года «Альтмарк» с тремя сотнями пленных был захвачен британскими эсминцами в норвежском Йоссинг-фьорде, при этом погибло несколько немецких моряков. Немцы заявляли, что нападение на судно в норвежских территориальных водах демонстрировало неспособность Норвегии контролировать свой нейтралитет – но точно так же об этой неспособности свидетельствовал сам факт нахождения судна с военнопленными в границах юрисдикции нейтрального государства. (Прим. ред.)

противника в Бельгии, захват части побережья Ла-Маниа, – использование вооруженных сил с политической и военной точки зрения нецелесообразно. Задача состоит в одержании окончательной победы на континенте.

При организации наступления, таким образом, с самого начала надо нацеливать войска на решительную победу во Франции, на то, чтобы сломить силу сопротивления французской армии.

2. Для этого необходимо, чтобы в противовес директиве главный удар наносился с самого начала на южном фланге группой армий «А», а не группой армий «Б», а также, чтобы вопрос о нем не оставался открытым. По существующему плану можно лишь в лучшем случае нанести фронтальный удар по перебрасываемым туда англо-французским силам и отбросить их к Сомме, где наступление может быть остановлено.

В результате того, что теперь главный удар будет наносить действующая на южном фланге группа армий «А», имеющая задачей наступать через южную Бельгию и реку Маас в направлении на **нижнее течение Соммы**, крупные силы противника, находящиеся в северной Бельгии, после того, как они будут отброшены фронтальным ударом группы армий «Б», будут отрезаны и уничтожены. Это станет возможным только в том случае, если группа армий «А» быстро нанесет удар в направлении на нижнее течение Соммы. В этом заключается первая часть кампании. За ней последует вторая часть: охват французской армии крупными силами, действующими на правом фланге.

3. Такая задача группы армий «А» требует включения в ее состав **трех армий**. Таким образом, на северном фланге [очевидно, группы армий «А». – Прим. ред.] необходимо развернуть еще одну армию.

2-я армия, расположенная на северном фланге группы армий, имеет задачу, форсировав Маас, нанести удар в направлении на нижнее течение Соммы, отрезав силы противника, отброшенные ударом группы армий «Б».

Южнее нее еще одна армия (12-я) должна форсировать Маас по обе стороны от Седана, затем повернуть на юго-запад и путем нанесения контрудара отразить попытки французской армии крупными силами перейти в **контрнаступление** западнее Мааса и разбить их.

Третья армия (16-я) должна будет вначале прикрывать участвующие в наступлении силы на их южном фланге, между Маасом и Мозелем.

Большое значение имеет нанесение ударов авиацией по разворачивающимся для перехода в контрнаступление армиям противника, так как французы могут рискнуть бросить в это наступление крупные силы на фронте западнее Мааса или по обе стороны от него, возможно, до Мозеля.

4. Удар одного 19-го танкового корпуса в направлении на Маас у Седана является половинчатой мерой. Если противник выступит нам навстречу в южной Бельгии крупными силами механизированных войск, то сил корпуса недостаточно, чтобы быстро разбить их и на плечах остатков разбитых войск форсировать Маас. Если противник ограничится удержанием рубежа реки Маас крупными силами, как об этом можно судить по группировке его сил в настоящее время, корпус один не сможет форсировать Маас.

Если принимать решение о том, чтобы бросить вперед механизированные соединения, то для этого в полосе наступления группы армий необходимо сосредоточить не менее двух корпусов, которые должны переправиться через Маас одновременно у Шарлевиля и Седана, независимо

от наступления танков в направлении на Маас у Живе силами 4-й армии. Следовательно, 14-й корпус с самого начала должен действовать рядом с корпусом Гудериана, и решение вопроса о его подчинении группе армий «А» или «Б» нельзя оставлять открытым.

Фюрер выразил свое согласие с этими соображениями. Через некоторое время была издана новая директива о наступлении. Этой окончательной директивы я, к сожалению, не видел. Я знаю лишь, что она была составлена по указанию Гитлера 20 февраля.

В общих чертах она содержала следующие положения, которые отвечали так долго отстаивавшимся нами требованиям:

1. Нанесение удара *двумя танковыми корпусами* (19-й под командованием генерала Гудериана и 14-й под командованием генерала Витерсгейма) в направлении на Маас между Шарлевилем и Седаном и форсирование Мааса на этом участке.

2. Окончательное подчинение штаба 2-й армии (ранее находившейся в составе группы армий «Б») группе армий «А» и передача ему сил, необходимых для формирования еще одной армии. Тем самым было обеспечено немедленное введение ее в прорыв, как только это допустит ширина полосы наступления группы армий в результате поворота 16-й армии на юг.

3. Подчинение 4-й армии (раньше находившейся в составе группы армий «Б») группе армий «А», чтобы создать ей возможность маневра в направлении на нижнее течение Соммы. (Группа армий всегда настаивала на передаче ей по крайней мере корпуса, расположенного на южном фланге этой армии, для расширения полосы наступления. Министериальрат Грейнер утверждает, что эта армия была подчинена нам значительно раньше, в ноябре, однако это не соответствует действительности. Она была подчинена нам только в соответствии с новой директивой о наступлении.)

Эта новая директива ОКХ, таким образом, полностью отвечала соображениям, отстаивавшимся штабом группы армий. Направление *главного усилия* всей операции было перенесено на южный фланг, причем использовалась вся ширина фронта района, расположенного севернее линии Мажино, и существующая в нем сеть дорог. Несмотря на это, группа армий «Б» с ее тремя армиями оставалась достаточно сильной для успешного выполнения своей задачи в северной Бельгии и Голландии.

Группа армий «А» получила теперь возможность нанести внезапный удар по противнику через Арденны и Маас в направлении на нижнее течение Соммы. Благодаря этому она могла отрезать силам противника, действовавшим в северной Бельгии, пути отхода через эту реку. Стало также возможно нанести успешный контрудар по войскам противника в случае, если бы они перешли крупными силами в контрнаступление против нашего южного фланга.⁶⁰

Что касается *осуществления* немецкой наступательной операции германской армии в мае 1940 года, то здесь я хотел бы заметить следующее.⁶¹

Наступление группы армий «Б» имело благодаря превосходству немецких войск, в особенности бронетанковых соединений, большие результаты, чем этого можно было ожидать при неизбежном фронтальном характере наступления и необходимости преодолевать мощные укрепления на бельгийской границе. Тем не менее решающее значение для полного разгрома сил союзников в северной Бельгии имел удар, внезапно нанесенный через Арденны и Маас в направлении на устье Соммы и, наконец, на порты в Ла-Манше. Наряду с энергичным руководством войсками со стороны стремившегося осуществить этот замысел генерал-полковника фон Рундштедта этот успех в первую очередь, пожалуй, следует приписать несокрушимой воле, с которой генерал Гудериан проводил в жизнь оперативный план группы армий.

⁶⁰ См. комментарий № 12. (Прим. ред.)

⁶¹ См. комментарий № 13. (Прим. ред.)

Победа в северной Бельгии оказалась не такой полной, какой она могла бы быть. По данным, приводимым Черчиллем, противнику удалось переправить через Дюнкерк 338 226 человек (из них 26 176 французов), хотя он и потерял все свое тяжелое оружие и другую технику. Это объясняется вмешательством Гитлера, дважды задержавшего наступающие танковые соединения: первый раз – во время их продвижения к побережью, и второй раз – перед Дюнкерком.

В обоснование последнего приказа, построившего английской армии «золотой мост» через Ла-Манш, приводятся три причины. Во-первых, Гитлер якобы хотел дать танкам отдых перед второй фазой кампании во Франции ввиду того, что Кейтель сообщил ему, что в районе Дюнкерка танконедоступная местность. Другая причина состоит в том, что Геринг якобы гарантировал фюреру, что авиация сама сумеет помешать англичанам эвакуироваться из Дюнкерка. Учитывая стремление Геринга к поднятию своего престижа и его любовь к хвастовству, я считаю такое высказывание с его стороны вполне возможным. Как бы то ни было, оба эти аргумента с военной точки зрения являются несостоятельными. В качестве третьей причины приводят довод о том, что Гитлер – как якобы он заявил в беседе с генерал-полковником фон Рундштедтом – сознательно дал эвакуироваться англичанам, так как он считал, что это приблизит возможность договориться с ними. Во всяком случае, то, что английской армии была предоставлена возможность эвакуироваться из Дюнкерка, является решающей ошибкой Гитлера.⁶² Она помешала ему позже решиться на вторжение в Англию и дала затем возможность англичанам продолжать войну в Африке и Италии.

Гитлер, правда, принял замысел группы армий «А», позволивший путем нанесения удара через Арденны к морю отрезать силы противника в северной Бельгии, и дал осуществить его, по крайней мере, до ворот Дюнкерка. Однако он не полностью принял вторую его часть, имевшую целью одновременное создание предпосылок для перехода ко второй фазе операций. Немецкое командование ограничилось тем, что обеспечило прикрытие подвижных соединений, наносивших удар на побережье, от ожидавшегося контрнаступления противника по обе стороны от реки Маас путем эшелонирования следующих за ними дивизий вдоль подвергавшегося опасности южного фланга с задачей отражать удары противника. План развернуть наступление западнее Мааса на юг с целью разбить противника в случае, если он предпримет попытку крупными силами развернуть контрнаступление, и тем самым окончательно разорвать фронт противника между Маасом и Уазой, очевидно, показался слишком рискованным.

Как это выявилось и позже, в период похода на Россию, у Гитлера имелся какой-то инстинкт при решении оперативных вопросов. Однако ему не хватало опыта военачальника, который позволяет идти даже на большой риск во время операции, поскольку он знает, на что он идет. Так и на этот раз Гитлер предпочел худший, защитный вариант прикрытия южного фланга войск, участвовавших в первой фазе наступления, более смелому решению, предложенному группой армий. Ему посчастливилось, поскольку командование противника не решилось на контрнаступление крупными силами. Оно вполне могло бы своевременно сосредоточить около 50 дивизий для контрнаступления на широком фронте по обе стороны Мааса, а при благоприятных условиях – на восток до Мозеля, в случае необходимости временно пожертвовав территорией Голландии и Бельгии, за исключением крепостей.

Так получилось, что после окончания первой фазы немецкого наступления оба противника снова противостояли друг другу на сплошном фронте вдоль линии Мажино до Кариньяна и далее вдоль Эн и нижней Соммы. Немцы должны были теперь снова прорывать этот фронт. Если вторая фаза наступления германской армии в такой короткий срок привела к полной

⁶² Странно, что Манштейн не приводит четвертую и самую логичную причину пресловутого «стоп-приказа» – численное превосходство англо-франко-бельгийских войск, отрезанных в районе Дюнкерка. Ни Гитлер, ни немецкие командиры просто не могли предугадать, что 23 мая бельгийское правительство решит капитулировать, открыв фронт. (*Прим. ред.*)

капитуляции противника, то лишь потому, что он не смог занять достаточными силами оборону на сплошном фронте от швейцарской границы до моря, понеся такие большие потери в северной Бельгии. Вторая причина заключалась в том, что боевому духу французской армии уже был нанесен решительный удар. Не приходится даже говорить о том, что противник не располагал войсками, равноценными немецким оперативным танковым соединениям. Если бы командующий войсками союзников действовал так, как предполагал штаб группы «А», он развернул бы наступление крупными силами по обе стороны реки Маас. По плану группы армий, однако, силы противника в этом случае были бы разбиты еще на подходе между Маасом и Уазой. Если бы мы при этом одновременно окружили силы противника в северной Бельгии, а затем группа армий «Б» нанесла бы удар через нижнюю Сомму с целью окружения остатков французских войск в духе плана Шлиффена, мы в конце концов вышли бы в тыл линии Мажино и вели бы сражение с перевернутыми фронтами.⁶³

Так как мы – за исключением эвакуации английских войск через Дюнкерк – одержали на французском театре военных действий полную победу, сказанное выше может показаться излишним. Я остановился на этих соображениях, поскольку, может быть, целесообразно показать, что и при более энергичных и правильных действиях противника «новый план» мог привести к победе, даже если бы при этом в первой фазе между Маасом и Мозелем порой создавались критические моменты.

Глава 6. Командир 38-го армейского корпуса

Осужден на наблюдение со стороны. Оборонительные бои в нижнем течении Соммы. Прорыв через французскую оборонительную позицию на Сомме. Стремительное преследование. Перемирие.

Осужден на наблюдение со стороны

Участие, которое мне суждено было принять после отставки с поста начальника штаба группы армий фон Рундштедта в наступлении на Западном фронте, настолько незначительно, что в этих воспоминаниях можно было бы на нем и не останавливаться. Если я тем не менее, делаю это, то в первую очередь, чтобы отдать долг благодарности подчиненным мне храбрым войскам и их выдающимся подвигам. Далее, потому, что боевые действия 38-го корпуса после успешного прорыва через французские позиции на Сомме могут послужить примером организации преследования, проводившегося от Соммы через Сену до Луары, во время которого наши войска не давали противнику прийти в себя до тех пор, пока он не был окончательно разгромлен.

В те месяцы, когда другие продолжали работать над замыслом, за который я боролся, вначале передо мной была поставлена скромная задача ожидать, пока будет сформирован штаб моего 38-го корпуса и входящего в его состав батальона связи в Штеттине. Время от времени я получал задания проверять на месте ход формирования новых дивизий в Померании и Познани.

10 мая 1940 года в Лигнице, куда я приехал на пару дней в отпуск, я по радио услышал о начале немецкого наступления. Естественно, все мои мысли и горячие пожелания были в последующие дни с нашими войсками, наносившими удар через Арденны. Удастся ли нам быстро продвинуться через Люксембург и прорваться через бельгийские укрепления

⁶³ Если относительно остановки подвижных соединений перед Дюнкерком аргументацию Гитлера можно принять, то потеря времени, благодаря которой французам удалось создать фронт на Сомме, была серьезной ошибкой. Манштейн совершенно прав, когда он пишет, что в духе идей Шлиффена было уничтожение противника в рамках одной, а не двух операций. (Прим. ред.)

по обе стороны от Бастони до того, как сюда подойдут крупные силы французов? Будет ли возможно продолжить безостановочное наступление танков и форсировать Маас у Седана, тем самым обеспечив окружение северного фланга противника? Но одновременно, как это нетрудно понять, голову мою бороздили не совсем приятные мысли об инстанции, в такой момент сославшей меня далеко в тыл, в то время как на Западе осуществлялся план, за который я так долго и настойчиво боролся.

10 мая вечером прибыл приказ, согласно которому штаб 38-го корпуса переводился «вперед», в Брауншвейг. 13 мая я направился оттуда в Дюссельдорф, где мы поступили в распоряжение группы армий «Б». В последующие дни у меня не было других занятий, кроме как в качестве празднующего осматривать взятые штурмом сильно укрепленные бельгийские позиции на Маасе у Маастрихта и на канале Альберта, а также захваченный в результате внезапного нападения, оборудованный по последнему слову техники форт Эбен-Эмаэль (дальнобойные бельгийские батареи в это время еще продолжали вести огонь). Кроме того, я узнавал в штабе группы армий и в штабе 6-й армии о ходе операций. То, что я там услышал, свидетельствовало об отсутствии ясного представления о замыслах противника. ОКХ, по-видимому, также еще не имело таких сведений и отделялось молчанием относительно своих дальнейших оперативных планов. Оно ограничивалось только удлинением разграничительной линии между группами армий на северо-запад.

16 мая штаб корпуса был переподчинен группе армий «А». На следующий день я представлялся в Бастони моему бывшему командующему, генерал-полковнику фон Рундштедту. Он, так же, как и мой преемник, генерал фон Зоденштерн, и весь состав моего старого штаба, сердечно приветствовал меня, и только здесь я услышал, как успешно прошло наступление через Арденны и Маас. Наш корпус должен был войти в состав 12-й армии, которая имела задачей продолжать наступление на запад, к нижней Сомме, в то время как новая 2-я армия должна была быть введена в прорыв фронтом на юго-запад между 12-й и 16-й армиями.

Прибыв в штаб 12-й армии, я тотчас стал свидетелем вмешательства Гитлера в руководство операциями сухопутных сил. Поступил приказ, отданный ОКХ по указанию Гитлера, согласно которому танковая группа Клейста должна была продвигаться только до Уазы. 12-й армии было приказано повернуть на юго-запад и перейти к обороне. 2-й армии была поставлена теперь задача действовать между 4-й и 12-й армиями, наступая дальше на запад. Приказ мотивировался тем, что фюрер ни при каких обстоятельствах не хочет допустить, чтобы хотя бы временная неудача немцев дала повод для подъема духа французского народа, который к тому времени уже был сильно подавлен. Он опасался такой неудачи, если 12-я армия, как было ранее предусмотрено, продолжала бы удар дальше на запад, к нижней Сомме, и при этом должна была бы отражать контрнаступление французской армии с южного направления западнее Мааса, направленное ей во фланг.

Здесь уже политический деятель или даже пропагандист стал вмешиваться в дела полководца. С одной стороны, было ясно, что приостановка наступления танковой группы фон Клейста на Уазе таила в себе опасность упустить решительную победу над силами противника в северной Бельгии, которым эта группа как раз должна была выйти в тыл; с другой стороны, приказ предусматривал, что 12-я армия должна перейти к обороне фронтом на юго-запад, а это означало отказ от инициативы в районе между Маасом и Уазой. В действительности же крупного контрнаступления французов в то время нельзя было ожидать. Противнику, по крайней мере, по мнению командования группы армий «А», нужно было еще около недели, чтобы подтянуть необходимые для контрнаступления силы. И это в том случае, если он вообще еще думал о таких планах. А ведь именно прикрытие южного фланга путем *наступления* с нашей стороны и нанесение удара в направлении на нижнюю Сомму являлись одним из центральных пунктов предложений о проведении операции, с которыми группа армий зимой неоднократно обращалась в ОКХ.

Теперь оказалось, что хотя Гитлер и не обладал смелостью временно взять на себя риск на правом фланге наступающих немецких войск,⁶⁴ он уже осмеливался давать от своего имени указания о ходе отдельных операций сухопутных сил.

Если он в то время вообще мог обосновывать призраком, хотя и временной, неудачи свое вмешательство в руководство операциями, то это объясняется, возможно, тем, что ОКХ, вопреки прежним предложениям группы армий, не ввело своевременно в прорыв 2-ю армию, как только передовые части наступающих немецких войск форсировали Маас, будь то между 4-й и 12-й армиями для продолжения наступления на нижнюю Сомму или между 12-й и 16-й армиями для *наступления* на юго-запад между Маасом и Уазой. Недостаточная ширина фронта для введения в первый эшелон новых дивизий не могла быть причиной для этого. Ведь в первую очередь было необходимо иметь для обоих только по необходимости противоположных направлений наступления и выполнения соответствующих задач один общий армейский штаб. Введение в бой новых дивизий было бы тогда своевременным и согласовывалось с расширением района операций.

Этот пример еще раз показывает, что оперативный план, по-видимому, никогда не осуществляется в полном объеме, как это мыслит себе его автор, если претворение его в жизнь является уделом других людей, даже тогда, когда для отклонения от плана нет никаких веских причин.⁶⁵ Если это вмешательство Гитлера (в противоположность приостановке наступления танковой группы фон Клейста под Дюнкерком) и не привело к серьезным оперативным последствиям, то все же поставленная им перед 12-й армией задача на оборону позволила противнику создать новую укрепленную линию на реке Эн. Во второй фазе наступления ее пришлось взламывать в тяжелых боях. Возможность окончательно разорвать фронт противника на этом решающем участке путем продолжения удара была без нужды утеряна. А ведь именно в этом, наряду с окружением войск на северном фланге противника, состояла одна из основных идей нашего предложения о проведении операции, предусматривавшего при любых обстоятельствах переход ко второй фазе наступления.

Между тем наш штаб корпуса был переведен в Люксембург, в живописный небольшой городок Клерф. Наша прежняя роль наблюдателей сменилась задачей руководить переброской нескольких дивизий из числа следовавших за 2-й армией. Не очень почетная задача в тот момент, когда обозначалось решительное поражение на северном фланге противника.

В эти дни я получил сообщение, что мой шурин, Эгберт фон Лёш, командир эскадрильи пикирующих бомбардировщиков, пропал без вести под Брюсселем. Эгберт, младший брат моей жены, долго жил вместе с нами в Дрездене и Магдебурге, где он посещал школу. Моя жена его особенно любила, и мы относились к нему, как к сыну. Его молодая жена в то время жила у нас в Лигнице. Она, мать и моя жена долгие недели мучились безвестностью и беспокоились, так как долго ничего не было известно о том, что случилось с самолетом, который вел Эгберт, а также о судьбе его экипажа. Можно было только с уверенностью сказать, что он был сбит во время атаки эскадрильи, которой командовал Эгберт. Только после кампании во Франции я смог навести более точные справки. После долгих поисков обломки самолета были найдены в окрестностях Брюсселя. Расспросы местных жителей показали, что самолет был подбит (видимо, огнем зенитной артиллерии) при переходе в пикирующий полет. Двум членам экипажа удалось выпрыгнуть с парашютом. Один из них был убит бельгийскими солдатами еще в воздухе, другой после приземления. Мой шурин и четвертый член экипажа или погибли от зенитного огня, или разбились вместе с самолетом. Эгберт фон Лёш, одаренный

⁶⁴ Послевоенный анализ оперативной ситуации дает основание полагать, что риск контрудара с юга был значительно больше, нежели считал Манштейн. (Прим. ред.)

⁶⁵ Операция «Гельб», даже в том уродливом виде, в котором она была осуществлена, осталась одной из красивейших кампаний войны. Трудно, однако, не согласиться с автором мемуаров: первоначальный замысел был гораздо более емким и цельным, нежели воплощение. (Прим. ред.)

юноша, был особенно любим нами. Высокий стройный блондин с красивыми выразительными глазами, он имел очень привлекательную внешность. Его душа была открыта всему прекрасному и доброму – все это соединялось в этом человеке, который очаровывал всех, знавших его. Обладая высоким развитием, он был отличным офицером, любившим свое дело. На случай своей смерти он оставил следующее письмо в эскадрилье: *«Я прошу меня не оплакивать. Я – идеалист и умираю так же счастливо, как и жил. Более прекрасной для меня жизни на земле нет. Жаль только, что я больше не смогу служить Отечеству – и потерян для моей жены. Об этом я буду думать в последние минуты моей жизни».*

25 мая корпус получил задачу сменить 14-й танковый корпус, который генерал фон Клейст вместе с 9-й танковой и 2-й мотодивизией оставил для прикрытия своего тыла в нижнем течении Соммы, на участке Абвиль – Амьен. 27 мая смена была произведена.

К этому времени в нижнем течении Соммы не было устойчивых фронтов. 14-й танковый корпус вместе со 2-й мотодивизией (которую должна была сменить подходящая 57-я пехотная дивизия) удерживал плацдарм в районе города Абвиля на левом, южном берегу Соммы. 9-я пехотная дивизия имела такую же задачу у города Амьен. Между этими обоими городами на всем протяжении Соммы были только патрули.

Но и противник не был в состоянии выделить достаточно сил для создания нового фронта за нижним течением Соммы. Перед нашим плацдармом у Амьена стояла, по-видимому, одна французская колониальная дивизия и английские части, у Абвиля – одна английская дивизия.

Приказ гласил – удерживать плацдармы. 9-я танковая и 2-я моторизованная дивизия, которая должна была быть сменена у Абвиля, пока оставались в качестве подвижного резерва севернее Соммы. Но затем они, что было совершенно правильно, были сосредоточены для участия в решающих боях у побережья Ла-Манша.

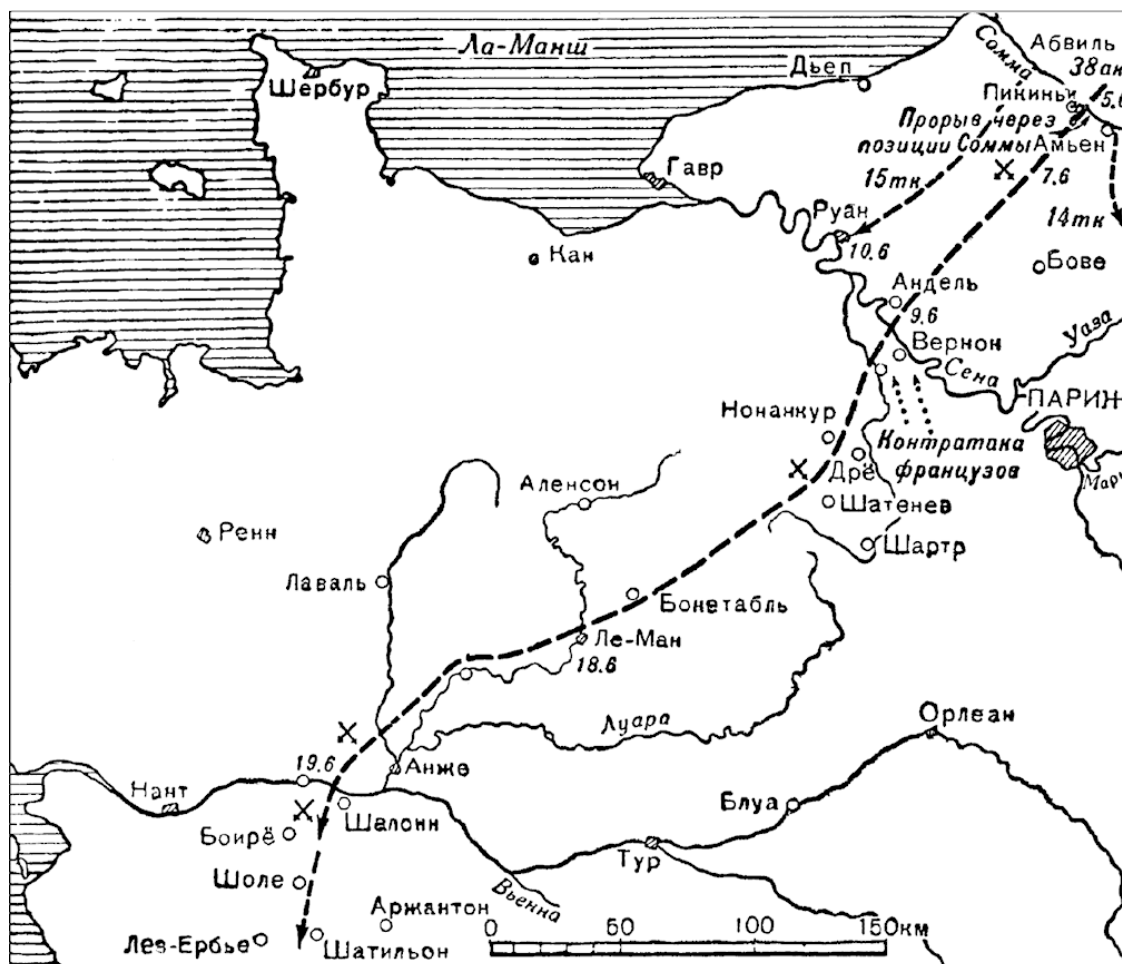
Генерал фон Витерсгейм, командующий 14-м танковым корпусом, сказал мне, передавая приказ, что он не ожидает каких-либо крупных операций противника. Через час после его отъезда прибыло донесение о сильных атаках противника на обоих плацдармах. На обоих участках появились также крупные танковые силы противника. К вечеру обе атаки были отбиты. У Амьена было подбито несколько тяжелых французских танков, у Абвиля – 30 английских легких и средних танков. Здесь только один солдат Брингфорт из расчета противотанкового орудия подбил 9 вражеских танков. Он был первым рядовым солдатом, награжденным по моему предложению Рыцарским крестом.

По моему мнению, вражеские атаки либо имели целью своими действиями на этом участке облегчить положение северного фланга, находившегося под угрозой окружения, либо это были попытки создать новый фронт на нижнем течении Соммы. Для нас возникал тот же вопрос, который я уже раньше ставил в связи с приказом Гитлера о 12-й армии. Надо ли было – как значилось в приказе – и на нижней Сомме вести оборонительные бои или следовало пытаться удержать инициативу в своих руках?

Оборонительная тактика, которая, по-видимому, была предписана 14-му танковому корпусу, дала бы противнику – в этом не было сомнения – возможность создать на нижней Сомме новый сильный фронт обороны. Кроме того, проблематичным было в этом случае и удержание плацдармов в районах Абвиля и Амьена, так как противник подтянул бы сюда силы. Обе мотодивизии, оставленные в качестве резерва севернее Соммы, очень мало подходили для действий на плацдарме. Их можно было не вводить сюда для укрепления обороны плацдармов. Для контратаки их можно было бы использовать только в том случае, если бы противник сжал наши плацдармы, разбил находящиеся там дивизии, а затем перешел Сомму.

Я не раз доказывал командующему 4-й армией, которой мы были подчинены, что мы теперь должны двумя мотодивизиями (или после их смены – двумя пехотными дивизиями) внезапно форсировать Сомму между обоими плацдармами с тем, чтобы охватить с флангов части противника, наступающие на плацдарм, и разбить их. Мне казалось, что лучше вести

корпусом маневренный бой южнее, то есть перед рубежом Соммы, до тех пор, пока не будет закончено сражение в северной Бельгии и можно будет продвинуть наш северный фланг через нижнюю Сомму. Наша цель должна была состоять в том, чтобы удержать этот участок и не дать противнику создать сплошной фронт на Сомме. В этом случае нельзя было отрицать, что при таком ведении операций корпус – поскольку он останется один южнее Соммы – может оказаться в трудном положении. Но надо было идти на этот риск, чтобы избежать в интересах дальнейшего ведения операции трудных боев против укрепившегося на Сомме противника.

Продвижение 38-го армейского корпуса от Соммы до Луары

К сожалению, командующий 4-й армией не принял эти наши неоднократно делавшиеся ему предложения. Он не дал нам для этой операции дивизий из второго эшелона, которые предназначались для форсирования реки (объяснялась ли его позиция собственным решением или решением ОКХ – мне неизвестно), и мы были вынуждены вести оборонительный бой на плацдармах. Следовательно, противник имел возможность создать сплошной фронт вдоль Соммы между нашими плацдармами. По обычным понятиям, известна оборона *позади* реки или же удержание прочных плацдармов *перед* ней. Но ни в каком учебнике нет сведений о том, что бой может вестись подвижно и перед рубежом реки.

В последующие дни противник продолжал свои атаки на оба плацдарма. У Амьена иногда создавалось серьезное положение. Однако, посетив войска, я убедился, что здесь все было в порядке. Особенно успешно отражал атаки 116-й пехотный полк (под командованием моего полкового товарища по 3-му гвардейскому полку, впоследствии генерала Герлейна).

Напротив, у Абвиля 29 мая возник серьезный кризис. 2-ю мотодивизию сменила здесь 57-я пехотная дивизия, проделавшая напряженные марши и не имевшая еще боевого опыта. Атака, предпринятая вскоре противником, поддержанная английскими танковыми частями, привела в результате на отдельных участках к прорывам и причинила нам большие потери, в том числе, как позже выяснилось, и пленными. Я сам выехал в Абвиль и вынужден был вернуть батальон, который оставил свои позиции на основании ложно понятого приказа и уже следовал через город. В конце концов дивизии удалось восстановить положение.

Так как генерал фон Клюге в создавшейся тяжелой обстановке предоставил на наше решение даже вопрос об оставлении плацдармов, он отклонил наше повторное предложение форсировать Сомму по обе стороны Абвиля силами вновь прибывших 6-й и 27-й дивизий с тем, чтобы взять в клещи наступающие там части.

Было ясно, что Главное командование намерено избегать всякого риска, пока не будет закончена битва в северной Бельгии и не сможет быть проведено «планомерное» развертывание сил против создаваемого сейчас неприятельского фронта.

Было также ясно, что противник использует это время, чтобы подтянуть резервы и создать новый фронт от конечного пункта линии Мажино в районе Кариньян до устья Соммы. Между Уазой и Маасом Гитлер сам упустил инициативу и тем самым облегчил противнику создание фронта по реке Эн. Наше командование теперь также отказалось от попытки обеспечить себе инициативу южнее Соммы.

Стремительный марш к Луаре

Если в первый период немецкого наступления на Западе, по существу, я был в роли наблюдателя, то, по крайней мере, во второй период я мог участвовать в наступлении в качестве командира соединения.

Все попытки побудить Главное командование разрешить нам наступление через Сомму, пока противник не построил и не организовал за рекой сплошную оборону, оказались напрасными. Эти первые дни июня были использованы для подготовки планомерного наступления, которое должна была начать утром 5 июня 4-я армия.

На участке по обе стороны Абвиля действовал 2-й армейский корпус (командир – генерал граф Брокдорф). Между ним и 38-м корпусом был выдвинут у Эльи 15-й танковый корпус генерала Гота. Плацдарм у Амьена со стоявшей там 9-й дивизией занял 14-й танковый корпус (командир – генерал фон Витерсгейм), который одновременно перешел в подчинение действующей слева армии. Таким образом, для 38-го корпуса осталась полоса наступления около 20 км по обе стороны от Пикиньи. В этой полосе в первом эшелоне первую атаку должна была предпринять 46-я Судетская пехотная дивизия (командир – генерал-майор фон Гаазе) справа, 27-я Швабская дивизия (командир – генерал-лейтенант Бергман) – слева. 6-я Вестфальская дивизия (командир – генерал-майор фон Бигелебен)⁶⁶ оставалась сначала во втором эшелоне с тем, чтобы войти в прорыв после форсирования реки дивизиями первого эшелона.

Местность на нашем северном берегу была слегка холмистой; она медленно понижалась к Сомме, не давала укрытия войскам в связи с отсутствием лесов, а прибрежная местность южнее реки круто поднималась вверх и позволяла противнику хорошо обозревать район наших исходных позиций. Сама долина Соммы, шириной в несколько сот метров, не позволяла просматривать обе передовые позиции благодаря зарослям кустарника на берегу реки. На южном берегу, в долине, расположились деревни Брельи, Эльи, Пикиньи и Дрель, которые, видимо, особенно прочно удерживались противником. Как и большинство французских деревень с их массивными домами и стенами, они были отличными опорными пунктами для обороняюще-

⁶⁶ Из этих трех опытных командиров дивизий генерал фон Гаазе был казнен после 20 июля 1944 года, генерал Бергман погиб на Востоке, генерал фон Бигелебен умер во время войны. (Прим. авт.)

гося. На возвышенности, которая находилась на южном берегу и уходила в глубину оборонительной полосы противника, деревни и большие леса также создавали противнику выгодные условия для закрепления и укрывали его артиллерию.

В полосе корпуса стояли две французские дивизии, одна дивизия колониальных войск и 13-я Эльзасская пехотная дивизия. По данным разведки, необходимо было считаться с тем, что противник располагал не меньшим количеством артиллерии, а, может быть, даже и превосходил нас. В связи с таким характером местности и соотношением сил я полагал, что успеха в наступлении быстрее всего можно достичь путем использования момента внезапности. Поэтому штаб корпуса приказал собственной артиллерии не открывать огня вплоть до начала атаки. Мы отказались также от огневой подготовки атаки. Только после начала атаки предусмотрено было открытие сильного огня по высокому южному берегу и по расположенным в долине деревням, чтобы исключить всякое сопротивление оттуда при форсировании реки.

Пехота обеих дивизий, снабженная надувными лодками, понтонами и штурмовыми мостиками, в ночь перед атакой была выдвинута в прибрежный кустарник на нашей стороне реки. На рассвете она должна была внезапно форсировать реку, обходя деревни. Форсирование на рассвете 5 июня полностью удалось на всем фронте благодаря внезапности. Только потом противник оказал сопротивление на высоком берегу реки и в расположенных около реки деревнях. Противник сражался мужественно: африканцы – с присущими им жаждой крови и презрением к жизни, а эльзасцы – так упорно, как только можно ожидать от этого аллеманского племени, которое в Первую мировую войну дало много хороших солдат, сражавшихся на немецкой стороне. Действительно, было трагедией встретиться тогда с этими юношами как с врагами. Когда я беседовал с пленными, многие из них не без гордости рассказывали, что их отец служил в германской армии, гвардии или кайзеровском флоте. Я вспоминал тогда многих эльзасских рекрутов, которых я сам обучал в 3-м гвардейском полку и которые в большинстве своем были отличными солдатами – как, например, мой бывший дальномерщик, ефрейтор Дешан.

Начало атаки я наблюдал на командном пункте корпуса в небольшом лесу сравнительно близко от фронта. Как только стало ясно, что форсирование реки везде прошло удачно, я переместился вперед. Начался бой за овладение господствующим высоким берегом реки и деревнями около реки, которые надо было взять с тыла. Примечательной была сравнительно слабая активность артиллерии противника, что отнюдь не соответствовало числу засеченных нами батарей. Очевидно, французская артиллерия еще сильно жила опытом позиционной войны. Ее огонь был недостаточно маневренным, и она не могла или была почти не в состоянии в соответствии с требованиями маневренной войны быстро сосредоточить сильный огонь. Она не использовала в такой степени, как мы, действий выдвинутых вперед наблюдателей и не имела подразделений, которые можно было бы сравнить с нашими дивизионами АИР (артиллерийской инструментальной разведки). И в этом случае победитель, очевидно, слишком долго почивал на своих лаврах. Во всяком случае, для нас было приятной неожиданностью то обстоятельство, что деятельность неприятельской артиллерии была не такой, какой она была в условиях позиционной войны в Первую мировую войну.

Все же продвижение через долину Соммы было небезопасным, так как наведенный нами мост был в сфере действия огня противника из деревни Брельи. Однако я благополучно добрался до 63-го пехотного полка 27-й дивизии, который под командованием отличного командира, полковника Грейнера, только что овладел, хотя и со значительными потерями, высоким берегом. Замечательным было поведение раненых, которые под защитой мертвого пространства, образуемого высоким берегом, ожидали пока еще не прибывшего транспорта. Затем я вновь переправился через Сомму и по другой переправе добрался к 40-му полку той же дивизии, действовавшему на левом фланге корпуса. Он залег в это время у леса около Нейли, который находился в полосе наступления соседнего 14-го танкового корпуса и еще удержи-

вался противником. Здесь, к сожалению, мы понесли немалые потери, так как полк обстреливался с тыла из удерживаемого противником населенного пункта Эльи. Все же мы овладели также и господствующими над долиной реки высотами.

Действовавшая справа 46-я пехотная дивизия также удачно форсировала реку и овладела высоким берегом. Итак, можно было быть довольным результатами первого дня наступления, хотя бои за населенные пункты и затянулись до ночи.

От соседнего корпуса нам стало известно, что 15-й танковый корпус также форсировал реку. Правда, его дальнейшее продвижение еще долго задерживалось противником, стойко оборонявшим крупный населенный пункт Эррейн. В результате этого противнику удалось блокировать столь необходимые для автомашин дороги.

Левый сосед, 14-й танковый корпус, который наступал с плацдарма в районе Амьена после артиллерийской подготовки, не смог развить наступление танков, очевидно, ввиду наличия здесь больших минных полей противника. В дальнейшем корпус был повернут на юг, так что наше продвижение проходило затем без связи с ним.

Наступление 5 июня, кроме овладения высоким берегом реки, дало также такой выигрыш пространства южнее Соммы, что ночью были переброшены через реку первые батареи. Но оставалось еще неясным, разбит ли противник или же он будет пытаться организовать упорную оборону в глубине своей позиции. В такой ситуации донесения, могущие прояснить этот важнейший вопрос, обыкновенно отсутствуют. Туман неизвестности – единственное, что есть на войне всегда, – скрывал от нас обстановку и намерения врага.

Неосторожное продвижение вперед может принести тяжелое поражение. С другой стороны, потеря нескольких часов может дать противнику возможность организовать новую оборону, которую затем снова придется прорывать с тяжелыми потерями.

Военачальнику, который в такой обстановке будет ждать, пока надежные донесения не прояснят ему положение, вряд ли улыбнется военное счастье. Он упустит выгодный момент. По этой причине ранним утром 6 июня я уже был на выдвинутом на южный берег Соммы командном пункте 46-й дивизии. Конечно, после напряжения вчерашнего дня войска еще не совсем пришли в себя. Я указал на необходимость незамедлительно начать преследование, так как дивизия, по-видимому, не имела непосредственного соприкосновения с противником. Затем я поехал вперед, приказав двинуться подразделениям полка 42-й дивизии, которые не имели приказа, хотя перед ними слышался шум боя, и прибыл в правофланговый полк корпуса. Полк, собственно, был готов к наступлению, но хотел выждать результатов артиллерийского обстрела лежащей впереди деревни Куази, прилегающих высот и опушек леса. Разведывательных сведений о противнике не было. Так как я предполагал, что ни деревня, ни высоты, ни опушки леса не заняты противником, я приказал командиру немедленно выступить широким фронтом, но в расчлененных боевых порядках. Если противник действительно находится перед фронтом, он обнаружит себя и будет подавлен артиллерией. При наступлении в указанном мною порядке не надо было опасаться больших потерь.

Так как командир, очевидно, сомневался в правильности моего мнения, я сам поехал вперед на своей легковой машине. Мы достигли въезда в деревню Куази и натолкнулись на баррикаду, которую никто, однако, не защищал. Из деревни доносились одиночные выстрелы, очевидно, отставших солдат. После короткой разведки мы въехали в деревню, которую противник оставил, так же, как и прилегающие высоты, и опушку леса. С этими сведениями я вернулся в полк, который к этому времени уже выступил, и рекомендовал ему в будущем самому производить разведку. Естественно, командир корпуса существует не для того, чтобы изобрать из себя разведывательный дозор. В данной обстановке, однако, был необходим яркий личный пример – тем более что войска еще не знали меня, и я был уверен, что предварительным условием действительного преследования является инициатива начальников. Особую

радость доставил мне восторг моего адъютанта обер-лейтенанта фон Швертнера и моего молодого водителя фельдфебеля Нагеля, вызванный нашим случайным разведывательным рейдом.

Вечером я побывал в двух полках 27-й дивизии, которые наступали на деревню Сейсмон. Несколько неожиданно я остановился на переднем крае у одного командира роты. После того как он информировал меня об обстановке, он счел уместным в свою очередь воспользоваться присутствием высокого начальника. Я должен был, лежа на животе, разложить мою большую карту и подробно информировать его об общей обстановке, насколько я ее сам знал. Только после того, как я утолил его жажду знаний, я смог поехать обратно, взяв одного раненого, который также горячо интересовался моей информацией об обстановке. К счастью, обратный путь был недолог, так как командный пункт корпуса был перенесен за это время ближе к фронту в лес.

7 июня была введена в бой на правом фланге корпуса 6-я пехотная дивизия, которая еще за день до этого выдвинулась на южный берег Соммы. Бравые вестфальцы, которые всегда были хорошими солдатами, показали замечательное стремление к продвижению вперед. Когда я утром прибыл в эту дивизию, я узнал, что сильно пересеченный участок Пуа, который мог быть хорошим прикрытием для противника, был преодолен, городок Пуа уже взят, а полк стремительно наступал на деревню, расположенную по ту сторону этого участка. Правда, Пуа и дороги, ведущие в этот городок, находились под довольно неприятным воздействием огня дальнобойной артиллерии противника. Несколько развеселил нас один водитель машины с боеприпасами, который во время обстрела дороги искал укрытия под своей машиной, нагруженной снарядами.

Вечером я вновь был в одном полку 46-й дивизии, который располагался еще перед рубежом реки Пуа. Но и здесь удалось к вечеру оставить этот рубеж позади, после того как было обеспечено необходимое взаимодействие с тяжелым оружием и артиллерией, взаимодействие, которое здесь сначала было плохо организовано.

27-я дивизия, которой пришлось вести самые тяжелые бои, была отведена во второй эшелон, так как преследование развивалось в хорошем темпе. Ее должна была сменить на левом фланге корпуса только что приданная ему 1-я кавалерийская дивизия.

8 июня продолжалось преследование, причем темп снова задавали вестфальцы. 46-я дивизия донесла о 100 вражеских танках, против которых вылетели штурмовики. Однако захватить эти танки, используя налет штурмовиков, не удалось. Они скрылись, хотя при более решительных действиях их можно было взять трофеями.

Ход боев 7 и 8 июня дал возможность командованию корпуса судить о том, что разбитый противник не в состоянии оказывать сопротивление, кроме как на непродолжительное время и на отдельных участках. Можно было предполагать, что противник стремится спасти оставшиеся силы, отведя их за Сену. За нижним течением этой реки он будет, вероятно, пытаться снова организовать сопротивление, используя еще оставшиеся резервы. Корпус должен был, следовательно, сделать все, чтобы быстрыми действиями форсировать Сену, прежде чем враг найдет время и возможность организовать оборону реки. Хотя корпус к вечеру 8 июня был еще в 70 км от Сены, командование корпуса отдало приказ дивизиям первого эшелона не только достичь 9 июня Сены своими моторизованными передовыми отрядами, но и форсировать ее. Основная часть пехоты и артиллерии на конной тяге должна была быстрым маршем следовать за моторизованными передовыми отрядами с тем, чтобы на следующий день также достичь Сены. 6-я дивизия должна была форсировать Сену у Анделя, 46-я дивизия – у Вернона.

От войск требовалась чрезвычайная выдержка: четыре дня подряд вести бои и преследование. На войне бывают моменты, когда высший командир должен ставить самые жесткие требования войскам, если он не хочет упустить благоприятного случая, в результате чего войскам пришлось бы дорого заплатить за то, что было упущено.

В данном случае в пользу быстрых действий говорили также оперативные соображения. Французы, видно, были еще полны решимости защищать Париж. Большие силы противника занимали позиции вокруг Парижа, проходившие севернее города от Уазы до Марны. Если бы удалось быстро форсировать Сену ниже Парижа, судьба этих позиций была бы предрешена, так как войскам, занимавшим эти позиции, ничего не оставалось, как только быстро эвакуироваться из Парижа, если они не хотели подвергнуть себя опасности быть отрезанными. Обстановка, следовательно, диктовала командованию корпуса предъявить войскам высокие требования. Она требовала от командиров всех степеней смелой инициативы и быстрого принятия решений. Необходимо было использовать такую благоприятную ситуацию.

9 июня с раннего утра до позднего вечера я все время разъезжал, чтобы обеспечить выполнение поставленной задачи обеими дивизиями первого эшелона. С радостью я мог установить, что наши пехотинцы, несмотря на предшествовавшее напряжение, бодро прилагали все силы, чтобы достичь цели – Сены.

Несмотря на это, не все, конечно, шло гладко. В 6-й дивизии, правда, все шло хорошо. Рано утром я встретился с обоими командирами дивизий, а затем посетил 46-ю дивизию. Когда я затем в полдень прибыл на место переправы 6-й дивизии у Анделя, я установил, что передовые отряды уже достигли Сены. Находившийся там штаб дивизии принял меры для предполагаемого вечером форсирования реки. К сожалению, мост был взорван противником еще до того, как передовой отряд достиг места переправы. Живописно расположенный на высокой скале городок Андель пылал от налета штурмовиков, чего мы в данной обстановке никак не могли желать в качестве извещения о нашем прибытии.

В 46-й дивизии создались, однако, некоторые трудности. Прежде всего дивизия начала наступление на 3 часа позже назначенного срока. Когда я после посещения 6-й дивизии вновь прибыл в 46-ю дивизию, она потеряла всякую связь со своим передовым отрядом, который, во всяком случае, не достиг еще Сены, как этого сумел добиться передовой отряд 6-й дивизии. Когда я ехал опять в 6-ю дивизию, мне ничего не оставалось, как дать понять командиру 46-й дивизии, что я хочу встретиться с ним вечером на его переправе у Вернона. Я сказал ему, что он должен прибыть туда, по крайней мере, со своим потерянным передовым отрядом.

Возвращаясь снова в Андель, я увидел, что переправа через Сену в трех местах идет полным ходом при слабом сопротивлении противника. Пехота и артиллерия на конной тяге сделали все, чтобы в этот день своевременно достичь Сены.

Когда я около 7 часов вечера прибыл в Вернон, то действительно застал там командира 46-й дивизии со своим передовым отрядом. К сожалению, и здесь противник успел разрушить мост. Так как с южного берега Вернон обстреливался сильным минометным огнем, я приказал передовому отряду переправиться ночью под прикрытием темноты.

При таком стремительном преследовании я не мог использовать прибывшую в корпус 1-ю кавалерийскую дивизию так, как я этого хотел. Она еще была далеко и была подчинена мне армией с ясным указанием ввести ее для прикрытия левого фланга армии у Парижа на Уазе. Впрочем, дивизия донесла мне, что еще далеко от моих передовых дивизий – ее атаковали крупные танковые силы врага. Ясно, речь шла о танках, которые ранее скрылись от 46-й дивизии и действовали теперь в нашем тылу на фланге.

Когда я вновь после короткой ночи 10 июня прибыл в Вернон, первые части 46-й дивизии уже переправились через реку. Так 38-й армейский корпус первым вышел на южный берег Сены. Войска могли по праву гордиться проведенным ими преследованием. Я был счастлив, что благодаря быстрым действиям корпуса мы избежали, может быть, тяжелых боев за переправу через Сену.

Но положение корпуса все еще было не из легких. Он один стоял на южном берегу Сены. Действовавший справа от него 15-й корпус достиг Сены у Руана только 10 июня, то есть днем позже, и был повернут на Гавр. Следовавший за ним 2-й армейский корпус был еще далеко

от Сены. На левом фланге совершенно неясна была обстановка в районе Парижа, о гарнизоне которого ничего не было известно. К тому же 38-й армейский корпус нуждался еще в двух днях, чтобы переправить через реку все свои силы. Легкие понтонные мосты, наведенные у Анделя и Вернона, были все время объектом неоднократных налетов английской авиации, которой удалось на некоторое время вывести из строя мост у Вернона. Если бы вражеское командование располагало на этом фланге какими-либо резервами, если бы оно проявило инициативу, то оно могло бы атаковать изолированно расположенный южнее реки 38-й армейский корпус.

Командующий 4-й армией, генерал-полковник фон Клюге, сообщил мне в начале наступления, что оперативная задача армии, полученная от ОКХ, заключается в том, чтобы «захватить плацдармы южнее Сены». Хотя Главное командование не намерено было искать решения этой второй фазы французской кампании в духе плана Шлиффена – путем выдвижения вперед сильного северного фланга для глубокого охвата западнее Парижа, как в свое время было предложено мною, а собиралось осуществить – как это теперь ясно, с большим успехом – удар массированных танковых сил восточнее Парижа на юг, указанная 4-й армии задача была слишком скромна. Даже если собирались искать решения в результате нанесения удара восточнее Парижа и, следовательно, прорыва группы армий «Ц» через линию Мажино, а наступление группы армий «Б» к нижней Сене должно было представлять собою вспомогательные действия, то все же было необходимо удержать инициативу и на внешнем фланге. Группа армий «А» начала наступление через Эн только 9 июня. Было еще трудно предвидеть, принесет ли ее удар действительно желаемый решающий успех. Кроме того, надо было предполагать, что противник, имея в виду как раз план Шлиффена, знал об опасности глубокого охвата через нижнюю Сену и принял свои контрмеры. Тем более важно было удержать инициативу и на правом фланге и не дать противнику времени развернуться здесь для обороны или для наступления. Если, следовательно, по моему мнению, оперативная задача 4-й армии требовала немедленного продолжения наступления южнее Сены, то и 38-му армейскому корпусу, казалось мне, не следовало выжидать на плацдарме до тех пор, пока противник не сосредоточит против него превосходящие силы.

Я запросил согласия армии начать наступление на юг сразу после того, как корпусная артиллерия будет переброшена через реку, вместо того, чтобы, как было приказано, удерживать плацдарм, который корпус расширил за это время до реки Эр. 27-я пехотная дивизия заранее была выдвинута на южный берег Сены. 11 июня я попросил разрешения перебросить на южный берег Сены также и 1-ю кавалерийскую дивизию, укрепившуюся на Уазе и одержавшую в этот день прекрасную победу над упоминавшимися раньше танками. В данной обстановке мне казалось совершенно естественным, чтобы единственная наша кавалерийская дивизия была первой и в преследовании. Я предполагал выдвинуть ее впереди корпуса с задачей быстро перерезать с юго-востока железные дороги и шоссе, ведущие в Париж.

К сожалению, мои предложения отклонили. Мне сообщили, что армия ждет указаний о дальнейшем наступлении. 1-я кавалерийская дивизия была затем у меня отобрана и переподчинена 1-му армейскому корпусу, находившемуся во втором эшелоне, с тем, чтобы она могла при любых обстоятельствах по-прежнему прикрывать севернее Сены фланг на Уазе. Так, к моему сожалению, эта прекрасная дивизия не получила задачу, которая так подходила именно ей!

Вечером 11 июня произошли два события, которые, по моему мнению, подтвердили правильность наших соображений. В расположении 58-го полка 6-й дивизии был сбит летчик, у которого был найден приказ, содержавший данные об отступлении противника на широком фронте. Следовательно, необходимо было следовать за ним по пятам. С другой стороны, 46-я дивизия донесла, что против нее ведется крупная танковая атака – признак того, что наше пребывание южнее Сены было явно очень неприятным для противника. Дальнейшее наше выживание могло не усилить для него эту неприятность, а только ее уменьшить.

Утром 12 июня 46-я дивизия, только что отбившая с большими для себя потерями атаку, донесла, что противник сосредоточивается перед ее фронтом, и срочно просила помощи (в донесении говорилось о 110 вражеских танках). Я решил на свой страх и риск начать наступление всеми тремя дивизиями. Но едва только я отдал приказ, как появился командующий армией. Хотя он и одобрил мое намерение, но полагал все же, что ввиду отсутствия новых оперативных указаний от ОКХ лучше подождать. Он был озабочен, конечно, главным образом тем, что мой корпус будет действовать впереди один. Поэтому он отдал строгий приказ не продолжать наступление за линию Эвре – Паси – приказ, который еще раз был подтвержден для верности в вечернем приказе по армии.

Наступление 27-й дивизии, действовавшей слева, проходило успешно, 46-я же дивизия донесла, что она не может выступить. На южном берегу она не имела в достаточном количестве артиллерии, боеприпасов, продовольствия. Она, правда, должна была отражать атаки танков, но их было всего 50–60.

В следующие дни бой опять принял характер преследования. 13 июня 2-й армейский корпус справа от нас также форсировал Сену. В этот день наш штаб разместился в небольшом замке, который принадлежал известной писательнице Колетт Дарвиль. К сожалению, она отсутствовала. Я переночевал в ее спальне, которая одновременно служила салоном, была очень элегантно обставлена и по старым традициям имела собственную дверь в парк. Мы с удовольствием воспользовались бассейном в парке.

14 июня нас посетил командующий сухопутными силами. Я сообщил ему об успехах корпуса, что он принял к сведению, но ничего не сказал о дальнейших целях.

15 июня генерал-полковник фон Клюге сообщил мне, что армия теперь должна овладеть городом Ле-Ман. Необходимо стремительно преследовать противника, не ожидая соседей. Для нас – не новая мудрость!

16 июня дивизии корпуса снова натолкнулись на линии Ферте – Видам – Сенонш – Шатенёв на организованное сопротивление. Это были части 1-й, 2-й и 3-й механизированных дивизий, которые действовали во Фландрии, были эвакуированы из Дюнкерка и снова выгружались в Бресте. Кроме того, вновь появились части двух колониальных бригад (спаги) и одной марокканской дивизии. Вечером сопротивление противника было сломлено. И здесь прекрасное впечатление оставили части 6-й дивизии, которые я посетил при объезде всех дивизий. Вечером мы получили от армии приказ, где нам указывалось направление – Ле-Ман, Анжер на Луаре. 1-й армейский корпус должен выдвинуться слева от нас, и 46-я дивизия должна быть передана ему. 15-й танковый корпус, за исключением одной дивизии, которая должна была овладеть Шербуром, получил направление на нижнюю Луару с тем, чтобы «образовать там плацдармы». Вот в чем, оказалось, заключался оперативный план.

17 июня стало известно об отставке Рейно и о назначении старого маршала Петэна. Должен ли был он организовать сопротивление – или политики хотели предоставить старому заслуженному солдату Первой мировой войны право подписать капитуляцию?

Поступивший 18 июня приказ фюрера требовал самого энергичного преследования, что для нас тоже не было новостью. Далее в нем требовалось быстрое занятие «старых имперских областей Туль, Верден, Нанси», заводов Крезе, портов Брест и Шербур. Мы совершили форсированный марш, в котором один полк прошел 78 км. Моторизованный передовой отряд под командованием полковника Линдемана достиг района западнее Ле-Ман. Я переночевал в замке Бонетабль средневековой роскошной постройки. Впереди, за валом с подъемным мостом – фронтальная стена с четырьмя большими башнями со стенами толщиной в три метра. Сзади – двор, в углах которого также возвышались две башни. Наряду с замками на Луаре, которые мне вскоре пришлось увидеть, это было самое великолепное строение, которые я видел во Франции. Внутреннее убранство также было великолепным, в замке еще находилась часть прислуги. Владелец замка, господин Рошфуко, герцог Дуденский, к сожалению, бежал.

Утром 19 июня, чтобы попасть в передовой отряд Линдемана, я проехал 50 км, не увидев ни одного немецкого солдата. Я прибыл в Ле-Ман, куда 70 лет назад в качестве победителя вступил мой дед, и осмотрел там великолепный собор. По дороге мне встречались отряды французских солдат, которые двигались на восток без оружия, и целый артиллерийский дивизион со всеми орудиями и машинами, сдавшийся Линдеману. Армия противника явно начала распадаться. Несмотря на это, отряд Линдемана задержался перед участком реки Майенн у Лион-Анжер. На противоположном берегу были обнаружены вражеские пулеметы, обстреливавшие мост, и танки. Линдеман тщетно пытался подавить их одной батареей 100-мм орудий, бывшей в его распоряжении. Я направился в сторону от моста на передний край у реки и выяснил, что, очевидно, в стороне от моста вообще не было противника или здесь были очень небольшие силы. Я порекомендовал одному командиру роты, который, по-видимому, выжидал на берегу, оставит ли противник мост, форсировать реку ниже по течению. Если он захочет, я буду его сопровождать. Это предложение подействовало. Через некоторое время солдаты роты, раздевшись, прыгнули в реку, переплыли ее и без всяких потерь достигли берега. Мост, на подступах к которому, к сожалению, уже лежали убитые, был захвачен! Я оставался еще в передовом отряде, пока он не начал продвижения на противоположном берегу, и затем возвратился на свой командный пункт. Все же противник несколькими танками и пулеметами держал отряд на Майенне 8 часов. Сразу же по прибытии на командный пункт я отослал моего первого адъютанта обер-лейтенанта Графа вновь к Линдеману со строгим приказом передовому отряду еще ночью перейти Луару. Действительно, он застал этот отряд готовящимся перейти на отдых на этом берегу. Адъютант добился, однако, того, что отряд перешел реку ночью, причем он сам сел в первую надувную лодку.

Ночью на КП корпуса прибыли донесения от обеих дивизий о том, что передовые отряды переправились через Луару. Я тотчас же выехал вперед и был поражен величиной реки, которая на западной переправе у Инград была около 600 метров ширины и имела сильное течение. На высоком мосту были взорваны два пролета. В этом промежутке надо было навести понтонный мост, причем ввиду разницы в высоте в 9 м пришлось использовать крутые сходни. Позже было страшно трудно съехать по этим сходням на автомашине. Во всяком случае, тяжелые машины надо было перевозить на паромках, что было довольно трудно при такой ширине реки, сильном течении и наличии множества отмелей.

У другой переправы около Шалонна дело было проще, поскольку река здесь разделялась на три рукава. Мосты через оба северные рукава оказались в наших руках невредимыми, в связи с этим надо было навести мост только через последний рукав шириной 160 метров. Здесь я наблюдал своеобразную дуэль. Утром французские солдаты показывались на том берегу только невооруженными. К вечеру же перед обоими мостами появились тяжелые танки. Наши части, выдвинутые на тот берег, не смогли их сдержать, так как орудия и зенитная артиллерия еще не могли быть переброшены туда. Так, на переправе у Шалонна я увидел, как одновременно на нашей стороне изготовилось к открытию огня 88-мм зенитное орудие, а на другой стороне – тяжелый танк, и оба одновременно открыли огонь. К сожалению, наше орудие было тотчас же подбито. В тот же момент, однако, появилось наше легкое противотанковое орудие, которое удачным попаданием в самое уязвимое место неприятельского 32-тонного танка⁶⁷ подожгло его.

Вечером я остановился в замке Серран, расположенном недалеко от Шалонна. Это было огромное роскошное здание, окаймленное мощными башнями и подковой окружавшее парадный двор. Вокруг замка был устроен ров. Замок принадлежал герцогу Тремуй, принцу Тарент-

⁶⁷ Имеется в виду французский тяжелый танк В-1 (В-1bis) с 60-мм броней и двумя пушками (47 и 75 мм). Однако, судя по исходу дуэли, немецким артиллеристам противостояла более легкая машина – скорее всего, средний «Сомуа» S-35, имевший схожий силуэт. (Прим. ред.)

скому. Это одно из самых видных имен старой Франции. Последний титул герцоги унаследовали около 1500 лет назад, породнившись с фамилией Анжу в Неаполе. Но им не удалось там попасть на трон, которым завладел Фердинанд. Один из членов семьи Тремуй вместе с Байаром были единственными лицами, имевшими титул «рыцаря без страха и упрека». В замке хранилось, особенно в чудесной библиотеке, много исторических документов еще тех времен, когда его владельцы были сторонниками Стюартов. Весь нижний этаж был, однако, недоступен, так как здесь была сложена, как и в других замках, мебель из королевского дворца в Версале. Сам я поместился в одной из комнат в башне, на верхнем этаже, которая была устроена как салон для «grand lever»⁶⁸ с великолепной кроватью под восьмиметровым балдахином. Рядом находилась роскошная комната для одевания с чудесным потолком в своде. Замок, отделанный с фасада белым камнем и имевший четыре огромные башни из серого камня, был расположен в огромном парке. Великолепная парадная лестница со сводчатым потолком в стиле ренессанса вела в залы первого этажа, чудесно украшенные картинами и гобеленами. Понятно, что здесь, как и во всех других местах, мы внимательно относились к чужой собственности и бережно с ней обращались.

К 22 июня нам удалось переправить на южный берег Луары 6-ю и 27-ю дивизии. Передовые отряды продвинулись еще глубже. Много французских солдат сдавалось в плен.

23 июня мы получили известие о том, что за день до этого было подписано перемирие в Компьенском лесу. Кампания во Франции окончилась. В своем приказе по корпусу я поблагодарил подчиненные мне дивизии, которые «не защищал ни один танк и не везла ни одна машина»⁶⁹, за их самопожертвование, героизм и успехи. Они смогли благодаря успешному наступлению организовать преследование на глубину 500 км, которое по праву носит название «марш-бросок» к Луаре.

«Колесо истории повернулось». Но от Компьена 1918 года до Компьена 1940 года лежал длинный путь. Куда он поведет нас дальше?

Глава 7. Между двумя кампаниями

ОКХ готовит частичную демобилизацию. Заседание рейхстага в Берлине. «Что же теперь?» Отсутствие военного плана. Победа над Англией при помощи воздушной и морской войны? Борьба за Средиземное море? Вторжение на Британские острова? Была ли осуществлена операция «Морской лев»? Причины отказа от вторжения. Запоздалое решение, незначительные успехи в «битве за Англию». Политическая позиция Гитлера по отношению к Великобритании. Огромный риск войны на два фронта.

День победы над Францией искупил для Германии черный день поражения 11 ноября 1918 года, зафиксированного в салон-вагоне маршала Фоша в Компьене. Теперь Франция должна была подписать свою капитуляцию в том же месте, в том же вагоне. 22 июня 1940 года Гитлер достиг вершины своей славы. Франция, чья военная мощь с 1918 года была угрозой для Германии, – как уже раньше восточные сателлиты Франции, перестала существовать как противник империи. Англия была изгнана с материка, хотя и не окончательно разбита. Хотя на востоке Советский Союз – теперь сосед немецкой империи, – несмотря на Московский договор, представлял скрытую опасность, вряд ли можно было предполагать, что он в связи с германскими победами над Польшей и Францией собирался начать агрессию в ближайшее

⁶⁸ Церемония утреннего туалета королевы. (Прим. ред.)

⁶⁹ Очень характерный момент – то, что германскому пехотинцу приходилось наступать в пешем строю, а не ехать на грузовике или бронетранспортере, Манштейн подает как особую трудность. Что же касается танков, то по тогдашним тактическим взглядам германской армии они ни при каких обстоятельствах не должны были использоваться для непосредственной поддержки пехоты. (Прим. ред.)

время. Если Кремль в то время и намеревался использовать то, что Германия была связана на Западе, для расширения своей экспансии, то для таких действий он, видимо, упустил момент. Очевидно, и в Москве не рассчитывали на такие быстрые и полные победы немецкой армии над союзными армиями западных держав.

Если немецкая армия достигла таких успехов в Польше и Франции, то это объяснялось не тем, что ее командование готовило реванш с первых дней после Компьена. Вопреки всем утверждениям враждебной нам пропаганды, совершенно ясно, – если здраво оценивать опасность, которая могла угрожать империи в случае войны, – что немецкий Генеральный штаб в период между 1918 и 1939 годами не преследовал цель развязать агрессивную или реваншистскую войну, а стремился к обеспечению безопасности государства. Правда, военное командование в конце концов отдало себя в распоряжение Гитлера – после его ошеломляющих политических успехов. Можно также сказать, что оно признало примат политики, которой оно не одобряло и которую оно могло – если такая возможность вообще существовала – предотвратить только с помощью государственного переворота.

В завоеванных нами победах решающим, впрочем, не были масштабы перевооружения Германии, которое Гитлер форсировал всеми средствами. Конечно, принимая во внимание разоружение Германии, навязанное ей Версальским диктатом, это перевооружение было предпосылкой всякого успешного ведения войны (даже и в случае оборонительной войны). Однако в действительности немецкая армия не могла выставить в войне такие же превосходящие силы, как это мог сделать Советский Союз в отношении сухопутных сил, а западные державы – в отношении авиации. В действительности армии западных держав в отношении численности дивизий, танков и артиллерии были равны немецкой армии, а частично даже превосходили ее. Не *военный потенциал* был решающим моментом в кампании на Западе, а высокая подготовка немецких войск и лучшее руководство ими. Немецкая армия кое-чему научилась с конца Первой мировой войны и снова вспомнила незыблемые законы военного искусства.

После заключения перемирия ОКХ сначала приняло меры, имевшие целью проведение демобилизации значительной части дивизий. Одновременно несколько пехотных дивизий должны были быть переформированы в танковые или моторизованные дивизии.

Штаб 38-го армейского корпуса был сначала переведен в район Сансер на средней Луаре с тем, чтобы руководить здесь переформированием этих нескольких дивизий. Итак, мы сменили чудесный замок Серран, наполненный историческими воспоминаниями, на маленький замок, который построил себе известный фабрикант Куантре на вершине крутого холма, возвышающегося над долиной Луары. Наш новый дом должен был изображать старую крепость и отличался безвкусицей, которой обычно отличаются всякие подражания. Стоявшая рядом с жилым домом башня, подделанная под развалины древней крепости, никак не изменяла положения. Маленькие пушки, стоявшие на террасе, не создавали впечатления военных трофеев, на что надеялся владелец, фабрикант ликера. Прекрасным был лишь вид, открывавшийся с вершины горы на широкую плодородную долину Луары. Характерным для вкуса этого выскочки – владельца замка – была большая картина, висевшая в его рабочем кабинете. На ней были изображены сидящие за круглым столом коронованные правители Европы начала века – наш кайзер, старый император Франц-Иосиф, королева Виктория и др. Они были изображены так, как будто Куантре уже немного подпоил их. Над ними же возвышался у стола владелец, с триумфом поднимавший над застольной компанией бокал ликера фирмы Куантре. Единственное изменение, которое мы сделали в этом «замке», заключалось в том, что мы сняли эту пошлую мазню.

19 июля все высшие руководители армии были вызваны в Берлин для участия в заседании рейхстага, где Гитлер провозгласил окончание западной кампании. На этом заседании он выразил благодарность нации путем оказания почестей высшим военным руководителям. Размах этих почестей говорил о том, что Гитлер считал войну уже выигранной.

Хотя немецкий народ, безусловно, принял оказание почестей заслуженным солдатам как вполне естественное явление, все же по своей форме и размерам эти почести – так, по крайней мере, восприняли мы, солдаты армии – выходили за рамки необходимости.

Если Гитлер дал одному звание гросс-адмирала, а двенадцати другим звание фельдмаршала, то это лишь наносило ущерб значимости такого ранга, который привыкли считать в Германии самым высшим чином. До сих пор было принято, что условием получения такого отличия было (если не считать фельдмаршалов, назначенных императором Вильгельмом II в мирное время) самостоятельное руководство кампанией, выигранное сражение или завоеванная крепость.

После польской кампании, в которой эти условия выполнили командующий сухопутными силами и командующие обеими группами армий, Гитлер не считал возможным выразить свою благодарность армии произведением их в ранг фельдмаршалов. Теперь же он сразу создал дюжину фельдмаршалов. Среди них, наряду с командующим сухопутными силами, который провел две блестящие кампании, был и начальник Главного штаба вооруженных сил (ОКВ), который ничем не командовал и не занимал должность начальника Генерального штаба. Далее, здесь же оказался статс-секретарь по делам воздушного флота, который – каковы бы ни были его способности – никак не мог быть приравнен к командующему сухопутными силами.⁷⁰

Резче всего позиция Гитлера проявилась в том, что он выделил командующего военно-воздушными силами Геринга, назначив его рейхс-маршалом и наградив только его одного Большим крестом к Железному кресту, не отметив таким же образом командующих сухопутными и военно-морскими силами. Такая форма распределения почестей могла рассматриваться только как сознательное принижение роли командующего сухопутными силами – так об этом свидетельствуют факты. В этом слишком ясно проявилось отношение Гитлера к ОКХ и оценка им его деятельности.

В день заседания рейхстага я узнал, что наш корпус должен получить новую задачу. Мы были переброшены к побережью пролива в целях подготовки к вторжению в Англию. Для этого нам были подчинены три пехотные дивизии. Мы разместились в Туке, элегантном морском курорте около Булони, где многими красивыми виллами владели англичане. Наш штаб разместился в большом отеле, при строительстве которого не щадили средств, я же с узким кругом лиц занял маленькую виллу, принадлежавшую одному французскому судовладельцу. Хозяин хотя и бежал, но оставил семью управляющего, так что здесь были люди, которые могли содержать дом и мебель в порядке и охранять их. В противоположность тому, что мне пришлось позже увидеть в Германии, мы ни в коем случае не вели себя как господа, которые распоряжаются по своему усмотрению чужой собственностью. Напротив, мы строго обращали внимание на то, чтобы во всех домах, занятых нашими войсками, поддерживался порядок. Увоз всей мебели или изъятие ценных предметов в качестве «сувенира» не соответствовали обычаям немецкой армии. Когда я однажды проезжал мимо одной виллы, которая была оставлена недавно нашей частью и оказалась в довольно большом беспорядке, я приказал старшине роты возвратиться на виллу с командой и навести там порядок.

Вследствие безупречного поведения наших войск наше отношение с французским населением в те полгода, что я провел во Франции, ничем не было омрачено. Французы при всей своей вежливости проявляли достойную быть отмеченной сдержанность, чем только завоевали наше уважение. Впрочем, каждый из нас более или менее был очарован этой благословенной страной. Сколько здесь памятников древней культуры, красивых ландшафтов и шедевров зна-

⁷⁰ Имеются в виду Вильгельм Кейтель и Эрхард Мильх, получившие фельдмаршальское звание 19 июля 1940 года. Если Мильх, протеже и заместитель Геринга, во время французской кампании действительно всего лишь командовал 5-м воздушным флотом, то в отношении Кейтеля данный пассаж Манштейна нельзя считать справедливым. Кейтель действительно был неприятной личностью, но все же именно в 1940 году руководимое им ОКВ разработало и провело успешную кампанию – Норвежскую. (Прим. ред.)

менитой кухни! Сколько товаров было в этой богатой стране! Правда, наша покупательная способность была ограничена. Только определенный процент денежного содержания выдавался в оккупационных деньгах. Это правило строго выдерживалось, по крайней мере, в сухопутных войсках. Таким путем умерялась понятная жажда к приобретениям – а это было весьма желательно в интересах сохранения престижа немецкой армии. Впрочем, этих денег было достаточно, чтобы иногда съездить в Париж и один день насладиться прелестью этого города.

В течение нашего пребывания на побережье вплоть до ноября мы получали удовольствие от морского купанья, которым наслаждались мой новый адъютант обер-лейтенант Шпехт, мой верный водитель Нагель и конюх Рунге, совершавшие также долгие прогулки верхом по побережью. Следует заметить, что в проливе высота прилива достигает 8 м по сравнению с уровнем отлива. Это обстоятельство играло большую роль в вопросе о возможностях высадки на английском побережье, а также при выборе времени для входа в порты при вторжении. Однажды, купаясь, мы заплыли далеко в море, а наш «мерседес» неожиданно был захвачен приливной волной. Только в последнее мгновение его удалось вытащить из уже намкнувшего песка с помощью подоспевшего тягача. Зато Нагелю удалось поймать в море оригинальный трофей. Далеко в море плавал мостик с одного потопленного парохода. Нагель взобрался на него и появился вскоре из капитанской рубки с сеткой, ракетками и мячами для настольного тенниса, которыми мы пополнили арсенал наших спортивных принадлежностей. Таким странным образом, пожалуй, никому еще не удавалось приобрести настольный теннис.

Радость и удовольствие, которые доставляли эта прекрасная страна и затишье после выигранной кампании, не привели, однако, к тому, что солдаты распустились, как это обычно бывает с оккупационными войсками. Наоборот, перед командованием стояла задача обучать части совершенно новой задаче – я имею в виду вторжение. Войска ежедневно проходили обучение в прибрежной местности, покрытой дюнами и во многом похожей на участки, где должна была произойти высадка. После того, как прибыли наши средства переправы – переделанные лодки с Эльбы и Рейна, небольшие рыболовные суда и катера – мы смогли проводить при спокойной погоде вместе с кораблями военно-морского флота учения по посадке и высадке морских десантов. При этом многим приходилось принимать холодную ванну, если лодка неумело подвигалась к берегу. Молодые фенрихи военно-морского флота тоже должны были сначала овладеть этой новой задачей. Нельзя было на них обижаться за то, что они это делали без особого воодушевления: командовать лодкой с Эльбы – это не то, что нести службу на красивом крейсере или подводной лодке. Трудно приходилось также и со старыми шкиперами, владельцами лодок или пароходов, которые вместе с фенрихами стояли на капитанском мостике этих несколько авантюристических судов вторжения. Но, несмотря ни на что, все в этой подготовке к необычной задаче делалось с огоньком, и мы были убеждены, что справимся с ней.

Операция «Морской лев»

Уместно будет сделать здесь некоторые критические замечания относительно плана Гитлера, предусматривавшего высадку в Англии, и в особенности причин, приведших к отказу от этого намерения.

Если Гитлер после победы над Францией действительно думал, что война уже выиграна и остается только внушить эту мысль Англии, то он явно ошибался. Тот холодный отказ, которым было встречено в Англии его крайне неопределенное мирное предложение, показал, что ни английское правительство, ни английский народ не склонны к такой мысли.

Перед Гитлером и его ОКВ встал вопрос:

«Что же теперь?»

Этот вопрос неизбежно встает перед государственным деятелем или полководцем, когда в период войны стратегические промахи или неожиданные политические события (например,

вступление новых государств в войну на стороне противника) создают совершенно новое положение. Тогда ничего другого не остается, как изменить «военный план». В таком случае соответствующих деятелей можно упрекнуть в том, что они переоценили силы своего государства и недооценили силы врага, что они неправильно оценивали политическую обстановку.

Но если государственные и военные деятели должны задать себе вопрос «Что же теперь?» после того, как военные операции согласно их расчетам – в данном случае даже сверх всяких расчетов – привели к победе над врагом, если разбитый противник спасся на своих островах, то приходится спросить себя: а существовал ли вообще у немецкой стороны какой-либо «военный план»?

Конечно, никакая война не идет по раз установленной программе, по плану, который выработала одна сторона. Но если Гитлер пошел в сентябре 1939 года на риск войны с Францией и Англией, то он должен был заранее подумать, как справиться с этими государствами. Ясно, что немецкое Главное командование до кампании во Франции и во время этой кампании не имело «военного плана» относительно того, что необходимо делать после победы в войне или как продолжать ее. Гитлер надеялся на уступчивость Англии. Его военные советники в свою очередь полагали, что нужно ждать «решений фюрера».

На этом примере особенно ясно видно, к чему приводит нецелесообразная организация высших военных органов, сложившаяся у нас вследствие передачи Главного командования вооруженными силами Гитлеру без одновременного создания ответственного за руководство всеми военными действиями имперского Генерального штаба.

Фактически наряду с главой государства, определявшим политику, не было военной инстанции, которая отвечала бы за руководство военными действиями. ОКВ Гитлер уже давно низвел до положения военного секретариата. Начальник ОКВ Кейтель вообще не был в состоянии давать советы Гитлеру по стратегическим вопросам.

Командующим тремя видами вооруженных сил Гитлер практически не предоставил никаких прав для оказания влияния на общее руководство военными действиями. Они могли только иногда высказывать свое мнение по вопросам ведения войны, но Гитлер в конце концов принимал решения только на основании своих соображений. Во всяком случае, он оставил за собой право инициативы, так что мне неизвестен ни один случай (за исключением вопроса о Норвегии, когда гросс-адмирал Редер первый подал ему мысль о действиях в этом районе), когда важное решение в вопросах общего ведения войны исходило бы от командования одного из видов вооруженных сил.

Так как никто не имел права составлять «военный план», и менее всего, конечно, ОКВ, то практически все сводилось к тому, что все ждали проявления «интуиции фюрера». Одни, как Кейтель и Геринг – в суеверном почитании Гитлера, другие, как Браухич и Редер – пав духом. Ничего не меняло и то обстоятельство, что в штабах трех видов вооруженных сил имелись мнения, затрагивавшие вопросы ведения войны на длительное время. Так, гросс-адмирал Редер еще зимой 1939/40 года дал задание Главному штабу военно-морских сил изучить технические возможности и условия операции по высадке десанта в Англии. Но не оказалось ни одной военной инстанции, ни одной личности, которая бы в духе деятельности подлинного начальника Генерального штаба была признана Гитлером не только экспертом или исполнителем, но и военным советником по вопросам общего руководства военными действиями.

В настоящем же случае результатом подобной организации высших военных органов было то, что после окончания кампании на западе нашего континента, как уже было сказано, стоял вопрос: «Что же теперь?»

Наряду с этим вопросом высшее германское руководство стояло перед двумя фактами:

1. Факт существования не разбитой и не согласной на переговоры Великобритании.

2. Тот факт, что Германия в связи с возможным рано или поздно вступлением в войну Советского Союза, ставшего теперь ее непосредственным соседом (как бы Кремль ни казался

сейчас миролюбиво настроенным по отношению к Германии), находилась под скрытой угрозой войны, – о которой Гитлер упоминал еще в 1939 году, когда подчеркивал необходимость немедленно достичь победы на Западе.

Эти факты указывали на то, что Германия должна закончить войну с Англией в самое короткое время. Только в том случае, если это удастся, можно было считать, что Сталин окончательно упустил возможность использовать раздоры между европейскими государствами для продолжения своей экспансионистской политики.

Если не удастся найти мирный путь решения вопроса, Германия должна попытаться путем применения военной силы быстро разделаться со своим в то время последним врагом – Англией.

Трагедией этого короткого промежутка времени, определившей на долгое время судьбу Европы, было то обстоятельство, что обе стороны не искали серьезно путей мирного решения вопроса на разумной основе.

Совершенно уверенно можно сказать, что Гитлер предпочел бы избежать войны с Британской империей, так как его основные цели находились на Востоке. Но способ, который он избрал на заседании рейхстага после окончания кампании во Франции для столь неопределенного мирного предложения Великобритании, вряд ли мог вызвать благоприятный отклик у другой стороны. Сомнительно, чтобы Гитлер, которым к тому времени уже овладела преступная мания величия, был готов к миру на основе разума и справедливости, если бы Англия сама сделала серьезное предложение об этом. К тому же Гитлер был уже в плену своих прежних дел. Он отдал половину Польши и Прибалтику Советскому Союзу – факт, который он мог ликвидировать только ценой новой войны. Он открыл путь к удовлетворению стремлений Италии к захвату областей, находившихся под господством Франции, и тем самым очутился в зависимости от своего союзника. Наконец, после Праги ему перестали верить в мире, и он потерял всякое доверие у держав, которые, возможно, и проявили бы готовность заключить с ним договоры, отвечавшие его стремлениям.

Немецкий народ, однако, в своей массе восторгался бы Гитлером, если бы он после победы над Францией добился согласованного мира на разумной основе. Народ не хотел присоединения к Германии областей, в которых преобладало польское население, он также не одобрял идеи некоторых фантазеров, которые, ссылаясь на древнюю историю, хотели обосновать эти притязания, указывая на то, что когда-то это были области «Священной Римской империи германской нации». В Германии, за исключением некоторых фанатиков из партии, никогда не верили серьезно в идею «народа-господина», призванного повелевать в Европе или даже во всем мире.⁷¹ Народу нужно было только, чтобы Гитлер утихомирил свою свору пропагандистов, проложив путь к достижению разумного мира.

С другой стороны, английский национальный характер, так полно воплотившийся в личности главы правительства Черчилля, препятствовал тому, чтобы Англия в той фазе войны серьезно искала тогда – да и позже – разумного конструктивного соглашения. Приходится удивляться упорству англичан, при всех обстоятельствах решивших продолжать начатую борьбу, как бы ни угрожающе иногда было их положение. К этому нужно еще добавить, что это ожесточение, «непреклонная ненависть» к Гитлеру и его режиму (у некоторых политиков и по отношению к прусской Германии) притупили способность распознать еще более грозную опасность, которая создавалась в Европе в лице Советского Союза. Очевидно также, что английская политика находилась в плену традиционных соображений о «европейском равновесии» (ради восстановления которого Англия в конце концов и вступила в войну), которые предполагали

⁷¹ Может быть, это и так. Но ни народ, к которому апеллирует фельдмаршал, ни германский генералитет, от имени которого говорит мемуарист, не выступили против такой перспективы и *ничем* не продемонстрировали недовольства ею – по крайней мере, до тех пор, пока не наступила угроза самому существованию Германии. (Прим. ред.)

свержение ставшего слишком могущественным государства на континенте. Закрывали глаза на то, что в изменившемся мире надо было восстанавливать «мировое равновесие» ввиду того, что Советский Союз стал большой силой, и ввиду той опасности, которую представляла для Европы эта страна, преданная идее мировой революции.⁷²

К тому же глава английского правительства Черчилль был слишком воинственным. Это был человек, который думал исключительно о войне и желанной победе и смотрел на политическое будущее через призму этих военных целей. Только спустя несколько лет, когда Советы подошли уже к Балканам – этому нервному узлу Великобритании, Черчилль распознал заложенную здесь опасность. Но в то время он ничего не мог сделать, имея союзниками Рузвельта и Сталина. Сначала он верил в силы своего народа и в то, что США во главе со своим президентом в конце концов будут вести войну на стороне Англии. Но как мало в то время была готова к этому основная масса американского народа при всей его антипатии к Гитлеру!

Скрытая угроза, которая исходила для Германии от Советского Союза, не могла, конечно, укрыться от взгляда такого человека, как Черчилль. Что касается войны, то он рассматривал ее как надежду для Англии. Напротив, мысль о соглашении с Германией не находила места в его мозгу, так как после подобного соглашения с большой вероятностью последовала бы в ближайшее время борьба между обоими тоталитарными государствами. Хотя здравое взвешивание сильных и слабых сторон обоих государств не позволяло с уверенностью ожидать полной победы одного из них, можно было надеяться на то, что они оба свяжут себя такой войной на долгое время, что приведет к их взаимному ослаблению. Эта ситуация неизбежно будет иметь следствием то, что обе англосаксонские державы получат роль мировых судей. Возможно также, что война между обоими тоталитарными государствами приведет к гибели их режимов.

Во времена диктатур, идеологий, «крестовых походов», взвинчивания масс народа безудержной пропагандой слово «Разум» нигде, к сожалению, не пишется с большой буквы. Так в ущерб обоим народам и к несчастью Европы получилось, что обе стороны избрали путь решения спора между Англией и Германией с помощью оружия.

Вопрос «Что же теперь?», который встал перед немецким главным командованием после окончания войны с Францией, был решен, следовательно, в духе продолжения войны против Англии. Но тот факт, что по изложенным мною причинам у Германии не было никакого плана войны, который предусматривал бы продолжение военных действий после кампании во Франции, должен был привести к тяжелым последствиям.

После того, как Гитлер принял план (но не решение) повергнуть Англию в результате вторжения, не было сделано никаких практических приготовлений для решения этой задачи. Результатом было то, что мы упустили лучший шанс – немедленно использовать слабость Англии. Предпринятые теперь для наступления меры заняли много времени, так что удача высадки была сомнительной уже из-за одних метеорологических условий.

Этот последний факт наряду с другими, о которых я еще буду говорить, дал Гитлеру повод или предлог, отказавшись от вторжения, вообще отвернуться от Англии, чтобы затем выступить против Советского Союза. Результаты известны.

Прежде чем остановиться на причинах этой решающей перемены фронта, я остановлюсь на возможностях, которые возникли бы в том случае, если бы Гитлер был готов вести войну с Англией до последнего.

Здесь были возможны три пути. Первый путь – попытка поставить Британию на колени *путем блокады ее морских коммуникаций*. Германия имела для этого благоприятные предпо-

⁷² Итак, Манштейн упрекает Гитлера вовсе не за то, что фюрер начал войну – а за то, что Германия выступила против *не того* противника. Это мнение представителя германского генералитета нельзя забывать при создании любых альтернатив событиям 1939–1941 годов – без которых *невозможно* понять мотивы принятия решений тогдашними военными и политическими руководителями всех европейских (и не только) государств. (Прим. ред.)

сылки, поскольку она теперь владела побережьем Норвегии, Голландии, Бельгии и Франции в качестве баз для авиации и подводных лодок.

Менее благоприятно было положение с необходимыми для этого средствами борьбы.

Военно-морской флот ни в коей мере не располагал даже приблизительно достаточным количеством подводных лодок, не говоря уже о тяжелых кораблях, особенно авианосцах, с которыми могли бы взаимодействовать эти лодки.⁷³ К тому же оказалось, что борьба Англии с подводными лодками будет эффективной до тех пор, пока английская авиация не окажется разгромленной.

Что касается немецкой *авиации*, то на ее долю выпали бы в этой борьбе следующие задачи:

- завоевание господства в воздухе, по крайней мере, в такой степени, которая исключала бы воздействие английской авиации на подводную войну;
- парализация английских портов путем их разрушения;
- эффективное взаимодействие с подводными лодками в борьбе против вражеских транспортных портов.

Практически это должно было иметь предпосылкой уничтожение английской авиации и разрушение военного потенциала Англии.

Ход «битвы за Англию» показал, что немецкая авиация в 1940 году не была достаточно сильной, чтобы выполнить эту задачу. Не стоит решать сейчас вопрос о том, были ли бы результаты иными, если бы условия погоды в августе и сентябре не были столь неблагоприятными (чего нельзя было ожидать) и если бы германское руководство в самый, по-видимому, критический для врага момент не прекратило бы борьбу с английской авиацией и не бросило бы самолеты на Лондон.

Во всяком случае, летом 1940 года ввиду ограниченного количества бомбардировочной авиации и отсутствия истребителей с большим радиусом действия вряд ли можно было с уверенностью ожидать *быстрого* достижения цели: уничтожения английской авиации и разрушения военного потенциала Англии. Война, которая в основном должна была быть решена с помощью технических средств, все еще требовала намного больше сил и времени, чем мы предполагали. В войне между приблизительно равноценными противниками быстрый исход, как правило, достигается только лучшим военным искусством и реже – в результате борьбы вооруженных сил до истощения одного из противников, как это неизбежно произошло бы здесь.

Следовательно, надо было с самого начала, готовиться к *длительной* войне. Чтобы обеспечить успех, нужно было так же умножить военную авиацию, как был увеличен в свое время подводный флот.

Я должен совершенно ясно заявить, что мысль, будто такая большая страна, как Великобритания, может быть быстро поставлена на колени «оперативной воздушной войной» в духе генерала Дуэ, была, во всяком случае в то время, только мечтой. То же выяснилось позднее и в воздушной войне союзников против Германии. Во всяком случае, надо было, если решили победить Англию путем блокады морских коммуникаций, обратить всю военную мощь страны на усиление подводного флота и авиации. Для этого необходимо было сократить сухопутную армию с целью высвобождения рабочей силы.

Главная опасность скрывалась в *долгой* войне. Никто не мог знать, как долго еще будет выжидать Советский Союз. Если бы мы встали на путь сокращения сухопутной армии и свя-

⁷³ Взаимодействие подводных лодок с ударными надводными силами предусматривалось морской теорией 1920-х – 1930-х годов. Опыт Второй мировой войны показал, что такое взаимодействие трудно организуемо и не имеет оперативного смысла – подводные лодки следует направлять для выполнения совершенно иных задач. (Прим. ред.)

зали нашу авиацию борьбой против Англии, то Советский Союз, если бы и не вступил в войну, встал бы на путь политического шантажа.

Другая опасность скрывалась в возможности вступления Америки в войну на ее ранней стадии. Вряд ли она стала бы спокойно смотреть на то, как медленно душат Англию. В *эту* войну авиации и военно-морских сил Америка могла вступить сравнительно рано – но в случае немецкого вторжения в Англию в то время она опоздала бы.

Все же, если бы Германия имела действительно единое военное руководство, было бы возможно решиться на этот путь с надеждой на успех, правда, учитывая существование постоянной угрозы вмешательства со стороны Советского Союза или Америки. И это, конечно, только в том случае, если строго ограничиться целью уничтожения английской авиации и блокады ее морских коммуникаций. Любое отклонение в сторону сомнительных идей борьбы против духа вражеского народа путем налетов на города могло только поставить под угрозу успех войны.

В качестве второго возможного пути, которым можно было бы пойти, чтобы победить Англию, называют *войну за Средиземное море*. Гитлеру или немецкому военному командованию вообще делали упрек в том, что они никак не могли отрешиться от оков континентального мышления. Они якобы никогда не могли правильно оценить значение Средиземного моря как жизненной артерии Британской империи. Возможно, что Гитлер мыслил континентальными понятиями. Но другой вопрос – привела ли бы потеря Средиземного моря Англией действительно к ее отказу от продолжения войны, а также какие последствия имело бы для Германии завоевание района Средиземного моря.

Бесспорно, потеря позиций на Средиземном море была бы для Великобритании тяжелым ударом. Это могло бы сильно сказаться на Индии, на Ближнем Востоке и тем самым на снабжении Англии нефтью. Кроме того, окончательная блокада ее коммуникаций на Средиземном море сильно подорвала бы снабжение Англии. Но был бы этот удар смертельным? На этот вопрос, по моему мнению, надо дать отрицательный ответ. В этом случае для Англии оставался бы открытым путь на Дальний и Ближний Восток через мыс Доброй Надежды, который никак нельзя было блокировать. В таком случае потребовалось бы создать плотное кольцо блокады вокруг Британских островов с помощью подводных лодок и авиации, то есть избрать первый путь. Но это потребовало бы сосредоточения здесь всей авиации, так что для Средиземного моря ничего бы не осталось! Какой бы болезненной ни была для Англии потеря Гибралтара, Мальты, позиций в Египте и на Ближнем Востоке, этот удар не был бы для нее смертельным.⁷⁴ Напротив, эти потери скорее ожесточили бы волю англичан к борьбе – это в их характере. Британская нация не признала бы этих потерь роковыми для себя и еще ожесточеннее продолжала бы борьбу! Она, по всей видимости, опровергла бы известное утверждение, что Средиземное море – это жизненная артерия Британской империи. Очень сомнительно также, чтобы доминионы не последовали за Англией при продолжении ею борьбы.

Второй вопрос состоит в том, какие последствия имел бы исход решающей борьбы за Средиземное море для Германии.

Первое заключается в том, что *Италия* могла явиться для этой борьбы хорошей базой, но ее вооруженные силы внесли бы в борьбу весьма скромный вклад. Это положение не требует подтверждения событиями – поскольку уже тогда все было ясно. В частности, нельзя было ожидать, что итальянский флот будет в состоянии изгнать англичан из Средиземного моря. Германия, следовательно, должна была нести всю тяжесть этой борьбы, кроме того, дело могло осложниться то обстоятельство, что итальянский союзник рассматривал бы Средиземное море

⁷⁴ Но он легко мог стать смертельным для правительства Черчилля – а именно Черчилль олицетворял бескомпромиссную борьбу с Германией, иное правительство могло бы пойти на компромисс, подобный мюнхенскому. (*Прим. ред.*)

в качестве своей акватории и выставил бы свои притязания на занятие там господствующего положения.

Если бы мы хотели лишить Великобританию ее позиций на Средиземном море, надеясь нанести ей этим смертельный удар, то надо было забрать Мальту и Гибралтар и изгнать англичан из Греции и Египта. Не подлежит сомнению, что немецкие вооруженные силы, если бы они перенесли свои действия в район Средиземного моря, *в военном отношении* решили бы эту задачу.

Однако этот путь неизбежно повел бы дальше. Захват Гибралтара требовал или согласия Испании, которое фактически нельзя было получить⁷⁵, либо нужно было оказать давление на нее. В обоих случаях это привело бы к окончанию нейтралитета Испании. Германии ничего бы не оставалось, как организовать охрану побережья Пиренейского полуострова с согласия или против воли испанского и португальского правительств и одновременно взять на себя снабжение этого района. Необходимо было бы считаться с сопротивлением как в Испании, так, прежде всего, и в Португалии, которая считала, что ее колонии в этом случае будут вскоре оккупированы англичанами. Во всяком случае, Пиренейский полуостров надолго поглотил бы значительную часть немецкой армии. Насильственная оккупация стран Пиренейского полуострова могла бы оказать катастрофическое для нас воздействие на США и латиноамериканские страны.

Если бы не удалось достичь действительного взаимопонимания с Францией, что было почти исключено ввиду итальянских и испанских претензий на французские колониальные области, то в дальнейшем стало бы необходимым занятие французской северной Африки, если мы были намерены не допустить, чтобы Англия когда-нибудь вновь овладела районом Средиземного моря.

Если бы мы изгнали англичан из Египта (а в случае, если бы они закрепились в Греции, то и оттуда), этот путь и в восточной части Средиземного моря в дальнейшем неизбежно привел бы к странам Ближнего Востока, особенно ввиду того, что требовалось бы отрезать пути снабжения Англии нефтью. Существовало мнение, что создание базы на Ближнем Востоке дало бы Германии два преимущества. Первое – возможность угрозы Индии. Второе – выход во фланг Советскому Союзу, что могло бы удержать его от вступления в войну против Германии. Я думаю, что такой ход мыслей является неправильным. Не говоря уже о том, что было очень сомнительно, какое влияние окажет укрепление немецкой армии на длительный период в странах Ближнего Востока на позицию этих народов, можно сделать два вывода:

– операции из района Ближнего Востока против Индии или против Советского Союза уже по одной причине использования коммуникаций никогда не могли проводиться в том объеме, который гарантировал бы действительный успех; морская мощь Англии в этом случае постоянно играла бы решающую роль;

– появление Германии на Ближнем Востоке ни в коем случае не удержало бы Советский Союз от вступления в войну против Германии, наоборот, скорее привело бы к этому.

Вся суть вопроса борьбы за район Средиземного моря заключается, на мой взгляд, в следующем. Утеря позиций на Средиземном море не была бы смертельным ударом для Англии. Далее, решающая борьба за Средиземное море *на продолжительное время* связала бы крупные немецкие силы – что сильно увеличило бы соблазн для Советского Союза начать войну против Германии. Это тем более возможно, что те призывы, которые он, вероятно, хотел получить, а именно Балканы и господствующее влияние на Ближнем Востоке, можно было завоевать только в войне против Германии.

⁷⁵ Это не совсем так. Франко дал согласие на участие в войне против Англии – но поставил условием передачу Испании Французского Марокко. На это Гитлер пойти не мог, поскольку существование формально независимого и признанного большинством государств мира режима Виши мешало Англии (как оказалось, лишь временно) захватить французские колонии и находящиеся в них ресурсы, до которых Германия, по понятным причинам, была не в состоянии дотянуться. (Прим. ред.)

Путь через Средиземное море для достижения победы над Англией был тем обходным путем, который можно сравнить с путем Наполеона, когда он надеялся нанести смертельный удар Англии, пройдя через Египет в Индию. Этот путь должен был надолго отвлечь немецкие силы на отнюдь не решающее направление. Это положение давало, с одной стороны, возможность вооружения Британского материка, а с другой – большой шанс Советскому Союзу против Германии.

Путь через Средиземное море в действительности был уклонением от решения вопроса, которого не надеялись достичь в войне против Британских островов.

В результате этого был избран третий путь, обсуждавшийся в 1940 году, – путь *вторжения* на Британские острова.

Прежде чем перейти к этому вопросу, необходимо заметить относительно ведения войны в Средиземном море, что в ней фактически, как потом часто было и в России, Гитлер никогда своевременно не сосредоточивал необходимые силы. Кардинальной ошибкой был отказ от захвата Мальты, что вполне возможно было сделать на более ранней фазе войны. Этот отказ в конце концов сыграл решающую роль для последовавшей затем потери Северной Африки со всеми вытекающими отсюда последствиями. Во всяком случае, в июле 1940 года Гитлер составил план вторжения на Британские острова (но не принял окончательного решения) и дал указания о проведении соответствующей подготовки.

Операция должна была готовиться под шифрованным названием «Морской лев», но проводиться только при определенных предпосылках. О форме проведения этой операции, о тренингах, которые в связи с этим вопросом возникли прежде всего между ОКХ и Главным штабом военно-морских сил, уже сообщалось другими лицами, представлявшими противную сторону. Писали также о причинах или предлогах, которые в конце концов должны были оправдать отказ от этого мероприятия.

Поэтому здесь я затрону только три важных вопроса:

– Могло ли вторжение в Англию вынудить ее отказаться от борьбы, то есть принесло бы оно нам в случае успеха операции полную победу?

– Могли ли мы вообще рассчитывать на успех вторжения и какие последствия имел бы провал этой операции?

– Каковы были причины, заставившие в конце концов Гитлера отказаться от вторжения и тем самым от достижения победы над Англией и повернуть армию против Советского Союза?

По первому вопросу надо сказать, что вторжение было бы самым быстрым путем победы над Англией. Оба других пути, о которых мы говорили выше, не могли привести к быстрой победе. Но была бы эта победа окончательной? Возможно и весьма вероятно, что правительство Черчилля даже после завоевания Британских островов пыталось бы продолжать войну из Канады. Последовали ли бы за ним потому пути все доминионы – этот вопрос мы не будем обсуждать. Во всяком случае, завоевание Британских островов не означало бы окончательного поражения Британской империи⁷⁶.

Важнейшим, видимо, было следующее: после завоевания Британских островов немцами враг потерял бы базу, которая, по крайней мере, тогда была необходима для наступления с моря на европейский континент. Осуществить вторжение через Атлантику, не пользуясь при этом в качестве трамплина Британскими островами, было в то время абсолютно невозможно, даже и в случае вступления Америки в войну. Можно не сомневаться также и в том, что после победы над Англией и вывода из строя английской авиации, изгнания английского флота за Атлан-

⁷⁶ Вопрос о том, продолжал бы английский народ сопротивление не так, как французский, после успешного вторжения или, что Черчилль считал вероятным, нашел бы он такое правительство, которое подписало бы капитуляцию, мы не будем освещать вследствие его гипотетического характера. Мы не будем также затрагивать вопроса, нашелся бы в этом случае путь для снабжения английского народа, как для Бельгии в Первую мировую войну. (Прим. авт.)

тику и разрушения военного потенциала Британских островов Германия была бы в состоянии быстро улучшить обстановку на Средиземном море.

Можно было, следовательно, сказать, что даже если английское правительство после потери Британских островов пыталось бы продолжать войну, оно вряд ли имело шансы выиграть ее. Последовали ли бы за Англией в этом случае доминионы? Не перестала ли бы существовать скрытая угроза, которую представлял собой Советский Союз для Германии, если бы Советы не рассчитывали в ближайшем будущем на открытие «второго фронта» в Европе? Не мог ли бы тогда Сталин с согласия Гитлера повернуть в Азию?

Предприняла ли бы Америка свой «крестовый поход» против Германии, если бы она одна должна была по существу нести тяжесть войны?

Никто не может сейчас и не мог тогда дать на это решительного ответа.

Конечно, Германия также не имела тогда возможности добиться мира по ту сторону морей. Одно только ясно: ее положение после успешного вторжения на Британские острова было бы несравненно выгоднее, чем когда-либо, в результате того пути, на который встал Гитлер.

Следовательно, с военной точки зрения вторжение в Англию летом 1940 года, *если была надежда на успех этого предприятия*, несомненно, было бы правильным решением. Что должно было произойти или могло произойти в случае успеха Германии в этой операции с целью достижения ничейного мира, который всегда должен был быть целью разумной германской политики, не относится к области военных вопросов.

Лучше вновь вернемся к военной стороне дела и, следовательно, к решающему вопросу: могло ли вторжение в Англию в 1940 году оказаться *успешным*?

Конечно, мнения о том, имела ли операция «Морской лев» шансы на успех или нет, всегда разделяются. Одно ясно, что эта операция была связана с чрезвычайным риском. Ссылка на необходимость колоссального технического снаряжения, которое понадобилось союзникам при вторжении в 1944 году (десантные суда для высадки танков, плавучие гавани и т. д.), недостаточна для того, чтобы сделать вывод о провале немецкого вторжения, обеспеченного тогда, по существу, значительно более примитивными переправочными средствами. Недостаточно также указать на *абсолютное* превосходство союзников в 1944 году в воздухе и на море, как бы ни важны были оба эти фактора.

С другой стороны, если Германия летом 1940 года даже приблизительно не имела столько преимуществ, то у нее имелось одно решающее преимущество, а именно то обстоятельство, что она вначале не могла встретить на английском побережье какую-либо организованную оборону, обеспеченную хорошо вооруженными, обученными и хорошо управляемыми войсками. Фактически летом 1940 года Англия была почти абсолютно беззащитна на суше перед вторжением. Эта беззащитность была бы почти полной, если бы Гитлер не дал уйти из Дюнкерка английскому экспедиционному корпусу.

Успех вторжения в Англию летом 1940 года зависел от двух факторов:

1. От возможно более раннего проведения этой операции с тем, чтобы нанести поражение Англии на суше еще в момент ее полной беззащитности и чтобы одновременно использовать благоприятные метеорологические условия лета (в июле, августе и начале сентября в Ла-Манше море было обычно спокойно).

2. От возможности *в достаточной степени* парализовать действия английской авиации и флота на период форсирования и захвата плацдармов.⁷⁷

Очевидно также, что ввиду непостоянства погоды, а также неясности того, сможет ли немецкая авиация обеспечить себе превосходство в воздухе над Ла-Маншем хотя бы на этот период, операция «Морской лев» всегда была связана с очень большим риском.

⁷⁷ См. комментарий № 14. (Прим. ред.)

Учитывая этот риск, ответственные высшие инстанции медлили и со многими оговорками рассматривали вопрос об этой операции.

Уже тогда было ясно, что именно у *Гитлера* не лежало сердце к этой операции. В исполнительных органах можно было заметить отсутствие при этих приготовлениях настойчивости и энергии со стороны высших инстанций. Генерал Йодль, начальник штаба оперативного руководства вооруженными силами, даже видел в этой попытке вторжения своего рода шаг отчаяния, делать который никак не заставляла общая ситуация.

Командующий военно-воздушными силами Геринг, которого руководство вооруженными силами, как всегда, недостаточно строго контролировало, не рассматривал воздушную войну против Англии, которой он руководил, как часть – хотя и самую существенную – операции по вторжению всей германской армии. Методы использования авиации, которые в конце концов сильно потрепали ее материальную часть и личный состав, показывают скорее, что он рассматривал воздушную войну против Британских островов как самостоятельный оперативный акт и в соответствии с этими установками руководил ею.

Командование военно-морскими силами, которое первым поставило вопрос о вторжении в Англию, при исследовании практических возможностей проведения этой операции пришло к выводу, что эту операцию при определенных предпосылках можно провести. Но, несмотря на это, оно лучше всего отдавало себе отчет в слабости своих средств.

Наиболее положительную позицию занимало, пожалуй, *ОКХ*, хотя сначала (до победы над Францией) оно вообще не рассматривало вопрос о возможности вторжения на Британские острова. Совершенно ясно, однако, что те, кто в первую очередь рисковал собой при операции «Морской лев» – предназначенные для вторжения части сухопутной армии, – как раз наиболее интенсивно готовились к ней и подходили к этому делу с верой в успех. Я думаю, что имею право утверждать это, так как подчиненный мне 38-й армейский корпус должен был действовать в первом эшелоне армии вторжения, из Булони в Бексхилл – Бичи Хэд. Мы были убеждены в возможности успеха, но не недооценивали и опасности. Вероятно, однако, мы недостаточно знали то, что тревожило два других вида вооруженных сил, особенно военно-морской флот.

Известно, что в основном две причины, или два предлога, заставили Гитлера отказаться в конце концов от плана операции «Морской лев».

Первое – тот факт, что подготовка этой операции займет много времени, в результате чего первый эшелон вторжения сможет начать форсирование самое раннее 24 сентября, то есть в то время, когда – даже в случае удачной операции первого эшелона – не будет никакой гарантии, что в проливе можно ожидать метеорологических условий, способствующих дальнейшему проведению операций.

Второе и решающее обстоятельство состояло в том, что нашей авиации в этот период не удалось достичь необходимого воздушного превосходства над Англией.

Если даже мы согласимся с тем, что в сентябре 1940 года эти факторы могли казаться решающими для отказа от вторжения в Англию, то тем самым мы не дадим еще ответа на вопрос, было ли возможно вторжение при другом руководстве в Германии. Но именно об этих факторах, в конечном счете, идет речь, когда мы оцениваем решение Гитлера уклониться от решающей битвы с Англией и напасть на Советский Союз.

Речь идет, следовательно, о вопросе, были ли оба названных фактора – затягивание операции «Морской лев» и недостаточные результаты воздушной битвы за Англию – неизбежными.

Что касается первого из этих факторов – откладывание срока высадки до последней декады сентября, – то ясно, что этого можно было избежать. Если бы существовал какой-либо «военный план», в котором заранее был бы предусмотрен также вопрос о нанесении поражения Англии, то значительная часть технических приготовлений к вторжению могла бы быть предпринята еще до окончания кампании на Западе. Если бы существовал такой план, то

было бы немыслимо, чтобы Гитлер по каким-либо причинам дал возможность уйти из Дюнкерка английскому экспедиционному корпусу. По крайней мере, оттягивания сроков высадки до осени не произошло бы, если бы немецкое руководство приурочило вторжение к моменту поражения Франции, то есть к середине июня, а не к середине июля. Подготовка к вторжению на основе поступившего в июле приказа при полном использовании всех возможностей могла быть вообще закончена к середине сентября. Если бы решение было принято четырьмя неделями раньше, то это дало бы возможность начать форсирование пролива уже в середине августа.

Что касается второго фактора, ставшего причиной отказа от операции «Морской лев», – недостаточные результаты «воздушной битвы за Англию», – то в связи с этим необходимо сказать следующее: надо считать ошибкой военного руководства намерение достичь превосходства в воздухе над Англией посредством изолированной воздушной войны, начатой *за много недель до* наиболее раннего срока вторжения.

Руководство хотело достичь гарантии успеха вторжения посредством овладения воздушным пространством над Англией еще до вторжения. Но тем самым силы немецкой авиации были растрчены в преждевременных боях, проводившихся при неблагоприятных условиях.

При здравой оценке собственных и вражеских сил и возможностей командование военно-воздушных сил по меньшей мере должно было иметь сомнения в том, *достаточно* ли своих сил и *способны* ли они добиться решающего успеха в борьбе против английской авиации и авиационных заводов, ведя бои *над Англией*.

Сначала командование немецких военно-воздушных сил недооценивало английскую истребительную авиацию, переоценивало действия своей бомбардировочной авиации и было застигнуто врасплох наличием у противника эффективной системы радарных установок. Кроме того, было известно, что у наших бомбардировщиков и прежде всего истребителей был недостаточный радиус действия и тем самым недостаточная глубина вторжения. Вражеская авиация смогла уйти от наносившихся нами ударов, имевших цель уничтожить ее. При этом мы не говорим уже о том, что немецкие истребители должны были вести бой над Англией при более неблагоприятных условиях, чем противник. Бомбардировщики не могли получать достаточного прикрытия истребителями, если они совершали полеты, превышавшие радиус действия истребителей. Только одно это соображение должно было побудить командование воздушных сил начать решающие бои против английской авиации лишь в тот момент, когда она *должна была бы* принять бой в равных условиях, то есть над проливом или над побережьем, в непосредственной оперативной связи с вторжением.

Наконец, немецкое командование сделало еще одну ошибку, изменив оперативную цель воздушных налетов, несмотря на упомянутые ранее, частично предвиденные, частично неожиданные неблагоприятные условия борьбы, как раз в тот момент, когда успех операции висел на волоске. 7 сентября главное направление атак было перенесено на Лондон – цель, не стоявшую ни в какой оперативной связи с подготовкой вторжения.

Как бы ни было желательно добиться превосходства в воздухе еще до начала вторжения, все же здравый учет всех факторов должен был заставить немецкое Главное командование использовать авиацию для решающего удара только в непосредственной связи с вторжением.

Конечно, можно возразить, что при таком способе использования сил немецкой авиации она имела бы слишком много задач, а именно:

- налеты на английские воздушные базы в Южной Англии;
- прикрытие с воздуха посадки десантов на суда во французских портах;
- защита транспортов при пересечении пролива;
- поддержка первого эшелона войск вторжения при их высадке;
- восприятие действий английского флота во взаимодействии с военно-морским флотом и береговой артиллерией.

Но эти задачи не надо было решать все одновременно, хотя по времени они должны были решаться быстро одна за другой. Так, например, английский флот, за исключением легких кораблей, базировавшихся на порты Южной Англии, мог, видимо, вступить в бой лишь тогда, когда первый эшелон войск вторжения уже высадился бы.

Судьба сражения зависела бы от исхода большой воздушной битвы, которая разыгралась бы над проливом или над Южной Англией, с того момента, когда начали бы операции армия и военно-морской флот. В этой битве условия для немецкой авиации были бы значительно благоприятнее, нежели при ее налетах на британский материк. Такой способ ведения войны, естественно, означал бы, что все поставлено на карту. Но это и было той ценой, которую надо было заплатить в тех условиях, если уж вообще решились предпринять вторжение.

Если Гитлер в сентябре 1940 года по упомянутым выше причинам отложил план вторжения в Англию, то эти причины тогда, может быть, действительно были основательными. Что эти причины вообще тогда вскрылись, зависело от того, что внутри германского Главного командования не было никого, кроме политического деятеля Гитлера, кто отвечал бы за *общее* руководство военными действиями. Не было инстанции, которая бы *своевременно* подготовила план войны против Англии и которая была бы в состоянии руководить вторжением как единой операцией всех трех видов вооруженных сил.

Если германское командование летом 1940 года в результате описанных мною причин упустило шанс успешно закончить войну с Англией, то причины этого заключаются, во всяком случае, не только в недостатках организации высшего командования, но в значительной мере в политической доктрине Гитлера.

Очевидно, не подлежит сомнению, что Гитлер имел желание избежать *войны с Англией* и со всей *Британской империей*. Он часто говорил, что не в интересах Германии уничтожить Британскую империю. Он считал, что она представляет крупное политическое достижение. Если даже и не доверять полностью этим заявлениям Гитлера, то одно все же ясно: Гитлер знал, что в случае уничтожения Британской империи наследником будет не он и не Германия, а Америка, Япония или Советский Союз. Если исходить из этих соображений, то его позиция по отношению к Англии всегда будет понятна. Он не хотел войны с Англией и не ожидал ее. Он хотел, если это было возможно, *избежать* решающей схватки с этой державой.

Эта его позиция и то обстоятельство, что он не ожидал такой полной победы над Францией, объясняет нам и то, почему Гитлер не имел плана войны, предусматривавшего после победы над Францией победу и над Англией. В конце концов, он не хотел *высказываться* в Англии. Его политическая концепция противоречила стратегическим требованиям, выявившимся после победы над Францией. Роковым было то обстоятельство, что его политическая концепция не нашла симпатии со стороны англичан.

В противоположность этому Гитлер всегда был настроен против Советского Союза, хотя он в 1939 году и заключил договор со Сталиным. Он не доверял этой стране и одновременно недооценивал ее. Он опасался традиционных экспансионистских устремлений русского государства, которому он, правда, Московским пактом сам снова открыл ворота на запад.

Можно предполагать, что Гитлер сознавал, что когда-нибудь оба этих режима, ставшие непосредственными соседями, столкнутся. Далее, политик Гитлер был одержим идеей «жизненного пространства», которое он считал себя обязанным обеспечить немецкому народу. Это жизненное пространство он мог искать только на Востоке.

Если обе приведенные мною мысли и допускали отсрочку столкновения с Советским Союзом до более позднего времени, то они должны были с новой силой овладеть умом такого человека, как Гитлер, после того, как он, победив Францию, практически стал хозяином на

континенте – тем более, что угрожающие скопления советских войск на восточной границе Германии возбуждали сомнения относительно будущей позиции Кремля.⁷⁸

Теперь Гитлер был поставлен перед вопросом о вторжении в Англию. Он, без сомнения, понимал большой риск, связанный тогда с таким предприятием. Если бы вторжение не удалось, то действовавшие там силы немецкой армии и флота были бы потеряны. Немецкая авиация также была бы значительно ослаблена в этой безуспешной битве. С чисто военной точки зрения, однако, даже неуспех вторжения в Англию не означал еще такого ослабления германской военной мощи, которое нельзя было бы восстановить. Более серьезными были бы политические последствия. Взять хотя бы тот факт, что провал вторжения укрепил бы стремление англичан продолжать войну. Можно указать далее на позицию Америки и Советского Союза, которую они заняли бы в этом случае. Но прежде всего подобное явное военное поражение, каким стал бы провал вторжения в Англию, серьезно подорвало бы престиж диктатора в Германии и во всем мире.

Но *такой* опасности диктатор не мог подвергать себя. Он всегда уклонялся от мысли о решительной схватке с Англией, а в силу неправильного понимания английской политической концепции тешил себя надеждой в конце концов прийти к соглашению с этой страной – *и на этот раз вновь испугался риска*. Он хотел избежать риска *решающей* битвы с Великобританией.

Вместо того, чтобы победить эту страну, он надеялся убедить ее в необходимости соглашения, пытаясь выбить из ее рук последний «континентальный меч», на который Англия, видимо, возлагала надежды. Этим уклонением от, безусловно, большого военного и политического риска Гитлер совершил *великую* ошибку. Ибо одно было ясно: если Гитлер побоялся начать битву против Англии в благоприятный момент, то Германия рано или поздно должна была очутиться в критической обстановке. Чем дольше затягивалась война с Англией, тем больше становилась опасность, грозившая Германии с востока.

После того, как Гитлер отказался от решающего сражения с Англией летом 1940 года и упустил единственный для него шанс, он больше уже не мог играть на «выжидание». Под давлением необходимости он решил теперь попытаться путем *превентивной* войны ликвидировать такого противника, как Советский Союз, поскольку на Западе больше не было такого противника, который был бы ему опасен на континенте.

В действительности же Гитлер из страха перед риском вторжения в Англию пошел на еще больший риск войны на два фронта. Однако вследствие запоздалого планирования вторжения и, в конечном счете, отказа от него он потерял целый год. Год, который мог бы решить исход войны. Потеря времени, которую Германии уже нельзя было возместить.

С отменой операции «Морской лев» 38-й корпус вернулся в конце сентября к нормальной боевой жизни. Наши переправочные средства были выведены из портов, подвергавшихся налетам английской авиации. Но еще ничего не было известно о намерениях Гитлера относительно Советского Союза, так как окончательное решение о нападении на Советский Союз было принято много позднее. Первый намек на надвигающиеся события я получил только тогда, когда весной 1941 года был вызван для получения новой задачи.

⁷⁸ Летом 1940 года, по окончании кампании во Франции, общая численность германской сухопутной армии (включая ВВС) составляла около 6,5 миллионов человек. В это время штатная численность всей РККА составлял 3,3 миллиона человек. (Прим. ред.)

Часть третья

Война против Советского Союза

Глава 8. Танковый рейд

Оперативный план войны с Советским Союзом. Различие целей Гитлера и ОКХ и последствия этого. План операций группы армий «Север» и 4-й танковой группы. Приказ о комиссарах. Последние дни на немецкой земле. Война начинается. Удар на Дубиссу. Захват Двинска. Мы вынуждены ждать. Ленинград или Москва? Войска СС. Управление подвижными соединениями. Маленькие радости. Наступление к озеру Ильмень. Окружение у Сольцы. Луга. Обходными путями к 16-й армии. Мы наносим удар во фланг одной советской армии. Удар на Польшу. Назначение командующим 11-й армией. Прощание с моим танковым корпусом.

В конце февраля 1941 года я сдал командование 38-м армейским корпусом у побережья Ла-Манша, чтобы получить вновь формируемый в Германии 56-й танковый корпус⁷⁹. Тем самым исполнилось желание, которое я имел еще до начала западной кампании – командовать «подвижным» корпусом.

Само собой разумеется, что меня, командира корпуса, не спрашивали о том, нужно ли и как вести войну против Советского Союза. И только намного позже, насколько я припоминаю, в мае 1941 года, корпус получил план развертывания, который ограничивался только масштабами танковой группы⁸⁰, в которую входил корпус.

Поэтому в рамках этих «воспоминаний» я не могу говорить о ведении операций против Советского Союза в 1941 году в том плане, как я это мог сделать относительно наступления на Западе на основе моего тогдашнего влияния на окончательное оформление оперативного плана.⁸¹

Но, как теперь известно, и, видимо, общепризнанно, можно сделать два вывода.

Первый вывод: ошибка, в которую впал Гитлер, недооценивая прочность советской государственной системы, ресурсы Советского Союза и боеспособность Красной Армии. Поэтому он исходил из предположения, что ему удастся разгромить Советский Союз в *военном* отношении в течение *одной* кампании. Вообще если это и было возможно, то лишь в случае, если бы удалось одновременно подорвать советскую систему изнутри. Но политика, которую Гитлер вопреки стремлениям военных кругов проводил в оккупированных восточных областях при помощи своих рейхскомиссаров и СД, могла принести только противоположные результаты. В то время как Гитлер в своих стратегических планах исходил из того, что он ставит себе целью быстрый разгром Советского Союза, в политическом отношении он действовал в диаметрально противоположном направлении. В других войнах также часто возникали противоречия между военными и политическими целями. В данном случае и военное, и политическое руководство объединялось в руках Гитлера, но результатом было то, что его восточная политика резко противоречила требованиям его стратегии и лишила его, возможно, существовавшего шанса на быструю победу.

⁷⁹ Так в оригинале, хотя в данный период эти подвижные соединения вермахта еще именовались моторизованными корпусами. (Прим. ред.)

⁸⁰ Танковая группа включала в себя несколько моторизованных корпусов. Осенью 1941 года все четыре танковые группы были переименованы в танковые армии. По численности личного состава каждая из них соответствовала нескольким советским армиям, но была меньше советского фронта 1941 года. (Прим. ред.)

⁸¹ См. комментарий № 15. (Прим. ред.)

Второй вывод: то, что в сфере высшего военного командования, то есть между Гитлером и ОКХ, не удалось выработать единой стратегической концепции, что было необходимо как при разработке общего плана операций, так и в ходе проведения самой кампании 1941 года.

Стратегические цели Гитлера покоились преимущественно на *политических* и *военно-экономических* соображениях. Это был в первую очередь захват *Ленинграда*, который он рассматривал как колыбель большевизма и который должен был принести ему одновременно и связь с финнами, и господство над Прибалтикой. Далее следовало овладение источниками сырья на *Украине* и военными ресурсами *Донбасса*, а затем *нефтяными промыслами Кавказа*. Путем овладения этими районами он надеялся, по существу, парализовать Советский Союз в военном отношении.

В противовес этому ОКХ правильно полагало, что завоеванию и овладению этими, несомненно, важными в стратегическом отношении областями должно предшествовать уничтожение Красной Армии. Главным силам Красной Армии должно быть навязано решительное сражение путем нанесения удара на *Москву* (этот план не соответствовал полностью фактической группировке советских сил, как это выяснилось позже). Москва представляет собой главный центр советской державы, потерей которого страна не стала бы рисковать, во-первых, потому, что Москва – в противоположность 1812 году – действительно была политическим центром России; во-вторых, потому, что потеря военно-промышленных районов вокруг Москвы и восточнее ее, по крайней мере, значительно ослабила бы советскую военную промышленность; в-третьих, что по стратегическим соображениям было наиболее важно, потому, что Москва является центральным узлом коммуникаций европейской части России. С потерей Москвы советская оборона практически раскололась бы на две части, и советское командование не было бы в состоянии организовать единые операции по всему фронту.

В стратегическом отношении разногласия между Гитлером и ОКХ сводились к следующему: Гитлер хотел добиться военного успеха *на обоих флангах* (для чего немецких сил ввиду соотношения сил и ширины оперативного района было недостаточно), ОКХ же стремилось достичь успеха *в центре* общего фронта.

В результате расхождения между этими принципиальными стратегическими концепциями немецкое командование в конечном счете потерпело поражение. Гитлер, правда, согласился с предложенным ОКХ распределением сил, согласно которому основная часть армии должна была действовать двумя группами армий севернее и только одной группой армий южнее Припятских болот. Но спор из-за этих двух оперативных целей длился всю кампанию. Результат же этого мог быть только один: Гитлер не добился своих и без того слишком далеко идущих целей и одновременно нарушил всю стратегическую концепцию ОКХ.

Указанная Гитлером в плане «Барбаросса» «общая цель» («необходимо уничтожить основную массу войск, расположенных в западной России, путем смелых операций, выдвигая далеко вперед танковые клинья; воспрепятствовать отходу боеспособных соединений в глубину русского пространства») была, в конце концов, не чем иным, как лишь оперативным или тактическим «рецептом». И только благодаря превосходному военному руководству германской армии были достигнуты чрезвычайно большие успехи, поставившие Советскую Армию на край пропасти. Но этот «рецепт» никогда не мог заменить оперативного плана, относительно разработки и выполнения которого Главное командование должно было быть единого мнения, оперативного плана, который ввиду соотношения сил и протяженности театра военных действий заранее должен был предусматривать возможность уничтожения Советской Армии в случае необходимости в результате двух кампаний.

Занимаемая мною должность командира корпуса, как я уже говорил, не позволяла мне знать планы и намерения Главного командования. Поэтому в то время я не предполагал, что существуют столь опасные разногласия относительно стратегических целей между Гитлером

и ОКХ. Однако, находясь даже на моей должности, вскоре можно было ощутить результаты этих противоречий.

56-й танковый корпус должен был наносить удар в составе 4-й танковой группы (группа армий «Север») из Восточной Пруссии.

Группа армий «Север» (командующий – фельдмаршал фон Лееб) получила задачу, нанося удар из Восточной Пруссии, уничтожить расположенные в Прибалтике вражеские силы и затем начать наступление на Ленинград. Действовавшая в ее составе *4-й танковая группа* (командующий – генерал-полковник Гепнер) получила задачу быстро выйти на рубеж Двины у Двинска и ниже его, чтобы захватить переправы через Двину для дальнейшего наступления в направлении Опочка. Справа от нее *16-я армия* (командующий – генерал-полковник Буш) наносила удар через Ковно с тем, чтобы быстро следовать за 4-й танковой группой; слева от 4-й танковой группы наступала в общем направлении на Ригу *18-я армия* (командующий – генерал фон Кюхлер).

16 июня я прибыл, побывав уже до этого один раз в Восточной Пруссии, в район развертывания 56-го танкового корпуса. Генерал-полковник Гепнер отдал следующий приказ о наступлении 4-й танковой группы:

56-й танковый корпус (8-я танковая, 3-я мотопехотная дивизия, 290-я пехотная дивизия) получил задачу начать наступление из лесов севернее Мемеля, восточнее Тильзита на восток и овладеть северо-восточнее Ковно большим шоссе, ведущим в Двинск. Слева от него *41-й танковый корпус* генерала Рейнгардта (1-я и 6-я танковые, 36-я мотопехотная дивизия, 269-я пехотная дивизия) получил задачу наступать в направлении на переправы через Двину в Якобштадте (Екабпилс). Входящая в состав танковой группы дивизия СС «Мертвая голова» должна была следовать во втором эшелоне, а затем догнать корпус, продвигающийся быстрее других соединений.

В связи с необходимостью отсечения всех расположенных вдоль Двины вражеских войск и быстрого развития операций группы армий «Север» решающее значение имело овладение неразрушенными мостами через Двину, так как широкая река представляла собой сильное препятствие. При наступлении 4-й танковой группы оба танковых корпуса должны были стремиться как можно скорее достичь Двины. 56-й танковый корпус надеялся выиграть это соревнование. Он находился в более выгодном положении, потому что, насколько нам была известна группировка сил противника, он должен был в глубине встретить более слабые неприятельские силы, чем 41-й танковый корпус. По этой причине 41-й танковый корпус был усилен командованием танковой группы одной танковой дивизией. Мое предложение – вместо этого перенести направление главного удара на участок с более слабыми силами – было оставлено без внимания.

Прежде чем начать описание боевых действий 56-го танкового корпуса, которые, собственно, интересны только потому, что они стали в настоящем смысле этого слова танковым рейдом, я должен остановиться на одном обстоятельстве, которое проливает яркий свет на ту пропасть, которая существовала между мнением солдата и мнением политического руководства.

За несколько дней до начала наступления мы получили приказ ОКВ, который позже стал известен под названием «приказа о комиссарах». Суть его заключалась в том, что в нем предписывался немедленный расстрел всех попавших в плен политических комиссаров Красной Армии – носителей большевистской идеологии.

С точки зрения международного права политические комиссары вряд ли могли пользоваться привилегиями, распространяющимися на военнослужащих. Они, конечно, не были солдатами. Я вряд ли стал бы рассматривать как солдата, например, гаулейтера, приставленного ко

мне в качестве политического надзирателя. Но равным образом нельзя было причислить этих комиссаров к не участвующим в бою, как, например, медицинский персонал, военных священников или корреспондентов. Напротив, не будучи солдатами, они были фанатическими борцами, а именно, борцами, деятельность которых по традиционным военным понятиям могла считаться лишь нелегальной. В их задачу входило не только осуществлять политический контроль над командирами, но и придать войне самый жестокий характер, который полностью противоречил прежнему пониманию ведения войны. Комиссары были как раз теми людьми, которые в первую очередь ввели те методы ведения войны и обращения с военнопленными, которые находились в явном противоречии с положениями Гаагской конвенции о ведении сухопутной войны.⁸²

Но какого бы мнения мы ни придерживались относительно статуса комиссаров с точки зрения международного права, их расстрел после взятия в плен в бою противоречил всяким представлениям о солдатской морали. Такой приказ, как приказ о комиссарах, по своему существу противоречил ей. Выполнение этого приказа угрожало не только чести войск, но и их моральному духу. Поэтому я был вынужден доложить моему начальнику, что в моих войсках этот приказ не будет выполняться. Я действовал при этом с согласия командиров частей и в своем корпусе так и поступал. Впрочем, естественно, мои начальники были полностью согласны с моим мнением. Попытки отменить этот приказ привели к успеху только много позднее, когда стало ясно, что единственным результатом приказа о комиссарах было то, что комиссары самыми жестокими способами заставляли войска сражаться до последнего⁸³.

В период наших очень непродолжительных приготовлений штаб корпуса находился в Инстербурге. Сам я с моим адъютантом обер-лейтенантом Шпехтом расположился за городом, в построенной на опушке леса вилле главного врача инстербургской больницы доктора Видвальда. Супругами Видвальд мы были приняты с тем гостеприимством и сердечностью, которые вошли в Восточной Пруссии в пословицу. Стояли прекрасные дни, которые нам посчастливилось провести в этом чудесном доме с нашими любезными хозяевами.

Мне приятно вспомнить и старого лесника, в доме которого мы, спасаясь от дождя, подкреплялись после ночных учений одной из наших дивизий чашкой горячего кофе и настоящим прусским завтраком, в то время как наш хозяин рассказывал то о своих оленях и лосях, то о своей службе в армии.

Последние дни перед началом наступления мы провели в расположенном близко от границы поместье Ленкен, славившемся в Восточной Пруссии своим конным заводом. Его хозяин, фон Шпербер, был ротмистром запаса и в то время находился на фронте. Поместье Ленкен было расположено в чудесном лесу, и когда мы туда прибыли, то увидели выгон, на котором паслись чистокровные лошади. Это был уголок, полный красоты и гармонии. Его вид показался нам хорошим предзнаменованием. Как прекрасен был этот далекий уголок нашей родины, наше последнее пристанище на немецкой земле! Когда мы проезжали мимо типичного для Восточной Пруссии низкого и простого господского дома, мы увидели прелестную молодую девушку, которая усердно убирала веранду. Пестрый платок обрамлял красивое, свежее лицо. «О!.. – воскликнул один из моих спутников. – Если все здесь так мило!..» Он спросил молодую девушку о хозяйке дома. Его лицо приняло не очень умное выражение, когда ему с улыбкой приветливо ответили: «Это я. Добро пожаловать!» Общий веселый смех. Молодая хозяйка

⁸² См. комментарий № 16. (Прим. ред.)

⁸³ Когда я принял командование 11-й армией, выяснилось, что мое мнение разделялось почти во всех соединениях сухопутных сил. И в 11-й армии приказ о комиссарах не выполнялся. Небольшое число комиссаров, которые, несмотря на это, были расстреляны, не были взяты в плен в бою, а схвачены в тылу как руководители или организаторы партизан. Поэтому с ними обращались согласно военному праву. (Прим. авт.) Первую половину этого утверждения Манштейна подтвердить так же сложно, как и опровергнуть. Однако вторая его половина сама по себе говорит об очень своеобразном понимании фельдмаршалом норм международного военного права – и фактически является признанием в совершении военных преступлений. (Прим. ред.)

имения недавно родила сына, и я стал его крестным отцом. Так установилась связь, которая пережила годы войны и тяжелые послевоенные годы. Молодая фон Шпербер, когда ее муж был на войне, управляла поместьем и заводом; ей пришлось потом бежать от русских. С мужем и семью детьми это «молодое существо», в котором мы тогда так ошиблись, живет сейчас в Эльтвилле на Рейне. Когда в 1953 году я возвратился наконец из английского плена, она прислала мне бутылку лучшего вина, какое можно было только найти в этом известном районе, славящемся своими виноградниками. Кто знает рейнские вина, тот понимает, что это был за драгоценный напиток.

21 июня в 13:00 в штаб корпуса прибыл приказ о том, что наступление начинается на следующее утро в 03:00. Кости были брошены!

Небольшой район, который был отведен корпусу в лесу севернее Мемеля, позволил мне вначале использовать для наступления на пограничные позиции противника, по данным разведки, занятые его гарнизонами, только 8-ю танковую и 290-ю пехотную дивизии; 3-я мотопехотная дивизия находилась в резерве южнее Мемеля.

Сначала наши войска непосредственно на границе натолкнулись на слабое сопротивление, по-видимому, вражеского боевого охранения. Но вскоре они остановились перед укрепленным районом, который был преодолен только после того, как в полдень 8-я танковая дивизия прорвала вражеские позиции севернее Мемеля.

Уже в этот первый день нам пришлось познакомиться с теми методами, которыми велась война с советской стороны. Один из наших разведывательных дозоров, отрезанный врагом, был потом найден нашими войсками, он был вырезан и зверски искалечен.⁸⁴ Мой адъютант и я много ездили по районам, в которых еще могли находиться части противника, и мы решили не отдаваться живыми в руки этого противника. Позже часто случалось, что советские солдаты поднимали руки, чтобы показать, что они сдаются в плен, а после того, как наши пехотинцы подходили к ним, они вновь прибегали к оружию; или раненый симулировал смерть, а потом с тыла стрелял в наших солдат.

Общее впечатление от противника было такое, что он во фронтовой полосе не был захвачен врасплох нашим наступлением, но советское командование не рассчитывало – или еще не рассчитывало – на него и поэтому не сумело быстро подтянуть вперед имевшиеся в его распоряжении крупные силы.

Много спорили о том, носило ли развертывание сил советских войск оборонительный или наступательный характер. По числу сосредоточенных в западных областях Советского Союза сил и на основе сосредоточения больших масс танков как в районе Белостока, так и в районе Лемберга можно было вполне предполагать – во всяком случае, Гитлер так мотивировал принятие им решения о наступлении, – что рано или поздно Советский Союз перейдет в наступление. С другой стороны, группировка советских сил на 22 июня не говорила в пользу намерения в ближайшее время начать наступление.

Группа армий Ворошилова, противостоявшая нашей группе армий «Север», имела на границе только 7 дивизий, хотя в ее составе имелись 29 стрелковых, 2 танковых дивизии и 6 механизированных бригад (по фон Типпельскирху), расположенные в тылу, у Шауляя, Ковно и Вильно, а частично даже в районе Псков – Опочка, то есть на «линии Сталина».⁸⁵ Обе другие

⁸⁴ С первых же дней (и часов) войны на Востоке пропагандистское ведомство Рейха через армейские «пропагандабтайлунги» начало массовое распространение заранее заготовленных страшных историй о зверских истязаниях большевиками немецких пленных, вырезанных госпиталей и растерзанных летчиках, чьи самолеты оказались сбиты над вражеской территорией. Поскольку содержание этих сообщений резко контрастировало с обстановкой всеобщего победоносного наступления, в последующие недели число подобных реляций пришлось сильно уменьшить. (Прим. ред.)

⁸⁵ См. комментарий № 17. (Прим. ред.)

советские группы армий (Тимошенко и Буденного)⁸⁶ также были глубоко эшелонированы, хотя в них части, действовавшие в пограничной полосе, были значительно сильнее.

Более всего будет соответствовать правде утверждение о том, что развертывание советских войск, начавшееся с развертывания крупных сил еще в период занятия восточной Польши, Бессарабии и Прибалтики, было «развертыванием на любой случай». 22 июня 1941 года советские войска были, бесспорно, так глубоко эшелонированы, что при таком их расположении они были готовы только для ведения обороны. Но в зависимости от развития политического и военного положения Германии картина могла быстро измениться. Красная Армия по составу своих групп армий численно, но не в качественном отношении превосходившая немецкие войска⁸⁷, могла быть в течение короткого времени сосредоточена так, что была бы способна начать наступление. Развертывание советских войск, которое до 22 июня и могло быть подготовкой к обороне, представляло собой скрытую угрозу. Как только Советскому Союзу представился бы политический или военный шанс, он превратился бы в непосредственную угрозу для Германии.

Конечно, летом 1941 года Сталин не стал бы еще воевать с Германией. Но если правительство Советского Союза, смотря по развитию обстановки, полагало перейти к политическому давлению на Германию или даже к угрозе военного вмешательства, то, безусловно, подготовка сил для обороны могла быть в короткое время превращена в подготовку к наступлению. Речь шла именно «о развертывании сил на любой случай».⁸⁸

Но вернемся к 56-му танковому корпусу.

Если корпус хотел выполнить поставленную ему задачу овладеть неразрушенными мостами через Двину у Двинска, то после прорыва пограничных позиций необходимо было сделать следующее.

В первый день наступления корпус должен был продвинуться на 80 км в глубину, чтобы овладеть мостом через Дубиссу около Айроголы. Я знал рубеж Дубиссы еще с Первой мировой войны. Участок представлял собой глубокую речную долину с крутыми, недоступными для танков склонами. В Первую мировую войну наши железнодорожные войска в течение нескольких месяцев выстроили через эту реку образцовый деревянный мост. Если бы противнику удалось взорвать этот большой мост у Айроголы, то корпус был бы вынужден остановиться на этом рубеже. Враг выиграл бы время для организации обороны на крутом берегу на той стороне реки, которую было бы трудно прорвать. Было ясно, что в таком случае нечего было рассчитывать на внезапный захват мостов у Двинска. Переправа у Айроголы давала нам незамеченный трамплин для этого.

Какой бы напряженной ни была поставленная мною задача, 8-я танковая дивизия (командир – генерал Бранденбергер), в которой я в этот день больше всего был, выполнила ее. После прорыва пограничных позиций, преодолевая сопротивление врага глубоко в тылу, к вечеру 22 июня ее передовой отряд захватил переправу у Айроголы. 290-я дивизия следовала за ним быстрыми темпами, 3-я моторизованная дивизия в полдень прошла через Мемель и была введена в бой за переправу южнее Айроголы.

Первый шаг удался.

⁸⁶ Имеются в виду Западный фронт генерал-полковника Д. Г. Павлова и Юго-Западный фронт генерал-полковника М. П. Кирпоноса. (Прим. ред.)

⁸⁷ Это неправда, обычная для германской историографии Второй мировой войны. Советские войска действительно сильно превосходили войска Германии (с союзниками) по числу танков и количеству самолетов, но еще более серьезно (во много раз!) уступали им по оснащенности автотранспортом, и в полтора-два раза – по численности личного состава. Непосредственно в приграничной зоне численное превосходство немецкой армии было еще более значительным. (Прим. ред.)

⁸⁸ На эти слова Э. Манштейна хочется обратить особое внимание в связи с широко распространившейся в последние годы концепцией «превентивного удара» В. Суворова («Ледокол» и «День М»). (Прим. ред.)

Вторая предпосылка успеха у Двинска заключалась в том, чтобы корпус наступал без остановок до Двинска, не обращая внимания на то, успевают ли за ним соседи. Только совершенно неожиданный для противника удар дал бы нам возможность захватить там мосты. Само собой понятно, что такое наступление было большим риском.

Корпусу, как мы и надеялись, во время прорыва удалось найти слабое место в обороне противника. Правда, он все время наталкивался на вражеские части, которые бросались против него в бой, но его дивизиям удавалось сравнительно быстро ломать вражеское сопротивление, хотя иногда и в упорных боях.

Если слева от нас 41-й танковый корпус встретил сначала сильную группировку противника, сосредоточенную в районе Шауляя, и поэтому сильно задержался, а справа от нас левый фланг 16-й армии боролся за Ковно, то 56-й танковый корпус уже 24 июня овладел в районе Вилкомиерз большой дорогой, ведущей на Двинск. Вклинившись на 170 км в глубину вражеской территории, корпус оставил далеко позади себя не только своих соседей, но и вражеские части, располагавшиеся в пограничной области. Только 130 км отделяли нас от желаемой цели – от мостов через Двину! Можем ли мы сохранить такой темп? Было очевидно, что противник бросит на нас свежие силы из резервов. Одновременно он каждое мгновение мог бы закрыть, хотя бы временно, образовавшуюся после нас брешь и отрезать нас от тылов. Нас не раз предупреждало об осторожности командование танковой группы. Но мы не были намерены из-за нашего промедления упустить изменчивое счастье.

Наша 290-я пехотная дивизия не могла, конечно, выдержать такого темпа. Но так как она следовала за корпусом, то это придавало нам некоторую уверенность, и она отвлекала на себя большие силы, которые могли напасть на нас с тыла. Но корпус наступал на заветную цель – Двинск обеими дивизиями, 8-й танковой, действовавшей на большом шоссе, и продвигавшейся медленнее по обходным путям южнее шоссе 3-й мотопехотной дивизией.

Обе дивизии в упорных боях частично разбили бросаемые в бой вражеские резервы; 70 вражеских танков (примерно половина всей численности наших танков) и много вражеских батарей остались на дорогах. На сбор пленных у нас оставалось мало времени и сил.

26 июня утром 8-я танковая дивизия подошла к Двинску.⁸⁹ В 8 часов утра, будучи в ее штабе, я получил донесение о том, что оба больших моста через Двину в наших руках. Бой шел за город, расположенный на том берегу. Большой мост, абсолютно не поврежденный, попал в наши руки. Посты, которые должны были поджечь огнепроводный шнур, были схвачены у подходов к мосту.⁹⁰ Железнодорожный мост был только легко поврежден небольшим взрывом, но остался пригоден для движения. На следующий день 3-й мотопехотной дивизии удалось неожиданно форсировать реку выше города. Наша цель была достигнута!

Перед началом наступления мне задавали вопрос, за сколько времени мы думаем достичь Двинска. Я отвечал, что если не удастся это сделать за 4 дня, то вряд ли нам удастся захватить мосты в неповрежденном состоянии. Теперь мы это сделали за 4 дня и 5 часов, считая с момента начала наступления; мы преодолели сопротивление противника, проделав 300 км по прямой в непрерывном рейде. Успех, вряд ли возможный, если бы все командиры и солдаты не были охвачены одной целью – Двинск, и если бы мы не были согласны пойти на большой риск ради достижения этой цели. Теперь мы испытывали чувство большого удовлетворения, проезжая через огромные мосты в город, большую часть которого противник, к сожалению, предал огню. Наш успех не был к тому же достигнут ценой больших жертв.

Конечно, положение корпуса, одиноко стоявшего на северном берегу Двины, никак нельзя было считать безопасным. 41-й танковый корпус и правый фланг 16-й армии находились

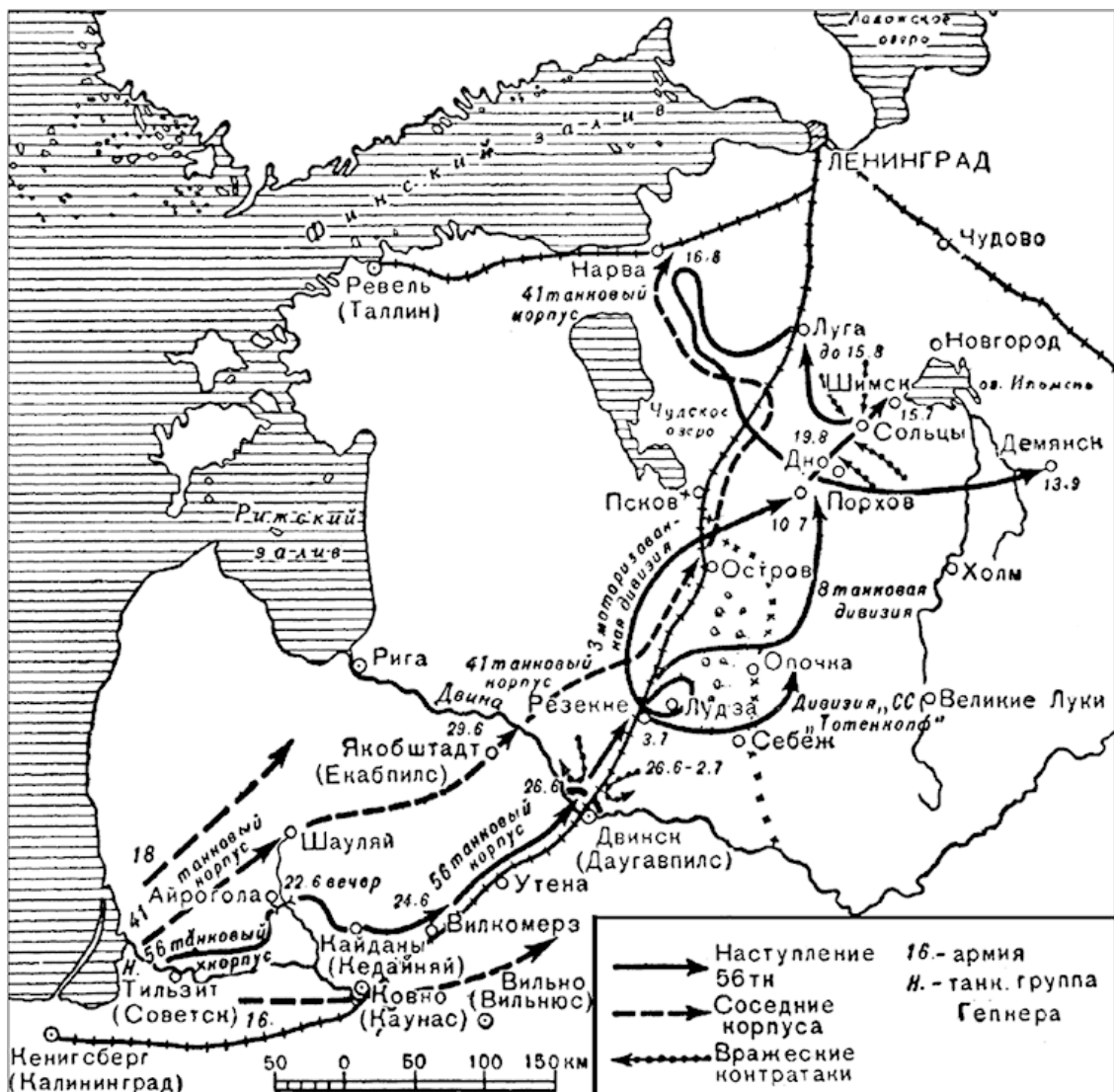
⁸⁹ См. комментарий № 18. (Прим. ред.)

⁹⁰ Манштейн не мог не знать, что мосты через Двину были захвачены диверсантами подразделения «Бранденбург-800», переодетыми в советскую форму, – что являлось грубейшим нарушением не только международных конвенций, но и так любезных его сердцу обычаев «рыцарской войны». (Прим. ред.)

в 100–150 км сзади. Между ними и нами находилось много советских корпусов, отступавших на Двину. Нам приходилось считаться не только с тем, что противник во что бы то ни стало постарается бросить на нас, на северный берег Двины, подходящие новые силы. Мы должны были также обеспечить прикрытие южного берега от отходящих туда вражеских частей. Опасность нашего положения стала ясной особенно тогда, когда отдел тыла штаба корпуса подвергся нападению с тыла недалеко от КП корпуса.

Но этот вопрос о нашем временном одиноком положении, в котором, конечно, мы не могли находиться очень долго, менее занимал наш штаб, чем вопрос о том, как будут развиваться события дальше. Будет ли ближайшей целью Ленинград или Москва? Командующий танковой группой, прибывший к нам 27 июня на «Шторхе», не мог ответить нам на этот вопрос. Можно было предполагать, что командующий должен знать дальнейшие оперативные цели, но это было не так. Вместо этого нам подлили воды в вино, отдав приказ удерживать переправы в районе плацдарма у Двинска, который мы должны были расширить. Мы вынуждены были ждать подхода 41-го танкового корпуса, который должен был переправиться у Jakobstadt, а также частей левого фланга 16-й армии.

Конечно, это было «надежным» и по-школьному правильным решением. Мы же все-таки думали иначе. По нашему мнению, неожиданное появление корпуса далеко в глубине вражеского фронта вызовет сильную панику у противника. Противник, конечно, будет пытаться сделать все, чтобы вновь отбросить нас за реку и стянуть для этого все силы.

Рейд 56-го танкового корпуса в июне-июле 1941 года

Но чем быстрее мы продвигались бы, тем меньше он был бы в состоянии бросить на нас превосходящие силы, заранее спланировав эту операцию. Если бы мы продолжили, обеспечив охрану переправ через Двину, наступление в направлении на Псков, и танковая группа как можно быстрее выдвинула бы другой танковый корпус через Двину, то противник был бы вынужден, как это уже имело место, бросить на нас только то, что он имел под рукой. Он не смог бы провести заранее подготовленную операцию. Позаботиться о разбитых вражеских частях южнее Двины могли бы следовавшие за нами армии.

Естественно, риск возрастал по мере того, как отдельный танковый корпус или вся танковая группа одна продвигалась в глубину русского пространства. Но, с другой стороны, безопасность подвижного соединения, находящегося в тылу вражеского фронта, основывается главным образом на том, что оно все время остается в движении. Если оно остановится, то будет немедленно атаковано со всех сторон подходящими вражескими резервами.

Это мнение не поддерживалось Главным командованием, в чем, конечно, ему не сделаешь упрека. Конечно, если бы мы пытались дальнейшим продвижением удержать фортуна, это было бы азартной игрой. Она могла бы заманить нас в пропасть. Следовательно, цель – Ленинград – отодвигалась от нас в далекое будущее, а корпус должен был выжидать у Двинска. Как можно было предвидеть, противник подтянул свежие силы, и не только от Пскова, но и от Минска и Москвы. Вскоре на северном берегу Двины нам пришлось обороняться от атак противника, поддержанных одной танковой дивизией. На некоторых участках дело принимало серьезный оборот. В одной контратаке, которую предприняла 3-й мотодивизия с целью вернуть потерянную местность, 3 раненых офицера и 30 солдат, которые за день до этого попали в руки противника на перевязочном пункте, были найдены мертвыми.

В эти дни советская авиация прилагала все усилия, чтобы разрушить воздушными налетами попавшие в наши руки мосты. С удивительным упорством одна эскадрилья летела за другой на небольшой высоте с единственным результатом – их сбивали. Только за один день наши истребители и зенитная артиллерия сбили 64 советских самолета.⁹¹

Наконец 2 июля мы смогли вновь выступить после того, как в корпус прибыло третье механизированное соединение – дивизия СС «Мертвая голова», а слева от нас 41-й танковый корпус перешел Двину у Якобштадта.⁹²

4-й танковая группа получила направление для дальнейшего наступления через Резекне – Остров на Псков. Итак, где-то вдалеке наконец-то выявилась наша цель – Ленинград!

Однако после внезапного рейда корпуса на Двинск прошло уже 6 дней. Противник имел время преодолеть тот шок, который он получил при появлении немецких войск на восточном берегу Двины.⁹³

Такой рейд, какой сделал 56-й танковый корпус до Двинска, неизбежно вносит растерянность и панику в тылу врага, нарушает управление войсками противника и делает почти невозможным планомерное ведение операций. Эти преимущества 4-я танковая группа потеряла в результате своих действий на Двине, хотя для этого, может быть, и были веские причины. Удастся ли еще раз в такой же степени упредить противника, было, по крайней мере, сомнительно. Во всяком случае, ясно, что это было бы возможно лишь в том случае, если бы танковой группе удалось направить все силы на выполнение одной задачи. Как раз этого, как

⁹¹ См. комментарий № 19. (Прим. ред.)

⁹² Столь легкое преодоление противником линии Двины было вызвано тем, что командующий Северо-Западным фронтом В. И. Кузнецов 30 июня, вопреки распоряжению Генштаба, начал отвод войск к Пскову и Острову, на линию старой границы. За это Кузнецов вечером того же дня был снят с должности командующего фронтом, но продолжал исполнять ее до 4 июля. (Прим. ред.)

⁹³ См. комментарий № 20. (Прим. ред.)

будет показано, не произошло, хотя противник и не имел достаточно сил, чтобы остановить продвижение танковой группы.

Сначала танковая группа выступила всеми силами с линии Двинск – Якобштадт в направлении на Псков, 56-й танковый корпус – по большой дороге Двинск – Резекне – Остров – Псков и восточнее этой дороги на левом фланге – 41-й танковый корпус. Соппротивление противника оказалось более сильным и планомерным, чем в первые дни войны. Несмотря на это, мы все время теснили его.

В этих боях мне запомнился один маленький эпизод, который был воспринят моими подчиненными не без примеси чувства злорадства. Кто командовал в таких боях танковым корпусом, тот знает, что – как ни удивительно было стремительное продвижение немецких войск вперед – для непрерывного преследования противника войска тем не менее всегда нуждаются в присутствии высших командиров в передовых подразделениях и подстегивании с их стороны. Так и я прибыл однажды в штаб одной боевой группы 8-й танковой дивизии, продвижение которой остановилось из-за неприятельского артиллерийского огня. Сначала я подумал, судя по характеру огня, что это был беспокоящий огонь противника по этой большой дороге, который не должен остановить наше продвижение. Едва только я успел высказать это мнение, как вражеская артиллерия обрушила на нас ураганный огонь, заставивший нас быстро укрыться в щелях. Мой верный водитель Нагель, который хотел быстро вывести машину из района обстрела, был ранен, но, к счастью, только легко. В то время как мы, сидя в наших щелях, пережидали обстрел, господа из этого штаба не могли скрыть своего злорадства по поводу того, что командир корпуса так хорошо проучен фактами. Потом мы все искренне посмеялись и затем отправились дальше.

Танковая группа приближалась к «линии Сталина» – советским пограничным укреплениям, которые тянулись, изменяясь по своему характеру, вдоль бывшей советской границы от южной оконечности Чудского озера западнее Пскова до бывшей небольшой русской пограничной крепости Себеж.

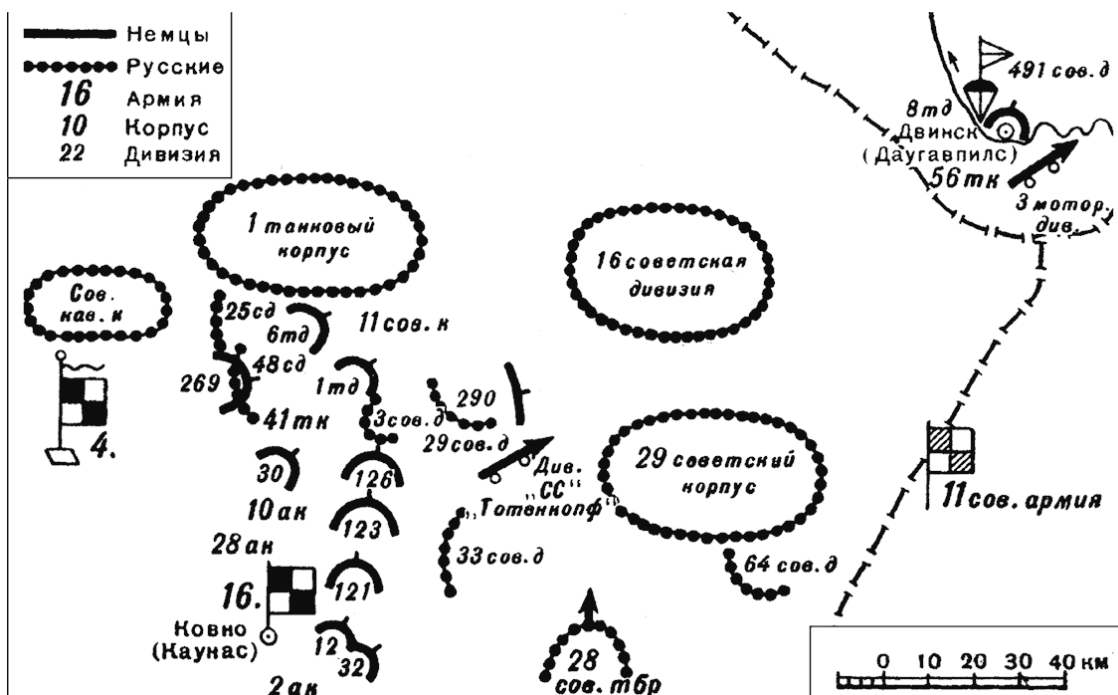
Командование танковой группы отвело для наступления 41-го танкового корпуса большую дорогу на Остров, а 56-й танковый корпус повернул резко на восток на Себеж – Опочка. Командование думало, что корпус после прорыва «линии Сталина» сможет обойти с востока сильную группировку вражеских танков, предполагаемую в районе Пскова: прекрасная мысль, если бы вражеская группировка действительно была там и можно было бы надеяться, что 56-й танковый корпус быстро проведет обходный маневр.

По нашему же мнению, первое предположение не соответствовало действительности, а второй замысел был неосуществим, так как корпус в указанном ему направлении должен был преодолеть широкую болотистую местность впереди «линии Сталина». Наши предложения – продолжать наступление обоими корпусами на Остров – остались безрезультатными. К сожалению, наши опасения насчет болотистой местности оправдались. Правда, 8-я танковая дивизия нашла гать, ведущую через болота. Но она была забита машинами советской мотодивизии, которые так и остались здесь. Потребовались дни, чтобы расчистить дорогу и восстановить разрушенные мосты. Когда наконец танковая дивизия смогла выйти из болот, она натолкнулась на сильное сопротивление, которое удалось сломить только после сравнительно упорных боев.

3-я мотодивизия в своей полосе нашла только узкую дорогу, по которой она со своими машинами не смогла пройти. Она должна была отойти назад и была введена в состав 41-го танкового корпуса, действовавшего в направлении на Остров.

Более сносные условия местности, но и сильную укрепленную линию встретила дивизия СС «Мертвая голова», наступавшая на Себеж. Но здесь сказалась слабость, неизбежно присутствующая войскам, командному составу которых не хватает основательной подготовки и опыта.

Что касается дисциплины и солдатской выдержки, то дивизия производила, несомненно, хорошее впечатление. Я даже имел случай отметить ее особенно хорошую дисциплину на марше – важнейшую предпосылку для четкого движения моторизованных соединений.

Положение группы армий «Север» на 26 июня 1941 года. 56-й танковый корпус захватил Двинск

Дивизия также всегда атаковала с большой смелостью и показала упорство в обороне. Позже не раз эта дивизия была в составе моих войск, и я полагаю, что она была лучшей из всех дивизий СС, которые мне приходилось иметь. Ее бывший командир был храбрым солдатом – однако он вскоре был ранен, а позже убит. Но все эти качества не могли возместить отсутствующей военной подготовки командного состава. Дивизия несла колоссальные потери, так как она и ее командиры должны были учиться в бою тому, чему полки сухопутной армии уже давно научились. Эти потери, а также недостаточный опыт, приводили в свою очередь к тому, что она упускала благоприятные возможности и неизбежно должна была вести новые бои. Ибо нет ничего труднее, как научиться пользоваться моментом, когда ослабление силы сопротивления противника дает наступающему наилучший шанс на решающий успех. В ходе боев я все время должен был оказывать помощь дивизии, но не мог предотвратить ее сильно возмставших потерь. После десяти дней боев три полка дивизии пришлось свести в два.

Как бы храбро ни сражались всегда дивизии войск СС, каких бы прекрасных успехов они ни достигали, все же не подлежит никакому сомнению, что создание этих особых военных формирований было непростительной ошибкой. Отличное пополнение, которое могло бы в армии занять должности унтер-офицеров, в войсках СС так быстро выбывало из строя, что с этим никак нельзя было примириться. Пролитая ими кровь ни в коей мере не окупалась достигнутыми успехами. Понятно, что нельзя в этом упрекать войска. Вину за эти ненужные потери несут те, кто формировал эти особые соединения из политических соображений вопреки возражениям всех авторитетных инстанций сухопутной армии. Ни в коем случае нельзя, однако, забывать, что солдаты войск СС на фронте были хорошими товарищами и показали себя храбрыми и стойкими бойцами. Несомненно, большая часть состава войск СС приветствовала бы выход их из подчинения Гиммлера и включение в состав сухопутной армии.

Прежде чем вернуться после этого отступления к боевым действиям 56-го танкового корпуса, скажу еще несколько слов, которые дадут наглядное представление читателю о том, как в последней войне организовывалось управление подвижными соединениями.

В битве у Сен-Прива и Гравлота в войне 1870–1871 годов мой дед, будучи командиром корпуса, находился со своим штабом под обстрелом на одной высотке, с которой он обзирал все поле и мог лично руководить боем корпуса. Он мог еще подъезжать к готовившимся к штурму войскам и, как сообщают, строго отчитал батарею, которая заняла огневые позиции недостаточно близко от расположения противника.

Все эти картины конечно, ушли безвозвратно в прошлое. В Первую мировую войну все более дальний огонь вражеской артиллерии заставлял высшие штабы удаляться глубже в тыл. Размеры полос исключали возможность непосредственного наблюдения и управления на поле боя. Решающее значение стала иметь хорошо функционирующая телефонная связь. Картина, нарисованная Шлиффеном, видевшим будущего полководца сидящим у телефона и отдающим за письменным столом приказы, воодушевляющие войска, стала действительностью.

Однако Вторая мировая война потребовала новых методов управления, особенно подвижными соединениями. Здесь так быстро меняется обстановка, так быстро меняются возможности для использования благоприятных моментов, что ввиду этого командир соединения не может находиться далеко в тылу на КП. Если сидеть на КП и ждать донесений, то в таком случае будут приниматься слишком запоздалые решения, многие шансы останутся неиспользованными. Часто необходимо – особенно после достижения успеха в бою – преодолеть вполне естественные явления усталости у войск и подстегнуть их. Но этим еще дело не сделано.

При тех больших требованиях, которые предъявляет вновь возрожденная нами маневренная война к выдержке солдат и командиров, старшему командиру еще важнее, как можно чаще появляться перед войсками. Солдат не должен иметь такого чувства, что «тыловые командиры» выдумывают какие-то приказы, не зная действительной обстановки на поле боя. У него появляется известное чувство удовлетворения, когда он видит, что и командир корпуса попадает иногда в переделку или становится свидетелем достигнутого успеха. Если ежедневно бывать в войсках, узнаешь их нужды, слушаешь их заботы и поможешь им. Командир соединения – это не только человек, который по долгу своей службы вынужден постоянно требовать, но он и помощник, и товарищ. Кроме того, он сам черпает из этих посещений войск новые силы.

Как часто случалось, что я, бывая в каком-либо штабе дивизии, выслушивал опасения в связи с ослаблением ударной силы частей или в связи с часто неизбежным перенапряжением сил. Безусловно, эти опасения чем дальше, тем больше давили и на командиров, так как на них лежала ответственность за их батальоны и полки. Когда я затем выезжал в сражающиеся части на передний край, то часто с радостью констатировал, что там нередко оценивали положение более уверенно, а настроение – может быть, в связи с одержанной в это время победой – было более бодрым, нежели я предполагал. Когда выкуришь сигарету с экипажем танка или расскажешь в роте об общей обстановке, то после этого всегда наблюдаешь, как прорывается неукротимое стремление немецких солдат идти вперед и готовность отдать все до последней капли крови. Такие встречи для командиров соединений часто являются самыми прекрасными моментами, какие они только могут пережить. К сожалению, их тем меньше, чем выше командир. Командующий армией или группой армий не может бывать в войсках так часто, как это еще может делать командир корпуса.

Но и командир корпуса не может все время разъезжать. Командир, который непрерывно находится на местности и которого никогда не застaneшь, практически теряет руководство в своем штабе. В некоторых случаях, может быть, это и хорошо, но в конце концов не в этом

смысл дела. Поэтому необходимо разумно организовать управление, особенно в подвижных соединениях, и во всяком случае обеспечивать его непрерывность.

Необходимо также, чтобы отдел тыла штаба корпуса, как правило, оставался бы несколько дней на одном месте, чтобы не прекращать обеспечения подвоза. Командир же корпуса с оперативным отделом штаба должен, чтобы следовать за продвижением своих подчиненных дивизий, почти ежедневно, а иногда и два раза в день перемещать свой командный пункт. Это требует, конечно, большой подвижности штаба. Этого можно достичь только путем уменьшения состава своего боевого штаба, что, впрочем, часто только полезно для управления, и отказом от всяких удобств. Духу бюрократизма, который, к сожалению, проникает и в армию, тогда, конечно, приходится туго.

Мы не задерживали себя долго поисками мест расквартирования. Во Франции на каждом шагу стояли большие и маленькие замки. На Востоке маленькие деревянные дома не имели ничего заманчивого, особенно если учесть, что там всегда присутствовали «домашние зверьки». Поэтому боевой штаб жил почти всегда в палатках и в двух штабных автобусах, которые вместе с немногими легковыми автомашинами, радиостанцией и телефонной станцией одновременно служили и транспортом для технического персонала штаба. Я разделял мою маленькую палатку с моим адъютантом и, кажется, за весь этот танковый рейд только три раза спал в постели, а то все время в палатке в моем спальном мешке. Только один наш офицер штаба всегда питал непреодолимое отвращение к палатке. Он предпочитал спать в своей машине. Его длинные ноги свешивались за дверцу, и после дождливых ночей он не мог снять свои мокрые сапоги.

Мы всегда разбивали свой маленький палаточный лагерь в лесу или кустарнике недалеко от главной дороги, если возможно – около озера или реки, с тем, чтобы после возвращения из наших поездок, все в грязи и пыли, а также при утреннем подъеме выкупаться в воде.

В то время как начальник моего боевого штаба в связи со своей работой, а также в связи с необходимостью поддерживать телефонную связь вынужден был находиться на нашем КП, я целый день до поздней ночи разъезжал. Большей частью я выезжал рано утром после получения утренних донесений и отдачи необходимых приказов, чтобы побывать в дивизиях или в передовых частях. В полдень я возвращался на КП и после короткого отдыха вновь отправлялся в какую-либо дивизию. Часто как раз в вечерние часы решался успех, и необходимо было подстегнуть войска.

Усталые, от пыли похожие на негров, мы возвращались в наш палаточный лагерь, который к этому времени был уже разбит на новом месте. Особенно приятно было, когда вместо обычного ужина, состоявшего, как правило, из хлеба, копченой колбасы и маргарина, благодаря заботам майора Нимана мы получали жареную курицу или даже бутылку вина, которую он выдавал нам из своего маленького запаса.⁹⁴ Правда, куры и утки были редкостью, поскольку, хотя мы и были всегда впереди, на них находилось много других любителей.⁹⁵ Когда начались ранние осенние дожди и в палатках стало довольно холодно, баня, которую в примитивном виде можно было найти в каждом дворе, доставляла нам приятную и освежающую теплоту.

Конечно, я мог постоянно передвигаться и при этом продолжать управлять войсками только потому, что постоянно брал с собой радиостанцию на машине под начальством нашего превосходного офицера связи, позже майора Генерального штаба Колера. Он с удивительной быстротой искусно налаживал радиосвязь с дивизиями, а также с КП и поддерживал ее во время поездок.⁹⁶ Поэтому я всегда был в курсе обстановки на всем участке корпуса, и те рас-

⁹⁴ А ведь ниже Манштейн будет всерьез утверждать, что немецкие высшие офицеры питались точно так же, как их солдаты! (Прим. ред.)

⁹⁵ Ср. с разглагольствованиями об «уважении к частной собственности» в главе 6. (Прим. ред.)

⁹⁶ См. комментарий № 21. (Прим. ред.)

поряжения, которые я отдавал на месте, сразу же попадали в оперативную группу штаба, он сам также своевременно получал сведения. Кстати, Колер в период моего плена оказался верным другом и помощником моей жены.

Моим постоянным спутником в этих поездках наряду с двумя верными водителями Нагелем и Шуманом и двумя связными мотоциклистами был мой адъютант обер-лейтенант Шпехт. Мы называли его «Пепо» за его небольшую тонкую фигуру, свежесть и беззаботность. Он представлял собой тип молодого офицера-кавалериста, каким его себе обычно представляешь. Бодрый, молодцеватый, с долей легкомыслия по отношению к опасностям, сообразительный и находчивый, всегда веселый и несколько наглый – качества, которыми он завоевал мое сердце. Он был хорошо сложен как кавалерист (его отец был большим любителем лошадей, а его мать – замечательной наездницей) и, едва став лейтенантом, незадолго до войны выиграл несколько больших скачек. Он был всегда готов к любым поездкам, но больше всего любил участие в «дозорах» вместе со своим командиром корпуса. Пока мы, будучи в танковом корпусе, могли ежедневно бывать на поле боя, «Пепо» был доволен мною и своей судьбой. Но когда я позже в качестве командующего армией не мог уже так часто бывать на фронте, он начал терзаться своим положением и настойчиво проситься в часть. Стремление, вполне понятное для молодого офицера. Я часто выполнял его желание, и в Крыму он дважды очень умело и храбро командовал эскадром одного разведывательного батальона. Когда я перед Ленинградом вновь послал его в одну дивизию, он разбился со «Шторхом» – потеря, которая причинила мне большую боль.

Вернемся к 56-му корпусу. Жизнь в палатках и машине была тяжелой, и мы часто зверски уставали. В такое время нас ободряли маленькие веселые эпизоды, которые нам приходилось переживать. Однажды мы мучительно медленно двигались в составе колонны 3-й мотодивизии по узкой дороге, которая не давала возможности обгона. Мы двигались в сплошном облаке пыли. Перед радиатором мы видели только тень движущейся впереди машины или задний огонь, который предусмотрительно зажигался на ней. На перекрестке дорог около одной деревни создалась пробка. Облако пыли опало и медленно рассеивалось. Мы взглянули вперед, и наши лица вытянулись от удивления. Несколько секунд мы сидели без движения. Мы увидели впереди нас два советских броневика. Они уже давно, ничего не подозревая, ехали в нашей колонне. К нашему счастью, их экипаж, заметивший, где он находится, был ошеломлен не менее нас. Если бы они проявили сообразительность, то могли бы открыть по нас огонь из всего оружия. Однако они с завывающими моторами ушли влево и свернули на боковую дорогу.

В другой раз в ужасную жару, черные, как негры, от пыли, мы, довольно усталые, прибыли в штаб 8-й танковой дивизии. В то время, когда командир докладывал обстановку, офицер штаба дивизии майор Берендзен (в настоящее время депутат бундестага), бывший, впрочем, прекрасным офицером танковых войск, протянул мне бутылку французского коньяка во льду. Где он мог в этой жаре достать льду? Выяснилось, что саперная рота, оборудуя новый подъезд к мосту, раскопала большой холм, оказавшийся засыпанной землей ледяной горой – складом льда молочной фермы. Пожалуй, никогда еще коньяк не доставлял мне такого удовольствия, как в этот раз.

Спустя несколько дней мы проезжали по охваченному пламенем городу Солыцы. Вдруг из густого дыма прямо перед нашей машиной появился какой-то русский. Он тащил за собой небольшую тележку, нагруженную ящиками, в которых поблескивали небольшие бутылки с водкой государственного спиртоводочного завода. Видимо, он «спас» их из государственного склада и решил, что полезно будет принести и нам дань в виде одного ящика с водкой. Редко нам оказывался такой восторженный прием при возвращении на КП, как в этот раз, когда мы привезли с собой эти бутылочки с водкой и раздали их нашим. Трудно представить себе, какую большую роль играют эти маленькие радости во фронтовой жизни.

Наряду с преимуществами, которые частое пребывание на передовой представляло для управления танковым корпусом оценки боеспособности своих войск и использования благоприятной тактической обстановки, с этим связано еще одно удобство. Благодаря ему не чувствуешь себя привязанным к «проводу», к телефону, соединяющему тебя с высшим начальством, а это освобождает от многих излишних запросов и ответов. Как бы ни была необходима телефонная связь для управления войсками, она все же легко превращается в путы, сковывающие свободную инициативу.

Однако вернемся к изображению тогдашних военных событий.

К 9 июля окончательно выяснилось, что попытка командования танковой группы обойти силами 56-го танкового корпуса с востока силы противника, сосредоточенные, как полагали, в Пскове, не может дать успеха. Этому препятствовали болотистая местность и сильное сопротивление противника. Не оставалось ничего другого, кроме как прекратить проведение этого маневра и все же перебросить штаб корпуса вместе с 8-й танковой дивизией на север в направлении на Остров, куда уже была направлена ранее 3-я мотопехотная дивизия. Как показала сводка от 10 июля, танковый корпус после начала своего продвижения от Двинска разгромил четыре или пять стрелковых дивизий противника, танковую дивизию и моторизованную дивизию, то есть значительно превосходящие его численно силы противника. Наряду с тысячами плененных нами с момента перехода через государственную границу было взято в качестве трофеев 60 самолетов, 316 орудий (включая противотанковые и зенитные), 205 танков и 600 грузовых автомашин. Однако отброшенный теперь на восток противник, как вскоре оказалось, еще не был уничтожен.

Командование корпуса ожидало, что после сосредоточения сил 4-й танковой группы в районе Острова непосредственно последует быстрое и массированное наступление группы на Ленинград – 56-й танковый корпус через Лугу, а 41-й танковый корпус через Псков. По крайней мере, по нашему мнению, таким образом лучше всего было бы обеспечено взятие Ленинграда в кратчайший срок и окружение сил противника, отходящих под натиском 18-й армии через Лифляндию в Эстонию. 16-я армия, следовавшая позади 4-й танковой группы, должна была бы наступательными действиями обеспечить в этой операции открытый восточный фланг.

Но командование танковой группы, следуя, видимо, указаниям Главного командования, приняло иное решение. 41-му танковому корпусу было приказано продвигаться в направлении на Ленинград по шоссе через Лугу. 56-й танковый корпус должен был, снова нанося удар в восточном направлении, продвигаться через Порхов – Новгород, чтобы возможно скорее перерезать в районе Чудово железнодорожную линию Москва – Ленинград. Как бы ни была важна эта задача, такая группировка сил означала новый большой разрыв между обоими танковыми корпусами. В этом крылась опасность, что и та, и другая группировка не будет обладать необходимой ударной силой. Усугублялась эта опасность тем, что сильно заболоченная и в значительной части покрытая лесом местность, отделявшая нас от Ленинграда, была не очень-то благоприятна для действий танковых корпусов.

Особенно было достойно сожаления, что из-под подчинения 56-го танкового корпуса была изъята дивизия СС «Мертвая голова», смененная в районе Себеж – Опочка подошедшей 290-й пехотной дивизией. Эта дивизия находилась в резерве танковой группы южнее Острова. Как и в начале наступления от немецкой границы, танковая группа вновь наносила главный удар своим левым флангом – 41-й танковый корпус. 56-й танковый корпус должен был начать свой глубокий обходный маневр на Чудово в составе только двух дивизий – одной танковой и одной моторизованной. Он был лишен возможности прикрыть, как это было необходимо, свой открытый южный фланг, поместив на нем уступом вправо дивизию СС «Мертвая голова». Это было тем более опасно, что силы противника, с которыми корпус вел бой до того времени,

хотя и были потрепаны, но отнюдь не уничтожены.⁹⁷ Как бы то ни было, командование корпуса продолжало считать, что безопасность корпуса по-прежнему следует обеспечивать быстротой его маневра.

3-я мотодивизия, впервые перешедшая в наше распоряжение в районе Острова, 10 июля в ожесточенном бою взяла Порхов и была направлена дальше по боковой дороге на север. 8-я танковая дивизия должна была продвигаться через Сольцы, чтобы возможно скорее захватить важный для дальнейшего продвижения переход через реку Мшага у ее впадения в озеро Ильмень.

В последующие дни мы продвигались с продолжительными и большей частью тяжелыми боями. Противник на нашем открытом южном фланге пока не давал о себе знать, только 14 июля КП корпуса на северном берегу Шелони был атакован противником, по-видимому, его разведывательным отрядом. 8-я танковая дивизия, взявшая Сольцы в боях с противником, располагавшим сильной артиллерией и тяжелыми танками, в тот же день по моему приказу вышла на рубеж реки Мшага. Мост оказался разрушенным.

Тем временем командование танковой группы перенесло направление главного удара с шоссе, ведущего через Лугу, дальше на запад. Оно бросило 41-й танковый корпус в составе трех танковых и мехдивизий от Пскова на север, чтобы отрезать путь отступления противнику, отходящему перед 18-й армией через Нарву севернее Чудского озера. На Лужском шоссе от корпуса осталась только одна 269-я пехотная дивизия.

Вследствие этого 56-й танковый корпус в своем глубоком обходном маневре на Чудово неожиданно оказался еще более изолированным, чем раньше. Поэтому командование корпуса доложило командующему танковой группой, что в этой обстановке для выполнения задачи по овладению городом Чудово необходимо немедленно направить дивизию СС «Мертвая голова» вслед корпусу, а также подтянуть 1-й армейский корпус 16-й армии, следовавший за нами на относительно близком расстоянии.

Прежде чем было предпринято что-либо по этому докладу, 56-й танковый корпус оказался в затруднительном положении. 15 июля на КП командира корпуса, находившийся на Шелони западнее Сольцы, поступили малоутешительные донесения. Противник большими силами с севера ударил во фланг вышедшей на реку Мшага 8-й танковой дивизии и одновременно с юга перешел через реку Шелонь. Сольцы – в руках противника. Таким образом, главные силы 8-й танковой дивизии, находившиеся между Сольцами и Мшагой, оказались отрезанными от тылов дивизии, при которых находился и штаб корпуса. Кроме того, противник отрезал и нас и с юга большими силами перерезал наши коммуникации. Одновременно продвигавшаяся дальше к северу 3-я мотодивизия была у Мал. Утогорж атакована с севера и северо-востока превосходящими силами противника.⁹⁸

Было ясно, что цель противника заключается в окружении изолированного 56-го танкового корпуса. Так как на нашем правом фланге не следовала уступом дивизия СС «Мертвая голова», ему удалось форсировать Шелонь силами, находившимися на нашем южном фланге. Одновременно отвод 41-го танкового корпуса с Лужского шоссе освободил там значительные силы противника, которые и атаковали наш северный фланг.

Нельзя было сказать, чтобы положение корпуса в этот момент было весьма завидным. Мы должны были задаться вопросом: не идем ли мы на слишком большой риск? Не слишком ли мы под влиянием своих прежних успехов недооценили противника на нашем южном фланге? Но что же нам оставалось, если мы хотели обеспечить себе хотя какие-нибудь шансы для выполнения поставленной задачи? В сложившейся обстановке не оставалось ничего другого, как отвести через Сольцы 8-ю танковую дивизию, чтобы уйти от угрожавших нам клещей.

⁹⁷ См. комментарий № 22. (Прим. ред.)

⁹⁸ См. комментарий № 23. (Прим. ред.)

3-я мотодивизия также должна была временно оторваться от противника, чтобы корпус вновь мог получить свободу действий.

Последующие несколько дней были критическими, и противник всеми силами старался сохранить кольцо окружения. Для этой цели он ввел в бой, кроме стрелковых дивизий, две танковые дивизии, большие силы артиллерии и авиации.⁹⁹ Несмотря на это, 8-й танковой дивизии удалось прорваться через Сольцы на запад и вновь соединить свои силы. Все же некоторое время ее снабжение обеспечивалось по воздуху. 3-й моторизованной дивизии удалось оторваться от противника, только отбив 17 атак. Тем временем удалось также освободить от противника наши коммуникации после того, как командование группы вновь передало в подчинение корпуса дивизию СС «Мертвая голова».

18 июля кризис можно было считать преодоленным. Фронт корпуса, направленный на восток и северо-восток и проходивший примерно на рубеже города Дно, вновь был восстановлен. 8-я моторизованная дивизия была сменена дивизией СС и получила короткий отдых. На южном фланге, который раньше был открыт, опасность была ликвидирована благодаря подходу 1-го армейского корпуса 16-й армии, продвигавшегося на Дно.

Утешением для нас было захваченное нами в самолете связи донесение советского маршала Ворошилова, который командовал противостоящим нам фронтом. Из донесения следовало, что были разбиты значительные силы советских войск, причем особо упоминались бои за Сольцы.

В дни окружения мы, естественно, имели связь с тылом в лучшем случае по радио или самолетами. Едва только была восстановлена нормальная связь, как на нас опять обрушился бумажный поток. Упоминания заслуживает телеграфный запрос угрожающего содержания, исходивший от Главного командования. Дело в том, что московское радио несколько преждевременно сообщило о нашем окружении и при этом отметило, что советские войска захватили у нас важные секретные уставы. Речь шла о сугубо секретном наставлении по химическим минометам. Это новое оружие, из которого мы стреляли также снарядами с горючей жидкостью, по-видимому, доставляло много неприятностей Советам. Стоявшая против нас армия однажды уже открыто передала по радио, что если мы не прекратим игры с зажигательными снарядами, то будут применены газы (что они, конечно, не посмели бы сделать из-за того, что противохимическая защита у них была совершенно недостаточной). Было вполне понятно, что московское радио с радостью протрубило на весь мир о захвате этого секретного наставления. Теперь Главное командование требовало от нас объяснений, «как оказалось возможным», что совершенно секретный документ попал в руки противника. Противник захватил наставление, конечно, не у передовых частей, а в обозе, когда он занял наши коммуникации. Это всегда может случиться с танковым корпусом, находящимся далеко впереди фронта своих войск. В ответ на запрос мы изложили обстоятельства дела с добавлением, что впредь, дабы избежать порицания, мы не позволим себе разгуливать в 100 км впереди фронта своих войск.

Уже 19 июля командование танковой группы поставило нас в известность о том, что оно намерено направить 56-й танковый корпус через Лугу на Ленинград. Находившаяся у Лужского шоссе 269-я пехотная дивизия была уже подчинена нам. Опять было отвергнуто наше предложение сосредоточить наконец силы танковой группы в полосе 41-го танкового корпуса восточнее Нарвы (откуда на Ленинград вели четыре исправные дороги), а не в гораздо менее выгодном направлении на Лугу, где обширные леса затрудняли ведение боевых действий. Пока что мы должны были вместе с 1-м армейским корпусом наступать на восток, чтобы занять достигнутый уже однажды рубеж реки Мшага. Главное командование, по-видимому, все еще придерживалось плана глубокого обхода, даже восточнее озера Ильмень. Так развернулись

⁹⁹ См. комментарий № 24. (Прим. ред.)

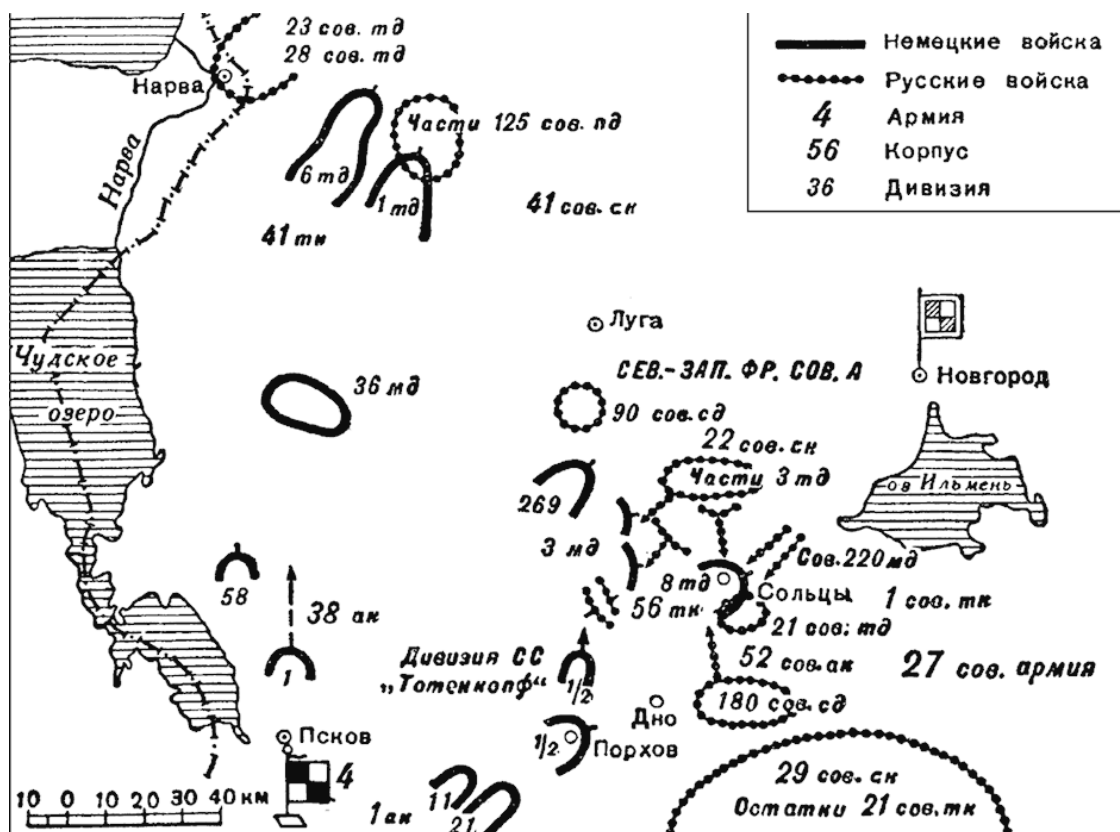
новые бои, в которых мы вместе с 1-м армейским корпусом отбросили противника за реку Мшага.

26 июля к нам прибыл обер-квартирмейстер (начальник оперативного управления) ОКХ, генерал Паулюс. Я разъяснил ему ход боев за прошедшее время и указал на большие потери танкового корпуса на местности, не приспособленной для действий танковых войск, а также на недостатки, связанные с распылением сил танковой группы. Потери трех дивизий корпуса достигли уже 600 человек. Как люди, так и техника выносили тяжелейшую нагрузку; однако 8-й танковой дивизии удалось за несколько дней отдыха довести число готовых к бою танков с 80 до 150 единиц круглым счетом.¹⁰⁰

Я заявил Паулюсу, что, по моему мнению, было бы наиболее целесообразным высвободить всю танковую группу из этого района, где быстрое продвижение почти невозможно, и использовать ее на московском направлении. Если же командование не хочет отказываться от мысли взять Ленинград и провести обходный маневр с востока через Чудово, то для этой цели прежде всего следует использовать пехотные соединения. Танковый корпус нужно было бы сохранить для нанесения последнего удара по городу, после преодоления зоны лесов. Иначе наши дивизии утратили бы свою боеспособность, подойдя к Ленинграду. Такая операция, во всяком случае, оправдала бы затраченное время. Если же мы хотим быстро захватить побережье и Ленинград, то остался бы вариант сосредоточения всех сил танковой группы на севере в районе восточнее Нарвы для прямого удара на Ленинград. Генерал Паулюс целиком согласился с моим мнением.

Однако пока что все шло по-другому. В то время как 16-я армия в составе 1-го армейского корпуса и еще одного вновь подошедшего корпуса заняла фронт по реке Мшага западнее озера Ильмень, 56-й танковый корпус должен был все же осуществить удар через Лугу на Ленинград. Для этого ему были подчинены 3-я моторизованная дивизия, 269-я пехотная дивизия и вновь прибывшая полицейская дивизия СС.

¹⁰⁰ Заметим, что на 22 июня 8-я танковая дивизия насчитывала 212 танков – 49 Pz.II, 118 Pz.38(t), 30 Pz.IV и 15 командирских машин. См.: Thomas L. Jentz. Panzertruppen. The Complete Guide to the Creation & Combat Employment of Germany's Tank Forces. 1933–1942. Shiffer Military History, Atglen PA, 1996. P. 191. К сожалению, нет никаких данных о полученных дивизией пополнениях – но в любом случае за первый месяц войны ее безвозвратные потери составили не менее 60 танков. (Прим. ред.)

Окружение 56-го моторизованного корпуса под городом Сольцы (15–18 июля 1941 года)

Таким образом, распыление механизированных сил танковой группы достигло своей высшей точки. Дивизия СС «Мертвая голова» осталась в подчинении 16-й армии у озера Ильмень, 8-я танковая дивизия была изъята из подчинения корпуса как резерв командующего группой и использовалась для очистки тылового района от партизан, хотя была мало пригодна для выполнения подобной задачи и могла быть использована иначе с большим эффектом. В районе Луги корпус имел в своем подчинении только одну мотодивизию – 3-ю, тогда как 41-й танковый корпус со своими тремя дивизиями вел бои восточнее Нарвы. Генерал-полковник Гудериан, создатель танковых войск, выдвинул следующий принцип их действий: «В кулаке, а не вразброс». У нас это положение было совершенно явно превращено в свою противоположность. Все попытки сохранить за корпусом все три подвижные дивизии независимо от того, в каком направлении будет действовать 56-й танковый корпус, были безрезультатны. Но вообще давно известно, что при недостатке сил мало кому из командиров удастся сохранить порядок в их распределении и избежать рассредоточения соединений.

Изложение хода боев за Лугу завело бы нас здесь слишком далеко. Противник, у которого всего несколько недель назад в этом районе наверняка имелись лишь незначительные силы, теперь имел здесь целый корпус с тремя дивизиями и сильной артиллерией и танками. К тому же район Луги представлял собой учебное поле Советской Армии, так что противник, конечно, прекрасно знал местность во всех подробностях. Кроме того, у него было достаточно времени для сооружения прочных оборонительных рубежей.¹⁰¹

К 10 августа корпус наконец был готов начать наступление. Оно проходило в тяжелых боях, но все же успешно. К сожалению, наши потери были довольно значительны. Полицейская дивизия СС потеряла своего храброго командира, генерала полиции Мюлерштедта. Особо неприятны были многочисленные контратаки танков противника, тогда как наш корпус

¹⁰¹ См. комментарий № 25. (Прим. ред.)

вообще не располагал теперь танковыми силами.¹⁰² Следует отметить, как показал себя в этих боях наш дивизион артиллерийской инструментальной разведки, – противник не мог противопоставить ему ничего равноценного. Благодаря проводившейся им разведке целей и корректированию огня нам удавалось подавить значительную часть сильной артиллерии противника или, по крайней мере, заставить ее отойти на более удаленные от переднего края позиции. Однако против тяжелых минометов противника, которые стали применяться в больших количествах, и дивизион АИР не мог ничего предпринять.

Еще в ходе этих боев штаб корпуса получил приказ, содержащий новую задачу. Наконец, корпус должен был объединиться с 41-м танковым корпусом на севере для удара на Ленинград. Правда, и в этот раз это относилось только к штабу корпуса и 3-й мотодивизии, тогда как 8-я мотодивизия и дивизия СС «Мертвая голова» должны были продолжать действия в прежнем направлении.

15 августа мы передали участок у Луги командиру 50-го армейского корпуса генералу Линдемманну, старому знакомому со времен Первой мировой войны, и отправились на север. Дорога на наш новый КП на озере Самро, 40 км юго-восточнее Нарвы, была настолько плоха, что на 200-километровый путь нам потребовалось 8 часов. Едва мы поздно вечером прибыли к озеру Самро, как нас вызвал по телефону штаб танковой группы. Мы получили приказ немедленно приостановить движение следовавшей за нами 3-й мотодивизии, а самим назавтра с утра срочно возвратиться на юг и доложить о своем прибытии в Дно командующему 16-й армией. Наш корпус в составе 3-й мотодивизии и дивизии СС «Мертвая голова», которая снималась с ильменского участка, передавался в подчинение 16-й армии. Нельзя сказать, чтобы эти перипетии нас особенно обрадовали. Прекрасно чувствовал себя только квартирмейстер, майор Клейншмидт, принявший известие о том, что все его распоряжения по тылу надо повернуть на 180°, не теряя своего юмора.

¹⁰² После того, как Манштейн изъявил Паулюсу нежелание наступать, 8-я танковая дивизия была передана 41-му моторизованному корпусу Рейнгардта. (Прим. ред.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.